

Богдан Заднепровский

**КОНЕЦ ИСТОРИИ – КОНЕЦ БОРЬБЫ?
Очерки об идеологических феноменах**

СОДЕРЖАНИЕ

1. В конце истории
 2. Идеология либерализма и либерализм как историческая закономерность
 3. Буржуазный либерализм и его «конец истории»
 4. Социализм и коммунизм
 5. Консерватизм и реакция
 6. Фашизм
 7. Расизм
 8. Национализм
 9. Нацизм и национал-социализм
- Заключение
-

Нет ничего легче, как признать на словах истинность всеобщей борьбы за жизнь, и нет ничего труднее, по крайней мере я нахожу это, как не упускать никогда из виду этого заключения.

Чарльз Дарвин

1. В конце истории

Законченная парадигма социальной эволюции в идеологической сфере в наше время представляется как борьба трех социально-политических течений: коммунизм, фашизм, либерализм. Есть и другие варианты: либерализм, коммунизм, империализм; либерализм, консерватизм, коммунизм. Именно в рамках этих идеологий существуют в совокупности и по отдельности разные направления самих этих учений. Для коммунизма: социализм, социал-демократия, марксизм, большевизм, сталинизм, маоизм, и пр. Для фашизма: национал-социализм, нацизм, гитлеризм, разные варианты авторитаризма, расизм, радикальный консерватизм, империализм и пр. Для правых труднее определить корневое идейное древо, им может считаться помимо фашизма, и империализм, и консерватизм, и национализм. Для либерализма: непосредственно классический либерализм, правая социал-демократия, и весь буржуазный либерализм от либерал-демократии, до «умеренного» консерватизма. Приблизительно таковы догматические толкования эволюции социальных идей в образовательно-гуманитарных кругах. В общем-то, человечество за два последних столетия упорного научного методизма накопило множество всяческого идейного материала, который еще далеко не весь реализован в действительности.

Почему-то ныне подлинным либерализмом считается то идейное течение демократизации, которое частично реализовалось после Второй мировой войны в странах западной Европы и США. Однако при этом забывается на основе чего, какого прогрессивного материала начал процветать этот самый либерализм. Его построили люди, которые не воспитывались либерализмом. Да и почему собственно следует лишать значительной содержательной части либерализма, как эволюционирующей идеологии? Тот же Фукуяма утверждает, что либерализм окончательная форма социальной эволюции состоялась, как идейное направление в рамках Великой французской революции и конец истории был определен Гегелем в 1806 г., а Кожевным в 40-50-х гг. 20 века¹. Но что же происходило с либерализмом в промежутке между этими датами? Разве история не существовала? Что представлял собой либерализм изначально и в эту эпоху, чем он является на сегодня?

Либерализм начинался, прежде всего, с разрушения абсолютной монархии с идеи о равенстве, братстве, свободе человека. Изначально и позднее либерализм считался почти левым социалистическим идейным движением. «То, что является наиболее ценным в классическом либерализме, наиболее убедительно и плодотворно воплощено в классическом марксизме»². Он свергал власть и мораль старых господ, боролся против рабства и крепостничества. «Мораль господ» и «рабов» – главная идейная составляющая любого консерватизма – «мира существования»: люди пытаются удержать в своей власти то, чего они добились. Либерализм же по определению освобождение от сильно укоренившихся и мешающих развитию социальных устоев – «мир становления». Так он постулировался вначале. Коротко можно сказать, что весь либерализм 19 века – социальный либерализм и национально-освободительный либерализм против тирании монархов, имперской буржуазии. Он – знамя масс и народов, их стремление к равенству против классовой дихотомии буржуазного уклада: эксплуататоры и эксплуатируемые. Это была кровавая либеральная борьба за демократию. Демократия – второй после

социального равенства признак эволюции либерализма. И третья его составляющая борьба за права личности. По сути, все левое демократическое и национально-освободительное движение с марксизмом, анархизмом, антиклерикализмом, социализмом, и являлось либерализмом. Он противостоял этатизму, колониализму, клерикализму, империализму – то есть всякому радикальному (реакционному) консерватизму и аристократизму (элитаризму). Либерализм был тождественен «*восстанию рабов в морали*»³.

Последняя треть 19 века и первая четверть 20 века – это господство империализма. Всяческий либерализм был растоптан, подавлен, расстрелян империализмом и его замашками на мировое господство. Первая мировая война очевидно показала до какого ничтожества была низведена демократия, равенство, права личности. Империалистический реакционный консерватизм и династический аристократизм (элитаризм) своим беспощадным отношением ко всему свободному породили себе радикальную оппозицию в виде большевизма, фашизма и национал-социализма. Массы хотели решать свою судьбу – массы выбрали тиранию своих вождей против бесправия в мире капитала. С этого момента «впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мериллом его представлений о справедливости»⁴. И именно здесь надо понять расхождение либерализма с остальными идейными течениями: империализм, коммунизм, фашизм, национал-социализм – эти силы противостояли тогда друг другу в период с 1917 по 1945 гг. Утверждать, что был какой-то либерализм и всеобщая демократия в эти годы – просто смешно. Была лишь небольшая разрядка в стане победителей. Все данные идеологии опирались на мощь государственного аппарата. Единственный «либерализм» виделся лишь в переделе мира и крушении мощи противника. Все лицемерно провозглашали себя демократами, освободителями рода человеческого. Причем победители прикинулись жертвами и праведниками, которые де защищают демократию от большевизма и фашизма и т.д. Их «либеральная праведность» обосновывалась только на более развитой и сытой экономике и уступках обществу перед лицом «большевистской и фашистской угрозы». Либеральными подачками империалисты задобрили социум, представив всё это демократизацией и либерализмом. На самом деле это был страх погибнуть от гнева забитых пролетарских масс. К тому же империалистические колониальные державы стали рушиться от национально-освободительных движений колоний. Позднее империализм приобрел себе личину либерализма – он купил либерализм, за счет образа своего врага. Таким либерализм стал после Первой мировой войны. Из социального и национального освобождения он окончательно переродился в собственный реакционный антагонизм – *буржуазный либерализм*.

И после Второй мировой войны победители с Запада снова без передышки нашли себе угрозу – «советскую угрозу», «ядерную угрозу Советов» и прочие фантомы. Началась эра неоколониализма – победителям-империалистам захотелось снова реакции. С этих пор «либерализованный» империализм и коммунизм остались вдвоем врагами, опирающимися на этатизм. Лишь сокрушительные поражения в локальных войнах и послевоенные финансовые кризисы заставили буржуазию сделать либеральные послабления «среднему классу» в виде расовых, сексуальных, потребительских «гражданских» свобод. Эра послевоенного либерализма – эра «свободной рыночной экономики». Вот основной идеологический стержень этого либерализма. Рыночная экономика, а вовсе не гонка вооружений, эскалация ядерного противостояния, «холодная» война на изнурение ресурсов несла освобождение миру – такова была установка неолибералов, их символом веры. Империалистические монополисты под видом развития свободной конкуренции пошли на уступки, приняв игру в рынок. Сейчас уже и содержание рыночной экономики в плане либерализма пересматривается не в пользу этой теории, вследствие нарастания экономического неравенства в мире. «Доклад ООН по экономи-

ческому развитию человечества за 1996 год» делает акцент на жизненной важности правительственной политики по «распространению опыта и удовлетворению жизненно важных общественных потребностей», отмечая, что такая политика служит «трамплином для длительного экономического роста». Неолиберальные же доктрины что бы о них ни думать – подрывают образование и здравоохранение, ведут к росту неравенства и уменьшают долю труда в доходах; это невозможно подвергнуть серьезному сомнению⁵. После 70 лет рухнул «коммунизм». И вот безраздельная победа рыночного либерализма на всей планете. Лучше уже не будет. Но хуже может быть. Опять ищутся новые угрозы и находятся. Современный буржуазный либерализм с конца 40-х годов паразитирует на образе «врага человечества», врага его утилитарных потребительских инстинктов. Либеральная маска выдает империализм за защитника «свободы и прогресса всех семейных очагов, всех людей во всех странах»⁶. Рыночный либерализм сегодня опирается на мощь государственного аппарата, как некогда коммунизм, империализм, фашизм. В России империализм и фашизм после войны стали отождествлять по сходным признакам, на Западе также сделали с коммунизмом и фашизмом. Сейчас либерализм сам уже отождествился с империализмом – «капитализм с человеческим лицом», то есть империализма как бы «не существует», остался лишь либерализм. Иначе говоря, крупных игроков вроде бы нет, войн нет, нищеты нет, нарушений прав нет – ничего плохого нет, а если и есть, то это фашизм и коммунизм «поднимают голову». Это очень похоже на тоталитарное мировоззрение бывших «империй зла». Рыночный либерализм не борется с экспансией империализма, с негативными сторонами, а оправдывает её экономическими и социальными достижениями – ныне все более сомнительными. Негативные аспекты скрываются или представляются несущественными издержками демократии или отсталостью периферии мира, которую [отсталость] этот либерализм усердно поддерживает: «нет сомнений, что экономический либерализм, навязанный третьему миру в XIX столетии, является важнейшим элементом в объяснении задержки его индустриализации», и в весьма показательном случае с Индией объясняет «процесс деиндустриализации», превративший мировую промышленную мастерскую и центр мировой торговли в глубоко обнищавшее аграрное общество, страдающее от резкого падения реальной зарплаты, недопотребления продовольствия и недоступности прочих простейших товаров потребления. «Индия оказалась только первой жертвой в очень длинном списке» ..., включающем «даже политически независимые страны третьего мира, которые заставили открыть свои рынки для западных продуктов». Тем временем общества Запады предохраняли себя от рыночных порядков и развивались»⁷. То есть буржуазный либерализм освободил от ответственности за свои планы и действия капитал, буржуазное государство и корпорации. Количество потребления – вот единственный принцип правомерности современного либерализма. Вот только от качества этого потребления гибнут уже целые народы. Он стремится к насаждению «западной демократии», как единственного универсального способа жизни для всех, не спрашивая у народов их мнения. А там, где народ не спрашивают – нет демократии. Объявив себя единственно верной системой ценностей и заявив свои притязания на всеобщность, либерализм проявил неожиданным образом склонность к тоталитаризму, казалось бы, не свойственную ему – раздражение и нетерпимость к инакомыслию⁸. «Тоталитарный либерализм» – вот новая угроза миру. Он объединяет современный мир европейской цивилизации против им же созданной и надуманной угрозы «религиозного фундаментализма». Отсталость и демография Третьего мира грозит всей европейской цивилизации – таков концепт новой Реакции, которая всеми силами поддерживает эту отсталость и индивидуалистическими либеральными ценностями подорвала европейскую демографию. Именно стремление к глобализации экономики, локальные войны, ухудшение жизни мирового пролетариата, разрушение моральных ценностей ради прибыли корпораций создали эту угрозу. Империалистическая реакция вновь хочет бросить социаль-

ное большинство в мясорубку новой войны под флагом либерализма и демократии, отвлечь от нарастающих классовых противоречий внутри буржуазной цивилизации. Современный буржуазный либерализм выглядит отличной ширмой для этого реакционного движения. «Необходимо иное направление развития: не количественный рост, а достижение большего равенства. Деление мира-экономики на ядро и периферию исчезает не в результате включения в ядро новых стран, а вследствие уничтожения капитализма. Развитие, пошедшее по пути уничтожения капиталистического присвоения, по пути перехода средств производства в руки непосредственных производителей, может стать не иллюзией, а путеводной звездой. Но этот вариант ... не детерминирован ..., а может быть завоеван в упорной борьбе»⁹.

Жизнь не терпит одних и тех же высот и однообразия. Современный либерализм за свою 50-летнюю историю накопил достаточно противоречий для девальвации своих идейных позиций. Главное, что его компрометирует, так это то, что он стал лицемерной маской в руках правящих элит, с их извечной «моралью господ и рабов». Он не изначальное средство для борьбы с этой моралью – «восстание рабов в морали», а уже средство против любого восстания, любой борьбы, придаток этой морали. Атавизм древнейшего идеала. Так, например, произошло с мафией на Сицилии: «...первоначально слово «мафия» означало «убежище». Потом оно стало названием тайной организации, возникшей для противоборства с правителями, которые сотни лет подавляли эту страну и ее народ... Она выродилась в придаток капитализма – антикоммунистический, антилиберальный придаток, самостийно облагающий данью всякий, пусть даже самый малый, вид делового предпринимательства»¹⁰. Также и с современным либерализмом.

* * *

Вообще всё идейное наследие нуждается в очищении от стереотипов, в классификации и разведении, в «идейном древе». Что из чего происходит, что чему следует в степени идеологической эскалации. На этом пути не следует придумывать слишком много новых идеологических синтетических систем. Социальная эволюция действительно уже завершилась, но не в 19-м веке: там она научно определилась. Социальная эволюция завершилась с возникновением государства – «расширенного общества», как принципа социального единства и идентификации, и его иерархических приоритетов. В дальнейшем после античной демократии, можно лишь говорить о конструктивизме – технологической эволюции человека, развитии способов производства и гуманизации (либо дегуманизации) общественных отношений, исходящих из этих способов производства. История обозначает лишь циклы этих отношений и их критический анализ. Люди смертны и поэтому наделяют историю чрезмерной эсхатологией.

Как же выглядит на сегодня расклад политических теорий? Итак, 20 век: коммунизм, фашизм (консерватизм, империализм – *ad libitum*¹¹), либерализм. Такое деление уже абсолютно неправомерно с точки зрения отношения общества и государства, экономических отношений, исторических ситуаций. Все три идеологии генетически связаны в своем содержании. Глядя «по ту сторону добра и зла» можно отчетливо это понять – «родимые пятна» феномена власти тяготеют над любой идеологией. В свою очередь их внутренние генетические связи плохо исследованы. Они изнутри разбиваются на многие ветви. Что касается либерализма, то не всегда понятно содержание его борьбы по отношению к другим идеологиям как массовым, так и элитарным. Либерализм от кого? Что из себя представляет либерал и с кем он борется? Коммунизм (социализм) боролся с капитализмом, империализмом – не с либерализмом. Наоборот, он позиционировал себя как классовый либерализм, по отношению к устоям буржуазной формации. Фашизм боролся и с коммунизмом и с империализмом за государственный, технологический, корпоративный либерализм. И коммунизм, и фашизм не боролись ни с

каким либерализмом. Где в этом поле борьбы находится либерализм, на почве чего, какой борьбы? За кого он?

Правомерно было бы 20 век связать с социализмом (коммунизмом) – левыми, империализмом – правыми, как это сделал О. Шпенглер в «Закате Европы»¹². Все остальные социально-политические явления, в том числе и либерализм, попробовать связать со степенью политической эскалации левого и правого движения. Максимами этих движений будет тоталитарное государство, либерализм будет умеренной степенью политической эскалации этих движений. Либерализм – разнонаправленное движение и влево и вправо. Он поэтому иногда двуличен и лицемерен. Он живет за счет противоречий между двумя течениями. И часто эти его качества берутся на вооружение, как левым, так и правым движением.

Исторически *по политической эскалации* левые движения можно классифицировать следующим образом: социальный либерализм (социализм), социал-демократия, марксизм, меньшевизм (троцкизм), большевизм (марксизм-ленинизм), неомарксизм (пост-сталинский марксизм). Китайский коммунизм – на сегодняшний день самая максимальная форма существования левого движения в мире. Сталинизм и маоизм – максимальная историческая форма существования левого идейного движения, когда оно приближается к этатизму и консерватизму крайне правого – «политические крайности подковообразно сгибались навстречу друг другу»¹³. После максим еще идут экстремальные идейные выражения левого движения – анархизм, всяческие синтетические формы становления левого движения, антиглобализм, движение зеленых, особенно в среде молодежи. Правое движение развивает свою эскалацию в следующем приближительном порядке: национальный либерализм – национально-освободительная борьба, национализм, буржуазный либерализм, шовинизм, национал-социализм, консерватизм «умеренных правых» (традиционно правые), фашизм (авторитарные режимы), нацизм-расизм, реакционный ультра-консерватизм традиционно правых (колониализм, империализм, глобализм) – на сегодняшний день максимальная форма существования правого движения. Гитлеризм – историческая максимальная форма существования правого идейного движения. Экстремальные формы становления – всяческие «нео» культуры, глобализм. Хотя перспективы буржуазного либерализма, который сегодня вырвался на передовые позиции, тоже стремятся к максимальному проявлению. Но об этом далее.

Вообще же все экстремальные идеологические формы: «нео», «ультра» – формы становления, их можно вывести из сферы реальной политической борьбы, как вседвелеющую ей оппозицию и объединить их родовым понятием «нигилизм». Для его сторонников по выражению писателя-фантаста Ф.К. Дика – «действительность – то, что не исчезает, когда в нее перестаешь верить».

Большинство «нео» идеологий в особенности современный неолиберализм и неоконсерватизм по сути переснятые содержания предыдущих исторических периодов, в рамках которых развивались их классические и реликтовые формы. Они по преимуществу занимаются ревизией своего исторического опыта, его частичным отрицанием, а также критикой своих оппонентов и их опыта. В них сменяются люди, ответственность, реакция на современные условия. Из шелухи истории возрождаются лишь коренные принципы родовых идеологий и идейных течений – «опоры», облекаясь в условности современной жизненной ситуации с ее актуальностью морали и необходимыми с ней компромиссами. История, к сожалению, остается основой пустопорожней полемики, основным аргументом «против», вместо конструктивных предложений на злобу дня, часто убогой ширмой для корыстных интересов.

Проблемы с корректностью такой классификации могут быть связаны, во-первых, в очередности по степени эскалации, что зависит от исторической ситуации: благоприятной или упадочной, и в различных внутренних признаках расхождения с другими идеологиями и некоторыми признаками сходства, свойственными противоположному дви-

жению (интернационализм, гуманизм, элитаризм, культ личности, массовость и пр.). «Это как в зеркале: ваше правое – мое левое. И наоборот»¹⁴. Все идеологические формы до максимальных обоснованы на борьбе с реалиями за преимущества и перераспределение в разных государственных и общественных системах. «В действительности нет ни одной политической партии или религиозной секты, которая не допускала бы борьбы, кровавой или нет, как выйдет, с теми, кто не принимает их догмы... Кроме того, в борьбе принимаются в расчет не слишком благородные, но, тем не менее, широко распространенные свойства человеческого сердца – любовь к роскоши, жажда крови и женщин, стремление к главенству и тиранству»¹⁵ – те самые «родимые пятна» любой власти. Экстремальные течения – это «восстания рабов в морали», синтез для новой борьбы. Многие из уже существующих идеологий были когда-то экстремальными, радикальными. Но сегодня это законченные позиции с историческим реальным опытом: у них было становление, развитие, достижения, упадок, и теперь современная форма их существования. Экстремальные же идеологии во многом еще идеалистичны – они флаг иллюзий и надежд на изменение мира нового поколения. «Задача проекта – заставить каждого его участника осознать то, что имеет власть над историей. И каждый из нас имеет власть над миром»¹⁶. Основа этого «мира становления» против «мира существования» – формула Гераклита: «все течет, все изменяется». Однако многие состоявшиеся теории еще не изжили всех своих резервов становления и существования. Также и несостоявшиеся (проигравшие в историческом плане) не до конца раскрыли своего содержания. История знает немало всякого рода *палингенеза*¹⁷ в виде Возрождений и Реставраций. Простому человеку, да и ученым не всегда это видно в их повседневной суетной жизни.

Подытоживая все вышеизложенное можно утверждать следующее: ни одна идеология не возникает на пустом месте. Возникновение идеологий обусловлено историческим детерминизмом ее субъектов. Образуется совокупность жизненных условий, из которых вытекает необходимость переоценки, переосмысления действительности, окружающих субъектов идеологий социальных отношений и исторических взаимосвязей. История не только процесс, а пространство и время для процессов, идеологий и т.д.

Любое стремление жизненного роста происходит из недостатка свободы действовать, развиваться. Субъект социально-экономических или политических отношений накапливает достаточно противоречий против современного ему содержания жизни. Он стремится преодолеть преграды, установления и дистанции, которые стабилизировали общественные отношения без учета его позиций. Субъект хочет утвердиться, «стать лучше»¹⁸.

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? – <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>

² Mills Ch. R. The Marxists. N.Y. 1962. P. 123.

³ Термины Ф. Ницше: См. подробнее «По ту сторону добра и зла», «К генеалогии морали».

⁴ Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. // Вернадский В.И. Биосфера и Ноосфера. – М.: «Айрис-Пресс», 2004. – С.479-480.

⁵ Хомский Н. Прибыль на людях. Часть 1. Неолиберализм и глобальный порядок. ihtik.lib.ru

⁶ Черчилль У. Фултонская речь. 5 марта, 1946 года, Вестминстерский колледж, Фултон, Миссури. (материал из «Викитеки» – свободное электронной библиотеки).

⁷ Хомский Н. Прибыль на людях. Часть 1. Неолиберализм и глобальный порядок. ihtik.lib.ru

⁸ Френкин А. Предисловие // Рормомзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.5-11.

⁹ Завалько Г.А. Иммануэль Валлерстайн. После либерализма // Философия и общество. – 2004. – №2. – С. 197.

¹⁰ Пьюзо М. Крестный отец. – М.: «Эксмо», 2004. – С.315.

¹¹ *по собственному усмотрению* (лат.)

¹² Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Образ и действительность. – Мн.: ООО «Попурри», 1998. – С.84.

¹³ Меллер А. Фашистский стиль. – www.nationalism.org

¹⁴ Мисима Ю. Мой друг Гитлер. – <http://members.telocity.com/anatolyey/>

¹⁵ Моска Г. Правящий класс. // Социологические исследования. – 1994. № 12. С. 105.

¹⁶ Паланик Ч. Бойцовский клуб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С.204.

¹⁷ Палингенезис, Палингенез м. (от греч. palin – снова, обратно и genesis – происхождение, рождение): преобразование или новое рождение. В истории идей: воз/новорождение, воскрешение, революция. (См. Вопросы философии – 2006. – №12 – С.51).

¹⁸ Ницше Ф. Воля к власти. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2003. – С.476.

2. Идеология либерализма и либерализм как историческая закономерность

Свободы, которыми мы теперь пользуемся, как бы непрочны они ни были, все же приобретены не без пролития крови.

Джозеф Пристли

Нынешний либерализм неспроста часто относят к центристским политическим течениям. На Западе его считают наиболее развитой, конечной формой социальной эволюции и самой прогрессивной идеологией, которая призвана изжить все, что в мире остается несовершенным и незаконченным. Таков уж европейский ментальный архетип – конечность: европейский пессимизм. Он происходит, по всей видимости, из понятия Страшного суда, Апокалипсиса, Рагнарека и т.д. «Конец истории» – тоже современный миф западного сознания. Этот миф исключает непрерывность, возвращение из механизма исторического развития человечества. Жажда конечных исторических форм, совершенства – главный тезис философии истории Гегеля и других сродни ему. Непрерывность и цикличность истории, возвращение – вот основная оппозиция такому подходу. Еще марксистский исторический детерминизм определял развитие истории по спирали.

Если воспринимать историю не только как эволюцию сознания, но и материи, т.е. еще и как биологический процесс, то, очевидно, что она становится перманентным метафизическим процессом со своими специфическими закономерностями развития и движения.

В рамках истории либерализм не идеология, а историческая закономерность: «...либерализм не только идеология исторически определенного класса, буржуазии, но также провозглашение и теоретическое обоснование общечеловеческих демократических и гуманистических ценностей»¹. Он основа любых коренных изменений в обществе в сравнении с предыдущими его установлениями. Иными словами либерализм – это идейная и практическая Альфа и Омега исторической эволюции, а не сам по себе заключительный ее этап. Либерализм был раньше, есть сейчас, будет завтра. Он не центр он начало и продолжение без конца: «либерализм не является сугубо политическим движением. Он – движение всех тех, кто стремится к большей свободе»². Главный

тезис либерализма – освобождение от каких-либо устоявшихся, устаревших, застойных общественных, геополитических, экономических, моральных форм. Он определяет собой весь динамизм антропологического взаимодействия и противостояния, а не противопоставляет себя другим идеологиям. Он противопоставляется застойным, угнетающим, очень консервативным формам, – каким бы пафосом и святостью они не прикрывались, которые своим чрезмерно длительным или извращенным историческим существованием, своей чрезмерной реакцией на все новое и злоупотреблением старым дестабилизируют свое собственное равновесие, а вместе с ним и общественное равновесие. Короче, старое должно уступить место новому или обновленному – «лучшему», мир должен измениться: таков главный миф либерализма: «отрицание отрицания» все того же Гегеля.

Как видно из первого очерка, либерализм находится в центре идеологических движений. Он их отправная точка: как левого движения – социальный либерализм, так и правого – национальный либерализм. Собственно говоря, таких идеологий самих по себе не существует. Но то, что либеральное движение направлено по этим координатам, не вызывает никаких сомнений – то есть процессу заданы направления. Исторически национальный либерализм сложился раньше – это борьба за освоение пространства, за утверждение собственной этно-ландшафтной идентификации. «Национальное» является почвой вообще для построения социальных отношений и систем. Лишь с возникновением государства на основе этнической культуры и доминирующего на ограниченной «естественными границами» территории жизненного (экономического и традиционного) уклада общества, появляются сложные иерархические социально-экономические отношения, создающие базу (препоны) для социальных противоречий, для «пафоса дистанции» и «восстания рабов в морали». Именно такую последовательность эволюции либерализма можно проследить в истории. Сначала борьба субъектов (разного рода: личность, народ, элиты, массы) за национальную, ландшафтную, государственную идентификацию, затем борьба субъектов за свой статус – социально-экономическую идентификацию: сначала за солидарность, далее за участие в обществе³. Причем если национальный либерализм был по преимуществу явлением массового сознания, то социальный либерализм – борьба за власть был в основном уделом элит, аристократий, корпораций – лишь немногочисленные крестьянские войны из-за чрезмерного притеснения со стороны правящего класса и государства были вспышками ограниченного массового социального либерализма. Только когда государство достигло абсолютизма, социальный либерализм стал массовым явлением. К тому же и национально-освободительное движение – национальный либерализм приобрел отделенный от монархического (порой захватнического) принципа национальный массовый характер.

Либерализм стал движущей силой общественных изменений, общественным мнением и действием – а, соответственно, идеологией. Почему же его противопоставили другим идеологиям: социализму и национализму, динамической основой которым он часто сам служил (Французская и Американская революция тому яркий пример)? Проблема данного противопоставления связана с важностью внутренних идентификаций субъектов социальных отношений. То есть важно понять, что для субъекта либерализм, освобождение. Эти соотношения и пропорции либерализма строятся в рамках стратификации общества. Именно эти соотношения создают основное противоречие Либерализм – Реакция. Это вопрос внутренний для общества. Кто какой свободы желает. Свободы в виде господства или свободы в виде равенства (безопасности) – «...небольшая часть народа желает быть свободной, дабы властвовать; все же остальные, а их подавляющее большинство, стремятся к свободе ради своей безопасности»⁴. В этом пункте социальный либерализм расходится с национальным, для которого самым важным является уже непосредственно вопрос первичной, изначальной идентификации и самосо-

знания субъектов – вопрос существования, суверенитета государства, нации. И для этой сферы либерализма самое главное заключается в реакции разрушения этой идентификации, как внутри общества, так и извне. И социальный либерализм, и национальный либерализм неразрывно связаны с традиционной, воспитанной государством и его институтами идентичностью и целостностью того общества, «кристалла масс», в рамках которого и происходят все исторические коллизии для субъекта социальных отношений. Недаром самые тоталитарные левые и правые режимы, такие как сталинизм и гитлеризм, основывались на этатизме, в своей борьбе за власть взывали к самым низким, коренным чувствам масс и личности, то есть к изначальному биологизму и инстинктивизму борьбы. Эти режимы на пути к власти представляли собой «абсолютный либерализм» (нигилизм) против старого мира и его империалистической реакции, его религиозной традиции. Лишь позднее, навязав уже свою консервативную традицию, они создали на основе изначальных принципов своей борьбы базу для коррупции и реакции. Социальный и национальный либерализм прошли за два столетия колоссальную эволюцию вариантов социальных отношений и борьбы.

* * *

Прежде чем, продолжить рассмотрение отдельных идеологий, вполне уместно было бы мельком окинуть взглядом их историческую эволюцию по выделенным направлениям либерализма – левым и правым, и сравнить с либерализмом как таковым – в отношении того, как его представляют в виде политического движения. Развитие любого политического течения характеризуется самым разнообразным внутренним фракционизмом. Фракционизм дробит идеологические течения на множество направлений индивидуалистического характера. С ним как раз и связан всевозможный идеологический синкретизм. Здесь фракционизм внутренне разводит крупные идейные течения на левые, правые, центристские; консервативные, умеренные, «либеральные», радикальные; массовые, элитарные и т.д. Как это уже отмечалось выше, либерализм исторически развивался в социальный либерализм и национальный либерализм.

Наиболее мощным проявлением социального либерализма в 19 в. стало рабочее движение и его основное идейное развитие – социализм: «рабочий класс XIX века при тогдашнем уровне развития производительных сил не мог уничтожить капиталистического мира-экономики, но мог вырвать (в упорной борьбе) определённые уступки у буржуазии. Эти уступки были шагом на пути изживания капитализма, хотя, конечно, буржуазия сделала всё, чтобы её отступление было минимальным»⁵. На его базе сформировалась основная левая идеология – социал-демократия. Позднее из неё заново выделился сам либерализм, о чём ниже, и мощная социалистическая ветвь, которая и стала одним из важнейших апологетов политической борьбы в 20 веке. В первый период своей деятельности социал-демократические партии играли положительную роль, распространяя среди широких рабочих масс идеи социализма и содействуя образованию массовых организаций рабочего класса⁶. Социал-демократия быстро разбилась на разнообразные фракции, порой враждебные изначальной социал-демократии. Прежде всего, это марксизм – жесткий отход «вправо» от мирной «умеренной» социал-демократии в классовую борьбу. Он разбивается далее на «правый», радикальный большевизм, хотя для оппозиции радикальные левые течения обозначаются как крайне левые – своеобразный социальный «зеркальный эффект», и «левый» меньшевизм в России. Второй Интернационал остался на позициях умеренной социал-демократии, часто симпатизирующей консерваторам, как «умеренным», так порой и реакционерам. Позднее сформировалось даже течение *правых социалистов*. «В идейном отношении правые социалисты – преемники оппортунистических лидеров Второго Интернационала... Они отрицают диктатуру пролетариата, проповедуют «примирение» классов, «сотрудничество» пролетариата и буржуазии в деле социального преобразования общества»⁷. А идеоло-

гия РСДРП(б) переросла через принципы Маркса в марксизм-ленинизм (*коммунизм*⁸). В последующей борьбе марксизм-ленинизм разбивается на фракции «левого» троцкизма и победившего в России крайне правого, консервативного сталинизма («русский империализм»). К сталинизму можно присовокупить маоизм, культ Тито в Югославии – жесткие тоталитарные идеологии. Из троцкизма и после сталинского правления появляется неомарксизм, как революционный, так и довольно консервативный в СССР, ознаменовавший собой деколонизацию мира, «холодную войну», построение «развитого социализма» и т.д. В 1991 г. эта идеологическая ветвь потерпела поражение.

Также в рамках исторической эволюции стоит упомянуть несколько экстремальных (нигилистических) левых теорий вне социал-демократии. Это анархизм и пауперизм в прошлом, и современные примеры социального либерализма – «зелёные», анархо-коммунисты, национал-большевики и проч. Были и совсем гротескные исторические формы левых идей, такие как «крестьянский коммунизм» «красных кхмеров».

Существуют ещё всевозможные синкретические идеологии в рамках эволюции социального либерализма, например, близкая к социал-демократии, христианская демократия, «независимые профсоюзы» и т.д.

* * *

Правое движение внутренне более противоречиво, чем левое, т.к. содержит наиболее устоявшиеся исторические и традиционные мировоззренческие стереотипы. В своей динамике борьбы оно порой не слишком чётко разделяется на наиболее ретроградные формы общественного консерватизма и на национальный либерализм. Нечёткость в правом лагере объясняется просто: социальный либерализм изначально был направлен против традиционных и консервативных форм социальной жизни, хотя часто в законченных формах создавал собственный нередко тиранический консерватизм. Национальный либерализм был направлен всегда на внешнюю политику, связанную с этническим выживанием и самоопределением данного общества. Династизм, консерватизм, элитаризм, клерикализм и этатизм – правые элементы – закрепляли это самоопределение. Но в дальнейшем уже становились элементами внутренних социальных противоречий и дисбалансов, и национальный либерализм обращался на внутреннюю структуру общества, смешиваясь с социальным.

Далее «правый» фракционизм уже спекулирует самыми разнообразными правыми принципами в зависимости от внутренней индивидуальности того, или иного правого идейного движения. Правые идеи более синкретичны ещё из-за использования биологизма, а не социогенетических теорий левого движения⁹. Традиционная и социальная составляющая исторически попеременно то притягиваются, то отталкиваются. На это накладывает отпечаток общественных тенденций либо реакционного, либо либерального толка. Национальный либерализм – довольно протяженное по длительности явление, нежели социальный либерализм. Поэтому в последовательных исторических ситуациях в нем складывается традиционализм, полный архетипов и стереотипов национального, государственного, исторического толка. Традиционализм в свою очередь делит дальнейший процесс эволюции национальной суверенной идентичности на две ветви: одна связана с властью (иерархия и государство) – династизм, аристократия, в общем, всякий элитаризм и этатизм; другая связана с историческим развитием этно-социальной общности в состоянии нации. В дальнейшем династизм перерастает в эпоху партийных движений и организаций в консерватизм державности, как в реакционной форме, так и в «традиционно-умеренной». Национализм же связан либо с прогрессивным развитием общества, либо с необходимостью его выживания в тяжелейших исторических кризисах. Поэтому он примыкает в своих идеологических интерпретациях либо к довольно реакционным позициям – имперство, этатизм, либо к социальному либерализму в какой-либо его ипостаси. Отсюда такие правые идеологии как «консервативная революция», «новая правая», тяготеющие к державному традиционализму, и национал-

социализм, требующий дальнейшего социального развития национальной идентичности. Современные консерваторы из умеренных, да и из крайних нередко используют национальный и социальный либерализм как аморфное прикрытие под видом буржуазного либерализма для своей корпоративной, элитарной Реакции. В немалой степени ультра-консерваторы от индустрии и финансов способствовали деформации национал-социалистической идеологии в наиболее крайнюю форму империалистической Реакции. Эволюционный процесс национал-социализма схож с эволюцией социал-демократии: от идеалов борьбы с империализмом к большевистскому империализму, и после к деспотии, культу вождя – сталинизму. То же с национал-социализмом – от борьбы с любым империализмом, как буржуазным, так и большевистским, к колониальному империализму (эта ущербность Германии как Империи) – в форме нацизма, и к культу вождя – гитлеризму. Закончилась вся эта политическая трансформация величайшим и самым трагичным столкновением людей за всю историю человечества. Оценить морально это событие с каждым годом все трудней и трудней. Во всяком случае это все затруднительней делать с башни нынешнего воинствующего уже буржуазного либерализма. «Однако современные правые подвергли существенной ревизии большинство основ правой идеологии и шагнули в новое тысячелетие серьезно обновленными. А со многими своими идеологическими предтечами они и вовсе резко порвали»¹⁰.

* * *

Сам по себе либерализм как политическое идейное течение существовал и существует лишь при наличии института парламентаризма. «Широта и неопределенность понятия не позволяют точно судить о характере партий, которые стали именовать себя либеральными. В политике и в парламенте они могут быть консервативными, центристскими, умеренными, прогрессистскими. Традиционно в Англии и Германии – это центристы, способные примерять инновации и консерватизм, в США либералы – агрессивные защитники старых и новых гражданских свобод; в Италии – это защитники экономической свободы и частной собственности»¹¹. Либерализм – не для жёсткой борьбы, особенно современный. «Всегда подозревали, что неолиберализм – философия для лучших дней, которая может быть действенной только в условиях отсутствия кризисов и конфликтов... Во время кризиса, неолиберализм снимает с себя политическую ответственность»¹². Его свойство – текучесть, гибкость, лавирование, всяческая мимикрия по обстоятельствам. Либералы всегда тяготели к центризму, к балансированию на канате социальных противоречий. По идеям они всё же ближе к социал-демократии и социалистам, но без их социально ориентированного усердия. Либерал считает всегда, что реформы необходимы, но обязательно без насилия и спешки. Всё должно быть цивилизованно, продумано – интеллектуально. На самом деле, главное, чтобы от этих реформ было как можно меньше убытков у буржуазии – в этом весь смысл либерализма, как политического течения. Политическая эволюция либерализма не блещет разнообразием. На этот счет сложилось очень скептическое мнение. Поскольку либерализм представляет и содействует особому интересу одного класса – класса обладателей ресурсов, или класса капиталистов, – он совершил серьезную тактическую ошибку, не создав своей политической партии и не проводя своих целей путем компромиссов и в соответствии с политической целесообразностью¹³. Наиболее часто либерализм консолидируется как либерально-демократические партии. Либерал-демократия очень размытая идеология на службе у буржуазного либерализма.

¹ Ойзерман Т.И. Является ли либерализм только идеологией? – 2003. – ihtik.lib.ru

² Балашов Л.Е. Либерализм и свобода. – М.: ACADEMIA, 1999. – 19с.

³ Вердери К. Куда идет «нация» и «национализм». – ihtik.lib.ru

⁴ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия./Николо Макиавелли // Государь: трактаты. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – С.159.

⁵ Завалько Г.А. Иммануэль Валлерстайн. После либерализма // Философия и общество. – 2004. – №2. – С. 192-193.

⁶ Политический словарь/под ред. проф. Б.Н. Пономарева. Изд-е второе. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. – С.534.

⁷ *ibid.* С.445.

⁸ Здесь термин «коммунизм» намеренно не вводится в рамки социальной эволюции. Он не отражает в полной мере идейный фракционизм и не имеет под собой реально достигнутой исторической базы. Многие посылы социализма уже достигнуты в развитых обществах, а вот тезисы коммунизма на сегодняшний день пока что не осуществлены. Слово коммунизм, родившееся в Париже в 1840-е годы, относится к трем связанным между собой, но разным понятиям: идеалу, программе и режиму, призванному воплотить идеал в жизнь. Нет четкого различия между «социализмом» и «коммунизмом». Маркс различал две фазы продвижения к полному коммунизму: первая, переходная фаза, в рамках которой сохраняются старые виды неравенства даже при уничтожении их корней; за ней последует вторая, высшая фаза, когда принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» заменит принцип «равной оплаты за равный труд». Первую фазу Ленин определил как социализм, вторую как коммунизм [Пайпс, 2002, С.9].

⁹ Антропология, этнология и геополитика – научная основа правого мировоззрения. Экономические теории, психологические и социологические исследования – научная основа левого мировоззрения. Так было в общем и целом до сих пор.

¹⁰ Антоновский Р. Новые правые новой Европы. – <http://www.novopol.ru/article450.html>

¹¹ Кравченко И.И. Либерализм: политика и идеология // Вопросы философии. – 2006. – №1. – С.12.

¹² Бек У. Конец неолиберализма. Inosmi.ru. – 2001. – 14 ноября. – <http://www.inosmi.ru/2001/11/14/1005765076.html>

¹³ Спадарро Л. М. Вступительное слово // Мизес Л. Либерализм в классической традиции. – www.liberal.ru

3. Буржуазный либерализм и его «конец истории»

В завершение всего вышесказанного о либерализме, подведем критический итог по его современной стадии – буржуазному (рыночному) либерализму.

Итак, чем всё же отличается современный буржуазный либерализм от старого, породившего все нынешнее идеологическое разнообразие?

На текущий момент истории буржуазный либерализм представляет собой состоявшийся в законченном виде феномен послевоенного неолиберализма, основными «родимыми пятнами» которого стали компромиссы с реакционным же неоконсерватизмом, что включило их в программу неоимпериализма. А также утилитаризм в крайних аморальных формах, крайний индивидуализм в понимании демократии и гражданского общества. Переснятое содержание классического либерализма лишилось в большой степени своего этического направления. «Мы отдаемся в полную власть либерализму и его извращенной форме – либертаризму – столь безудержно, что это привело к индивидуализации, к расщепленности общества, к господству гедонизма в угрожающей мере: мы постоянно сталкиваемся в результате с симптомами внутренней эрозии и даже распада общества. Идет речь о гибели ценностей, о кризисе культуры»¹.

Современный буржуазный либерализм обозначает сферой своей борьбы непосредственно сами социальные отношения, их абстрактные и системные выражения: права, законы, ценности, экономические кризисы, системные кризисы. Этим он позиционируется от других идейных течений, для которых борьба связана в первую очередь с людьми, стоящими за социальными отношениями, правами, законами, ценностями, кризисами, функциями. Это либерализм интеллектуалов. Он на словах стремится к гуманизму борьбы, к ее смягчению и сглаживанию углов. Однако государство и общество до сих пор содержит войска – главный аргумент насилия и принуждения для внешнего врага, полицию для внутреннего врага. Только во второй половине XX в. неолиберализм – и в этом состоит его смысл – признал роль государства и более того, стал одной из ведущих государственных идеологий². Поэтому все власти в государстве, а соответственно и все субъекты власти действуют до сих пор традиционно – с позиции силы. Однако, как и либерализм, этатизм взял абстрагирование от человека за метод реакции по отношению к обществу. «Либерализованный» этатизм (современное западное общество и те изуродованные им посткоммунистические и поставторитарные общества) не сглаживает углов общественных противоречий, а обостряет их до остроты бритвы, чтобы отсечь все, что не соответствует его критериям. Поэтому реакционера от либерала отличить практически невозможно – у них общий дискурс. «Современные формы отчуждения (прежде всего – глобальная гегемония корпоративного капитала) ведут не к снятию, а к обострению глобальных проблем, запирая наиболее ценные ресурсы развития и, прежде всего, человеческие качества, в гетто «превратного сектора», где создаются фиктивные блага, не служащие прогрессу человеческих качеств. Это такие сферы как финансовые спекуляции ..., шоу-бизнес и масс-культура, разрушающие потенциал человечества; маркетинг и, в частности реклама, интенсифицирующие паразитические стороны потребления; милитаризм ... – перечень легко продолжить»³.

А вот приверженцев подлинной социальной борьбы – борьбы человека против человека, всех против всех отличить можно достаточно определенно: по той идеологической основе социального либерализма и национализма, которая была освоена и утверждена в процессе социальной эволюции последних двух столетий. Либералы всеми нелиберальными способами (за счет всех видов властей) пытаются окончательно уничтожить общественный плюрализм – основу социального либерализма. «Фактически западные либеральные режимы по самой своей природе очень слабо экипированы, если не сказать безоружны, перед лицом трансформации нравов и инфильтрации умов. Либеральные власти являются пленниками своих собственных принципов. В плюралистической политической системе конкуренция необходимым образом гарантирована всем присутствующим идеологиям, и общество не может ополчиться против одной из них без того, чтобы не выглядеть тираническим»⁴. Поэтому практически всю либерализацию они перевели в биологическую сферу человека – потребление. Утилитаризм – севрюжина с хреном – вот возжеланный идеал нынешнего либерала. Биологизм, как известно, то, что так успешно проповедовали некогда самые реакционные формы национализма, которые сменил теперь корпоративный империализм. Запад в течение последних лет пытается обосновать только лишь биологическую угрозу со стороны «нелиберальных» и «недемократических» оппонентов. «Мы не будем строить Дахау и Освенцим. Хитрая манипуляция средствами массовой информации создает концентрационный лагерь для мышления, который обещает быть во много раз более эффективным для удержания населения в повиновении»⁵ – таков гуманистический девиз либерально-буржуазных идеологов. То есть формируется уже нечто вроде реакционного либерализма, одномерного, однополярного, бескомпромиссного, абсолютного. Это «либерализм прогресса и цивилизации» – одна часть человечества стала равней другой. Она хочет заполнить своим порядком весь мир. Очевидно, что это Реакция – либеральная реакция. Реакцией становится любая самодостаточная (обладающая властью) идеоло-

гия, ведомая чрезмерной экспансией своей консервативной традиции. Авангардистская, прогрессистская идеология может быть исчерпана, и тогда она становится традиционалистской, консервативной и даже реакционной⁶. Кто-то из философов утверждал, что любая доминирующая религия или идеология считает себя единственно правильной и конечной. Так ныне ставит себя либерализм. Либерализм как идеология, произошел от либерализма как процесса социальных отношений, достиг своего максимума и начал вырождаться. Изжил себя. Прогнил.

Буржуазный либерализм утверждает принципами всеобщности, общечеловеческих прав, равноправия, свободы слова, совести, личности. Основная же проблема буржуазного либерализма в том, что он не может обеспечить эти ценности, исходя из им же канонизированной всеобщности. «Дальнейшее расширение политических прав и перераспределение материальных благ поставят под угрозу систему капиталистического накопления. Теперь буржуазия будет опираться только на силу»⁷. А всё потому, что либеральные ценности суть потребительские ценности (в рамках рыночного либерального дискурса) – нет средств, они недоступны. Буржуазный либерализм не занимался развитием экономического равноправия на основе всеобщности, были лишь некоторые невнятные слоганы о «равных возможностях» в экономике, ничем не подтвердившиеся на практике. Здесь-то и начинается ложь – «либеральные ценности доступны для «всех», если...». Но этих *если* накопилось уже слишком много, чтобы для большинства людей либеральные возможности стали достижимыми, а вернее, наоборот, недостижимыми. Гнилой буржуазный либерализм обещает людям свободу и потребительские ценности. Большинство же людей получают взамен за воспринятые идеалы и иллюзии либерализма лишь глянцевые копии, телевизионные фантомы, картинки этих ценностей – «глянцевый либерализм». Вместо собственной красивой жизни – пустые переживания за жизнь персонажей мыльных опер и телепутешествия в экзотические страны и курорты вместо реальных, картинки с улыбающимися, счастливыми, красивыми, здоровыми мужчинами и женщинами, детьми вместо собственного счастья, красоты и здоровья. Вместо свободы созидать – свобода деградировать, так как свобода потреблять не реализована: секс взамен любви, перверсии взамен романтики, безнравственность вместо духовной чистоты. Сплошной эрзац земного эдема – обмен ценностей на удобства. Несбыточность – вот вечность ада либерализма для «всех», для большинства.

Вот тут-то либеральная «всеобщность» и равноправие (равенство перед законом) рушатся. Они становятся пустыми понятиями, равно, как и права человека. Однако если приглядеться внимательнее, то станет очевидным, что буржуазный либерализм обеспечил не возможности для «всех», а права разного рода меньшинств, элит, диаспор, кланов и корпораций – «не таких как всех» на их свободное существование, на произвол и беспредел в рамках «всех». Буржуазный либерализм стал, прежде всего, средством экспансии на «всех», на самые крупные устоявшиеся общественные корпорации и институты: государство, нацию, семью. «Многokrатно полагали, будто эта проблема решена и достигнут «конец истории» в воплощенной утопии хозяев. Один из классических моментов относится к истокам неолиберальной доктрины в начале XIX века, когда Давид Рикардо, Томас Мальтус и другие великие фигуры классического либерализма провозгласили, что новая наука — с непреложностью законов Ньютона — доказала, что мы лишь вредим бедным, стараясь помочь им, и что лучший подарок, который мы можем предложить страдающим массам, состоит в избавлении их от иллюзии, будто они имеют право на жизнь»⁸.

Общины «не для всех» добились права распространяться на основе всеобщности, а также закрепили неприкосновенность своего положения. Именно этот алогизм «не все» становятся вроде бы такими же «как все» – хотят прав «как все», но в то же время не желают становиться «как все» трансформировал либерализм в эрозийный, коррупци-

онный цивилизационный процесс в рамках общества в виде вседозволенности тех, кому либеральные ценности доступны. Именно так выглядит либеральный вариант Реакции.

Можно сделать вывод, что одни внутренне целостные общественные структуры пытаются разрушать другие более устоявшиеся. Секта, элита, богема, диаспора, мафия, сексуальные меньшинства, легитимируясь, разрушают целостность государства, нации, личности – все признаки их внутренней здоровой сплоченности на основе исторического чувства, воспитания, созидательного начала, своими признаками дегенеративного единства (обособленности), потребительского фетишизма, безнравственности, растлевающего самоудовлетворяющегося индивидуализма.

Все современные буржуазные и либеральные трактовки понятия «демократия» вычлениют, выхолащивают самый главный ее элемент «демос» (народ), подменяя его содержанием «всекратия», «разнократия», а, по сути, лицемерно скрывается власть корпораций над массами. «Демос» становится лишь формализованным прикрытием для разного рода тирании от олигархов, силовиков, технократов. «Демократия» сегодня – это политический капитализм, и больше ничего. Демократия как политический капитализм подлежит следующему формальному определению: это господство над какими угодно народами с их скрепленного формальной договоренностью согласия»⁹.

Буржуазный либерализм вошел в полное противоречие с либерализмом как таковым, как историческим процессом. Он уже получает ангажированные оппозицией пропагандистские ярлыки в рамках живого политического процесса – «консервативный либерализм», «либеральный фашизм», «радикальный либерализм», «ультралиберализм». Пришла и для либерализма пора типичного гегелевского «отрицания-отрицания». Далее диалектически следует синтез – некоторые идеологи генерируют сегодня не слишком выделявшийся когда-то «национал-либерализм» – по сути, правое движение. «Но национал-либералы изначально, по крайней мере в вопросах конституционного права, не были либеральной партией. Они были крылом старой либеральной партии, которая призналась в том, что стоит на позиции «фактов, какие есть в действительности»¹⁰. То есть на позиции «умеренных» консерваторов. Но чтобы не отвлекаться на этот идейный и публицистический фракционизм, мы анализируем и критикуем эту идеологию как буржуазный либерализм. Суть его негатива в том, повторимся, что в него проникла Реакция – империалистическая, капиталистическая, взяла его себе в услужение. Как подметил Жиль Леклерк в своей книге «Вчерашний день либерализма», «либерализм — в сущности, доктрина тонкого тоталитаризма»¹¹.

Часто в стане либералов поднимается вопрос о путанице и «отчуждении» понятия либерализма в пользу протекционистов и консерваторов. Например, «американские консерваторы начала XX в., будучи сторонниками доктрины классического индивидуализма, именовали свое направление «твердым индивидуализмом» (или «грубым индивидуализмом»), а себя называли «либералами», хотя и принадлежали к республиканской партии, в то время как либералы традиционно отождествлялись с демократической партией»¹². Этим либералы и консерваторы хотят еще больше запутать обывателя надуманной полемикой оппозиции правительство – либерализм. На самом деле нет никакой путаницы, все просто – интересы реакционного империализма (глобализма), а тем более умеренного консерватизма (неоконсерватизма) почти полностью совпадают с ценностями и устремлениями буржуазного либерализма. Консерваторы говорят прямо: «...можно сказать, что современный консерватизм существует только как — в той или иной мере и в той или иной форме — *либеральный консерватизм*»¹³. «Применительно к подлости» им вторят и либералы. «Либерал может быть и консерватором, если на завоеванные свободы, на достигнутый уровень свободы покушаются, добиваются изменений не в пользу, а во вред свободе. Либерал не только провозвестник, делатель свободы, но и ее защитник, хранитель. Как провозвестник, делатель свободы он – прогрес-

сист, реформатор и даже революционер. Как хранитель, защитник свободы он – консерватор»¹⁴.

Прозорливый современник на своем опыте убеждается, что на сегодняшний день многие идеологи и государства, вещающие с колокольни «либерализма и демократии», на деле зачастую используют в практической сфере общественной жизни принципы преданных ими остракизму идеологий – и фашизма, и нацизма, и коммунизма. А также нередко потворствуют намеренным равнодушием и купленным «незамечанием», казалось бы, канувшим в лету реакционным империалистическим принципам, например, в геополитике и трудовом законодательстве. Даже можно наблюдать в социальных отношениях отголоски колониальной работорговли – в рамках либерального общества «торговля живым товаром» процветает в проституции... Заигрались сытые гуманисты в двойные стандарты. «Свобода, ответственность, терпимость, социальная справедливость и равенство возможностей – вот главные ценности либерализма»¹⁵: так начертано на его повапленных гробах. А что же на самом деле проповедают властители либеральных дум?

Слишком индифферентно относятся эти «диалектики обаятельные», даже с какой-то возмущенной брезгливостью, к социальной сфере и ее проблемам. «Новый философ» Ф. Немо, ученик Хайека, утверждал, что социальная справедливость «глубоко аморальна» ... Теория, согласно которой рынок никогда не является несправедливым и «всегда прав», принцип «все – для лучших» не позволяет никому критиковать результаты действия свободной рыночной экономики»¹⁶. Главное рынок, институт частной собственности и конкуренция за нее с государством. До остальных либерализму дела нет. Он говорит им – «все свободны, главное не лезьте в частную собственность – она, как Наполеон, всегда права». Моральная ответственность либеральных манифестов оказалась самым либералам не по зубам и не по вкусу. Поэтому ее решили спихнуть на личность через систему зависимостей от индивидуалистических ценностей.

Одна из опор либерализма – индивидуализм. Права личности ныне отождествляются с правами на индивидуальные свободы, ценности и интересы. И в этом процессе индивидуальное в правах вступает в противоречие с остальным личным, не менее важным, что содержится в разносторонне развитом нормальном человеческом сознании. Личность – не только индивидуальность, она содержит в себе здоровые социальные, коллективные, исторически значимые стереотипы и интересы помимо индивидуальности. Самое скотское и лицемерное либеральное воспитание заключается во внушении, что человек должен надеяться только на себя: «либеральное общество, устраняя «тайну», «абсолют», «порядок» и не имея в своем распоряжении ни подлинной метафизики, ни подлинной полиции, перекладывает ответственность за индивида на него самого, при этом полностью отстраняя его от собственной сути, от присущих ему глубин»¹⁷. Даже если ему тяжело, он должен, обязан быть эгоистом, и не трогать ближнего своими проблемами, а тем более *государство и бизнес*. Людям все внушают и внушают антигуманную и противоестественную для человека мысль – «самость»: они должны заботиться о себе сами. Обратный аспект этой лживой басни состоит в том, что, мол, господа всего добились сами в конкурентной борьбе, но людей они при этом настоятельно уговаривают не бороться, быть смиренными, но заботиться люди должны о себе сами, не повторяя господских и бандитских методов борьбы и обретения собственности. Нынешнему государству и бизнесу, проповедующим этот закон джунглей «каждый сам за себя», однако, очень нужны социальные ресурсы и налоги, притом, что люди останутся на своем собственном попечении. То есть одним можно всеми способами добиваться своего куска, а другим уже нельзя этого делать, биться за свое место под солнцем – это может оказаться не толерантным, нарушить мир и спокойствие, подвергнуть угрозе основы ранее установленного порядка. Всеми правдами и неправдами либералы-реакционеры изымают из общества и личности мысль о борьбе в свою пользу, навязыва-

вая им «нечистую совесть», «вину» и все что им сродни. «Жить по-настоящему — значит не признавать других; а если человек принимает других, он должен быть готов на самоотречение, должен совершать насилие над собой, идти против собственной природы, ослаблять себя. Свободу соотносят только с самим собой; на ближнего ее распространяют лишь ценой изнурительных усилий. Отсюда недолговечность либерализма, являющегося вызовом нашим инстинктам, чудодейственным и преходящим успехом, состоянием исключительности, антиподом наших насущных потребностей»¹⁸.

Нынешний буржуазный либерализм – и это очевидно – по духу сильно рознится с либерализмом Декларации прав человека 1789 г., написанной Эммануэлем Жозефом Сийесом, а по многим социально значимым положениям и вовсе входит в противоречия с исконным либерализмом и даже отчасти отрицает эти положения. «Ни в чем различие в доводах старого либерализма и неолиберализма не проявляется яснее, и нигде его нельзя так легко продемонстрировать, как в их отношении к проблеме равенства... Ничто, однако, не является столь плохо обоснованным, как утверждение о присущем всем членам человеческой расы равенстве. Люди абсолютно не равны»¹⁹. Это пишет не нацист, а великий либерал Мизес!

Идеалы либеральных просветителей 18 века, таких как Монтескье, Руссо, Вольтер, Пристли были далеки от буржуазного пафоса современного либерализма с его догматическим назойливым вдалбливанием универсализма, индивидуализма, космополитизма.

К сожалению, современный либерализм выдохся в одностороннюю антиидеологию. Он тотально отрицает, обвиняет, критикует другие идеи и тем самым приводит сам себя к самоотрицанию, самообвинению, самокритике. Какая четкая конечная цель либерализма сегодня, какие идеалы он предлагает людям? Увы, но ничего нового не предлагается им взамен, как более совершенное и лучшее, только «конец истории» и «тотальная универсализация». Очень уныло и пессимистично. Либерализму нигде не удалось выполнить свою программу так, как она была задумана²⁰. Именно из-за капитализма любой либерализм рано или поздно превращается в буржуазный. Либерализм, как общественно-государственная форма капитализма, должен быть безоговорочно отправлен туда же, куда и сам капитализм – на свалку истории²¹.

Хотя все же будет неправильно отрицать либерализм абсолютно. В свою очередь социализм также нельзя сегодня утверждать как «лучшее из лучшего». Он – лишь необходимая система социальных отношений, дальнейший прогресс общества и его институтов, не конечный, не безупречный, но нужный. К этому выводу пришли американские либералы, и даже многие авторитеты консерватизма. «Самозванный американский либерал аплодирует всемогуществу правительства, является решительным врагом свободы предпринимательства и защищает всеохватывающее планирование со стороны властей, т.е. социализм... Sozialpolitik Бисмарка была представлена в 1881 году, более чем за пятьдесят лет до ее точной копии «Нового курса» Рузвельта»²².

Помимо буржуазного либерализма нынешнего толка развивался еще либерализм другого ракурса и направленности, который выступал за широкую социализацию государства и общества. Этот вид либеральной идеи обозначает себя элементом, логическим звеном становления социализма, его эволюции: «...цели либерализма будут оставаться на втором плане в течение долгого времени, если он не пойдет дальше в направлении социализации производительных сил, с тем чтобы свобода личности опиралась на саму структуру экономической организации»²³.

Против западного либерализма необходим новый либерализм: либерализм от либерализма. То есть идеология, которая признает, прежде всего, многообразие, плюрализм, право на собственную идентификацию. Базой для таких идеологий может послужить набор позитивных тенденций, антиреакционных воззрений, накопленных такими метаидеологиями как социализм и национализм – левым и правыми движениями, проис-

ходящими из социального и национального либерализма: «основные принципы классического либерализма обретают свое естественное современное выражение не в неолиберальной «религии», а в самостоятельных действиях трудящегося народа и в идеях и практической деятельности свободолюбивых социалистов, на что обращали внимание такие крупнейшие мыслители XX века, как Бертран Рассел и Джон Дьюи»²⁴.

В заключении рассмотрения идеологии либерализма отметим, что его адепты уже приходят к подобным выводам. Д-р Фальк Бомсдорф, представитель Фонда Фридриха Науманна в России и странах СНГ поддерживает необходимость пересмотра наследия либерализма и сетует, что «различные силы, ведущие политическую борьбу, произвольно присваивает себе право называться «либеральными» и далее говорит «попытка очищения понятия «либеральный» от его исторически сложившегося негативного восприятия в России не только уместна, но и насущно необходима. Понятийная ясность – вот что сейчас нужно»²⁵. То есть либералы в России, оправдываются, что то, что культивировалось в последние 15 лет реформ, не было «истинным либерализмом», хотя данная политика утверждалась ими именно как «либеральная». А теперь они все осознали, и будут строить «правильный» либерализм с учетом накопленного опыта и ошибок предыдущих лет. Однако в таком духе «очищения» могут излагать свои позиции, да и делают так коммунисты: мол, был «мутантный социализм», а они теперь будут строить правильный²⁶. Естественно, что и «новым правым» ничто не помешает при таком подходе утверждать, допустим, что Гитлер был неправ и строил «не истинный» национал-социализм, что пришло время вернуться к чистым истокам традиции и «консервативной революции».

Всеобщий идейный пересмотр (ревизия) – вот современная тенденция, становящаяся альтернативой постисторическому деидеологизированному «концу истории». Отчасти в этом ракурсе, помимо современного их состояния и анализа, далее будут представлены другие идеологии.

¹ Рормомзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.15-29.

² Кравченко И.И. Либерализм: политика и идеология // Вопросы философии. – 2006. – №1. – С.11.

³ Бузгалин А.В. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Вопросы философии – 2005. – №9. – С.10.

⁴ Бенуа А. Консервативная «культурная революция» // Русский журнал. – 2001. – 8 ноября. – www.russ.ru/politics/20011108-adb.html

⁵ Антология скандинавской фантастики. – М.: «Молодая гвардия», 1971. – С.367. (Дж. Гаррисон).

⁶ Кравченко И.И. Либерализм: политика и идеология // Вопросы философии. – 2006. – №1. – С.7.

⁷ Завалько Г.А. Иммануэль Валлерстайн. После либерализма // Философия и общество. – 2004. – №2. – С. 195.

⁸ Хомский Н. Согласие без согласия: манипуляция общественным мнением // Хомский Н. Прибыль на людях. – М.: Праксис, 2002. – ihtik.lib.ru

⁹ Оберлерхер Р. Национализм и демократия // «Русское самосознание» выпуск 7 // Staatsbriefe 1997. – №8 – S.9-11. – <http://www.portalus.ru>

¹⁰ Мизес Л. Либерализм в классической традиции. Приложения. 2. О термине «либерализм». – www.liberal.ru

¹¹ Бенуа А. Хайек: закон джунглей // Элементы. – 2000. – №5. – www.arcto.ru

¹² Заусаева Н.А. Проблемы становления политической философии консерватизма в XX в.: опыт США и Германии. – <http://irbis.asu.ru/mmc/melnik/11.ru.shtml>

¹³ Капустин Б. Что такое консерватизм? // Свободная мысль – XXI. – 2004. – №2.

- ¹⁴ Балашов Л.Е. Либерализм и свобода/Л.Е. Балашов. – М.: АCADEMIA, 1999. – 19с.
- ¹⁵ Либеральная программа на XXI век. Особенность свободы в открытых обществах граждан. Либеральный манифест, принятый 48-м конгрессом Либерального Интернационала Оксфорд (Великобритания) 27–30 ноября 1997 года. – www.liberal.ru
- ¹⁶ Бенуа А. Хайек: закон джунглей // Элементы. – 2000. – №5. – www.arcto.ru
- ¹⁷ Сиоран. Искушение существованием. – М.: Республика; Палимпсест, 2003. – С.279.
- ¹⁸ *ibid.* С.273.
- ¹⁹ Мизес Л. Либерализм в классической традиции. Введение. 4. Равенство. www.liberal.ru
- ²⁰ *ibid.* Введение. 1. Либерализм. – www.liberal.ru
- ²¹ Кашников Б.Н. Марксизм как радикальная критика либеральной справедливости. / Б.Н. Кашников // Вопросы философии. – 2005. – №6. – С.37.
- ²² Мизес Л. Либерализм в классической традиции. Предисловие к изданию на английском языке. – www.liberal.ru
- ²³ Дьюи Дж. Либерализм и социальные действия // Демократия и XX век: Хрестоматия по курсу гражданского образования для педагогических университетов. – Нижний Новгород, 1997. С. 55-70. – <http://humanities.edu.ru/db/msg/81197>
- ²⁴ Хомский Н. Прибыль на людях. Часть 1. Неолиберализм и глобальный порядок. – ihtik.lib.ru
- ²⁵ Либерализм. Основные документы Либерального Интернационала и Свободной Демократической партии Германии. – www.liberal.ru
- ²⁶ Бузгалин А.В. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов // Вопросы философии – 2005. – №9. – С.22-24.

4. Социализм и коммунизм

Две вещи, в которых мир нуждается больше всего, – это социализм и мир, но обе они противоречат интересам наиболее могущественных людей нашего времени.

Бертран Рассел

Социализм – это идеология построения справедливого общественного строя, берущая корни еще с «Утопии» Томаса Мора. Ее главная особенность – стремление к гармонии социальных отношений.

Совершенно очевидно, что социализм (правда, в его утопической форме) и либеральное мировоззрение находятся в несомненном идейном родстве¹. Неудивительно, что основным принципом социальной борьбы стал один из триады принципов либерализма Великой Французской революции «Свобода, равенство, братство». Именно французские радикальные мыслители восемнадцатого века первыми выдвинули коммунистические программы, призывая к отмене всякого частного богатства на том основании, что оно является причиной всех бед, известных человечеству². И именно борьба за равенство стала определяющей для социального либерализма. В чем же заключалась потребность борьбы за равенство? Сама иерархическая природа общества и государства, казалось бы, исключала равенство людей в доходах, в положении и пр.

Консерваторы и реакционеры всегда пытались утратить равенство, представить его невозможным. Но за равенство (в политических правах) как раз таки первыми стали бороться представители правящего класса. Их кодекс чести покоился на правиле «пер-

вый среди равных», а иерархия, дистанция создавались на основе принципа «вассал моего вассала не мой вассал». Не было жесткой борьбы за равенство именно благодаря четкой регламентации общества. Каждый чтит свое достоинство в своем положении. Дворянин не имел права заниматься трудом простолюдина или купца. А они в свою очередь не имели его прав. То есть система социальных отношений была сбалансированной, ровной, последовательной. Равенство заключалось в ровности и последовательности отношений. «Феодальная мораль открыто формулирует различные нормы поведения для разных сословий. Равенство здесь мыслится в рамках одного сословия»³. Неравенство могло возникнуть при произволе, узурпации прав, имущества и доходов другого сословия. Лишь так возникало неравенство социальных отношений. Неравенство означало разграничение сфер деятельности субъектов социальных отношений. Каждый ел свой хлеб. Подобный принцип регламентации социальных отношений ведется еще от индийских каст. Еще для примера можно привести и дуэльный кодекс, по которому сражаться можно было почему-то лишь с *равными*. Теоретики «естественного права» на излете феодализма уже довольно определенно выдвигали понятие равенства, как очевидную природную данность. Спиноза писал о равенстве: «В некоторой базисной плоскости, в условном естественном состоянии люди равны, поступки каждого оправданы его природой»⁴. Всегда человек жил в обществе, где он осознавал себя не только неравным по отношению к одним людям, но и в каких-то отношениях равным с другими людьми, по определенным признакам. А значит, что равенство все-таки существует и за него можно бороться.

Именно произвол, вторжение одних сословий в интересы других, развитие капиталистических отношений, желание аристократии зарабатывать деньги, а купцов участвовать в политике, привело к потребности сломать старое иерархическое неравенство. «Идея социального равенства родилась в период подготовки буржуазных революций... С развитием товарного хозяйства, которое требует равенства товаровладельцев, ибо иначе нарушается нормальный товарный обмен, возникло требование уничтожить преимущества и привилегии отдельных сословий»⁵. Это был длительный процесс становления буржуазного строя, с многочисленными реставрациями абсолютизма.

Капиталисты боролись за равенство участия в политической сфере с аристократами. Лишь когда они добились своего господства в обществе, им стала претить идея дальнейшего либерализма социальных отношений. Поэтому буржуазные консерваторы постоянно утверждают невозможность равенства, при этом, не отказывая в нем среди своего круга. Пытаются всячески забыть вклад масс, народов в установление их власти, в достижении ими их прав. Буржуазная мораль провозглашает всеобщее равенство людей, но этот принцип остается чисто формальным в силу фактического классового неравенства⁶.

Но если раньше борьба шла между равенством и неравенством, то при нынешнем капитализме этот процесс приобрел другую дихотомию. Сейчас идет борьба между равенством и уравниловкой.

Позитивное равенство – возможность роста для всех, пусть и не равного, не максимального, но роста. На ощущении роста, улучшения и перспективы строится позитивное равенство. Рост – самое необходимое ощущение в жизни, его познают с пеленок. Увядание и деградация, болезнь мешают росту, ведут к страданиям и смерти.

Негативное равенство – «уравниловка». Постоянное ограничение роста, загон в определенные рамки, классы, цифры. Ведет к деградации, потому что излишек роста изымается в чужую пользу.

Еще важно отметить и то в чем состоит неравенство. Оно состоит в различии и разнообразии, во множественности проявлений жизни и природы. Неравенство несет в себе иерархию, но и хаос. А равенство заключает в себе принцип однородности, сплоченности, единства. Стремление к единству, к коллективу, к сплоченности – биологически

объективное стремление к однообразию, к общей идентичности. Иерархии же очень разнообразны и динамичны – в них все компоненты заменимы. Если рухнет внутреннее единство и сплоченность, иерархия тоже разрушается. То есть принцип единства и сплоченности первичен по отношению к принципу иерархии. Другой вопрос – иерархический – какими методами устанавливается это единство? Здесь приоритет уже за иерархическим принципом, но вытекающим не из разнообразия, а из единства, сплоченности. Это *принцип иерархической последовательности*: субординация и протокол. Так выглядит диалектика равенства и неравенства, что еще раз подтверждает, что равенство все же существует. «Для большевиков иерархически-элитарный принцип представлялся идеалом «реакционного», отмирающего класса. Идеал равенства они считали единственно возможной и оправданной целью массовых революционных движений. Эту веру большевики унаследовали от дореволюционной русской интеллигенции»⁷.

В стиле Ницше эта проблема выглядит следующим образом. Никто не хочет равенства для себя с другими. Всех сильных не победить, но на пути к могуществу стремятся сокрушить тех, кто выше. А потом навязывают равенство для других по отношению к своему возвышению. Одни сверху, остальные одинаково убоги, равны в своем убожестве. Тех, кто снизу пытаются загнать под общую равную планку, выше которой нельзя подняться. Таким образом, равенство становится «моралью господ», а не только «рабов». Все что снизу хочет расти, все что сверху хочет опустить все что снизу. Лишь верхние признают свою оригинальность, другие все одного цвета – серого, одного ума – посредственного. Вот как создается уравниловка: мир делится на неравные части с помощью «равенства господ» и «равенства рабов». Каждый должен «соответствовать» – выравниваться в рамках своего круга: этикет и протокол *comme il faut*⁸ – равенство для господ. Раб «должен» быть тупым и серым. Но все живое стремится к свету – к равенству людей против равенства рабов. Таково движение вверх – воля к власти. И сверху, и снизу сшибаются насилие, ложь, ярость. Поэтому возникает равенство в борьбе, страхе и смерти. Никто не хочет равенства. Но, избавившись от него, можно погибнуть.

«Социальное равенство всегда обещал социализм во всех его формах. И ему верили в известной мере, потому что похожие обещания не способен был выполнить либерализм. Хотя в либеральной философии и содержались обещания установить равенство, причем не только формальное, но и материальное»⁹. Равенство стало путеводным направлением социализма, смыслом борьбы. Вкладом Карла Маркса и Фридриха Энгельса в социализм была теория, призванная показать, почему царство равенства не только желательно, но достижимо и, более того, неизбежно¹⁰. Рассмотрим социализм и коммунизм в историческом формате. Здесь для их развития перспективы самые оптимистические. Да, случилась катастрофа. Но левые всегда пользовались замечательным политическим принципом «чем хуже, тем лучше».

Советский феномен в эпическом смысле левого сознания и мифа выглядит сегодня как великий кровавый крестовый поход человечества за Справедливостью. Справедливость вне Бога, вне Бытия – Абсолютная справедливость, не рай на Земле. Оказывается, выбрав насильственные методы построения социализма, «Маркс был прав, говоря, что капитализм ведёт к *абсолютному*, а не только *относительному* обнищанию большинства. В ситуации, когда капитализм не в состоянии обеспечить большинству населения Земли сносные условия жизни, неизбежны окончание его мирного господства и исчерпание господствующей идеологии – либерализма»¹¹. Современное подтверждение тому – слабость профсоюзных движений, усилившаяся маргинализация общества, сокращение экономических свобод. До тех пор, пока существовала реальная, физическая, биологическая, насильственная угроза гибели буржуазных обществ, всякие ненасильственные действия, акции принимались всерьез – буржуазия готова была уступать. Но диалектический дуализм противоборства был разрушен. До сих пор трудно определить причины этого крушения. Насколько они объективны в системном плане?

Многие не учитывают в последнее время тот факт, что коммунизм (ленинизм и сталинизм), как идеология и практика считали себя далеко не «левыми» движениями. Тому свидетельство и борьба с левыми эсерами, меньшевиками и осуждение троцкизма – «левых» фракций коммунистического движения. Коммунизм взял на вооружение все методы империалистической Реакции, стремился к подавляющему обществу этатизму на основе партийного (конфессионального) доминирования. Получился вполне имперский консервативный тоталитарный строй Советского государства. В духе ультраправых консерваторов, но под лозунгами «всеобщности» марксизма. Свою реакцию и стремление к мировому господству Советский строй оправдывал за счет левой, антибуржуазной, социал-демократической риторики. Буржуазный Запад в свою очередь обвинял эту левую идеологию во «лжи», и показывал «неприглядные стороны» Советского социализма, например «...в трактовке М. Джиласа, делившего социалистическое общество на «новый класс» управляющей коммуно-бюрократии и класс всех остальных управляемых»¹², которые по своей природе были подобны и свойственны как раз буржуазной реакции, но под другими флагами. Можно сделать вывод, что левые идеи стали всего лишь средством манипуляции массового сознания, а вовсе не реализовывались в действительности. Получается, что марксистский коммунизм был отражением капитализма – капитализм с отрицательным значением. «Один класс обучен управлять, другой – быть управляемым. Из этой старой классово-формулы вытекает ленинская концепция партии. Его организация есть всего лишь реакция на буржуазную реальность. Его революция объективно определяется силами, создающими социальный строй, в который вписываются эти классовые отношения, независимо от субъективных устремлений, сопровождающих этот процесс»¹³. Идеология коммунизма была левой как социальная теория, и правой как политическая. Классовая борьба подменялась борьбой элит: диктатура пролетариата против финансовых монархий. Правящая верхушка не избиралась, а самовывдвигалась в силу хаоса исторического момента: «верхи не могут, низы не хотят». Но после становления механизм смены и наследования власти остался сословным, элитарным, профессиональным – не либеральным, не демократическим, не левым. Второе и третье поколение его лидеров [коммунизма – **Б.З.**] в идеологическом смысле были все еще коммунистами, но в социальном отношении они превратились в наиболее консервативные элементы своего общества¹⁴. Марксистско-ленинский профессионализм (однопартийность, сродни католической и фашистской) как и империалистический элитаризм жестко преодолевал национализм, как общий интерес. Но в отличие от элитаристов заменял приоритет частного интереса, на всеобщий. Если буржуазия навязывала массам «национальный» конформизм – «интересы родины (государства) выше личных», то коммунисты социализм подменили социальным конформизмом – «интересы общества, коллектива, партии, выше личных». При этом частный интерес выводился за орбиту обсуждения: в первом случае в силу своей «священности», во втором в полном его отрицании. Именно империализм как в западном, так и в советском варианте разрушил в 20 веке великую светлую идею социализма. Социалистические лозунги, которые на Западе постоянно размывались и постепенно стали неотличимыми от либеральных, в России и других не западных странах были переосмыслены в привычных представлениях о неограниченной государственной власти над гражданами и их достоянием¹⁵. Все перечисленные коллизии социализма предвидел еще А.И. Герцен в 19 столетии: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестною нам революцией»¹⁶.

Иначе говоря, в истории состоялось лишь провозглашение социализма, а не сам социализм. В земном рае разуверились именно тогда, когда он стал осуществим¹⁷. Но все-

таки первые проявления подлинного социализма были, были и положительные результаты продвижения этого социального феномена, а значит, что социализм остается актуальным ориентиром для дальнейшего социального развития. Во всяком случае, полезность социальных мер признают уже даже правые, консервативные мыслители и порой пытаются сместить социалистический приоритет вправо, принимая подходящие для них тезисы Грамши: «Коммунизм должен, конечно, считаться с советским опытом, но бесполезно пассивно следовать этой модели. Напротив, для создания полюса культурной власти необходимо учитывать специфику национальных повесток дня и народных менталитетов. Историческое действие коммунистов больше не может игнорировать разнообразие обществ»¹⁸. Однако социализм, безусловно, останется еще очень долго полем деятельности левого движения.

В историческом плане перспективы социализма вообще расширяются и устремляются к далеким горизонтам. В действительности же социализм в его коммунистическом варианте был одним из самых грандиозных – и в то же время самых роковых и трагических – экспериментов, которые когда-либо предпринимались в истории человечества¹⁹. Советский феномен был своего рода первым шагом к новой формации общества. Он смог прожить 70 лет. Прожил, как мог с разного рода издержками, ошибками. Но и с достижениями планетарного масштаба.

Русская социалистическая революция была более последовательной в плане социальной борьбы, чем Великая французская революция, Парижская коммуна и пр. Наиболее законченным ее смыслом и целью стало тотальное уничтожение правящего класса в отдельно взятой стране. В этом пункте марксизм-ленинизм полностью оправдал себя. Остальное во многом было еще неважно продумано и осуществлено. Итог классовой борьбы был совершенством этого события. Тем не менее, в дальнейшем была также создана и вполне жизнеспособная система общественных отношений небуржуазного типа, хотя и на основе индустриального развития. Советский Союз был довольно продолжительным явлением. Поэтому на сегодня о последствиях Русской революции еще рано делать скоропалительные выводы об ошибочности, о том, что все было зря, все было тупиком. Заметим, что социалистическая модель продолжает еще свое существование в Китае, КНДР, на Кубе. За 20 век был накоплен значительный опыт для дальнейшей левой борьбы. Подтверждение этому обозначилось в недавнем заявлении лидера новой латиноамериканской левой волны Уго Чавеса, который провозгласил: «Через 10 месяцев венесуэльский народ будет жить при социализме».

Критики социализма и марксизма ссылаются на исторический, по их мнению, неудачный опыт Советского Союза, огульно превращая его в сплошной негатив. А это далеко не так. Марксизм подвергается методическому гипертрофированию до гротеска и абсурда. Его замысел изображают в виде достижения цели всесторонне-развитого творческого сообщества «людей-муравьев». Однако буржуазным идеологам до сих пор нечего противопоставить марксовской критике капитализма: самые жесткие его социальные противоречия – отчуждение и эксплуатация – не разрешены, а сегодня даже еще больше обостряются. «Посмотрите на страны третьего мира: огромный слой примитивных промышленных рабочих, вкалывающих по 50 часов в неделю за маленькую зарплату. Выясняется, что и идея поляризации – Марксов закон, что богатые богатеют, а бедные беднеют, – во многом верна. Разница в сто раз в качестве жизни. Это оценки ЮНЕСКО, ООН – тут марксизма нет никакого... Средний слой живет уже двадцать лет со стандартным уровнем жизни, а прибыли и зарплаты высших менеджеров с 60-х годов выросли в два раза. Возникают процессы, которые считали вымершими в XIX веке»²⁰. Не лучше и положение в развитых странах. «В течение 80-х гг. весь прирост заработков у мужчин достался верхним 20% рабочей силы, и примечательным образом 64% этого прироста пришлось на долю верхнего одного процента. Если рассмотреть вместо заработков доходы, то оказывается, что верхний 1% получил еще больше – 90%

всего увеличения доходов. Средний заработок 500 самых высокооплачиваемых управляющих в американских компаниях, по данным журнала «Форчун», повысился с 35 до 157 средних заработков промышленных рабочих. С 1984 до 1992 г. заработная плата управляющего персонала указанной категории утроилась во Франции, в Италии и Англии и более чем удвоилась в Германии. По этому поводу было удачно сказано, что возникает общество, где «все достается победителю»²¹.

В отношении критики Советского строя, «развитого социализма» оппонентов нужно строго держать в поле четкости понятий. Не позволять смешивать гипотетический (теоретический) социализм с тем, что было построено под эгидой этого проекта и подразумевалось как реально осуществленное – т.е. исторический опыт социализма. Иначе говоря, пусть критики марксизма и социализма не жонглируют и не смешивают «гипотетическое» с «кажущимся», чтобы отвлечь от реальных задач и целей живого социалистического движения. Их риторика в утрированном виде такова: «обещали одно, сделали плохо, значит, социализм и задумывался как нечто неэффективное и плохое. А вот у нас либерализм – это одно лишь хорошее, потому что лично мы живем хорошо. У вас там сплошные противоречия и идиотизм, а у нас мелкие, легкоразрешимые нестыковки». «Либерализм должен теперь представить свое обоснование и оправдание исходя из своего собственного существа и собственной деятельности. Не на кого больше сваливать вину за собственные ошибки и упущения. Ссылками на истощенный социализм подменяли ведь до сих пор отсутствие собственного мышления»²². Марксизм отвечает оппонентам своими твердыми доводами: «либерализм поощряет эксплуатацию человека человеком и либерализм освящает отчуждение. И то, и другое несправедливо, следовательно, связанная с ним общественная система не имеет право на существование»²³.

Не следует забывать, что и капитализм не сразу пробился и стал основным способом жизни цивилизации. И на его пути была не одна Реставрация феодализма и борьба с его пережитками. Да и сейчас еще есть уголки на Земле, где он так и не победил окончательно. По-видимому, то же произошло и с Советским феноменом социализма – на его пространстве случилась Реставрация капитализма, причем в самых жутких его формах. Но полному возврату старая эпоха не подлежит. «Даже если законы общественного развития и не торопятся с уничтожением капитализма, кто может нам запретить уничтожить его из соображений чистой справедливости? Этот вывод не содержится в классическом марксизме, но и не противоречит ему»²⁴.

Современный капитализм лицемерно отождествляет свой порядок с либерализмом в пику социализму и фашизму, забывая и утаивая о других своих идейных детищах, таких как колониализм, империализм, олигополия, корпоративизм, глобализм. Эти социально-исторические феномены либеральными не назовешь. Но обычно их оправдывают приписыванием их к пережиткам феодализма, либо к ранним «диким» стадиям, лишенным прогрессивного начала. Хотя не для кого не секрет, что благосостояние буржуазии строилось именно в эту эпоху и именно за счет непроизводительного накопления. Как заметил Бальзак: «За всяким большим состоянием кроется преступление». Позже, когда капитализм откупился уступками, благотворительностью, он уже надел на себя маску добродетельного либерализма, хотя именно этим либерализмом общество когда-то вырывало, порой захлебываясь в крови «кажущихся жертв» (по выражению Мизеса), свои нынешние свободы, которые с гибелью «коммунистической тирании» вновь оказались под угрозой тирании буржуазной. Вечные истины капитализма – экономический рост, полная занятость, финансовая стабильность, повышение реальной заработной платы, – по-видимому, исчезают по мере того, как исчезают его враги²⁵.

Высший этический идеал социализма – сделать счастливыми всех. Конечно это до сих пор утопия. Но с этической точки зрения, что есть предложить другим? Идейная программа социализма на практике закреплена Всеобщей декларацией прав человека

ООН от 10 октября 1948 года. Особенно в статьях 22-26: «Статья 23. 1. Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы. 2. Каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд. 3. Каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения. 4. Каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов» и т.д. Это просто Конституция СССР! Но посмотрите на наш мир – соблюдаются ли эти права?

Сейчас для западной буржуазии «система прав человека» вовсе не программа реализации ее принципов, а набор предлогов для агрессивных санкций и политического шантажа со стороны более развитых стран в отношении к развивающимся – слабым. Сегодня ориентированные на космополитизм государства Запада располагают всеми козырями и возможностями, чтобы в полной мере использовать новый властный ресурс под названием «права человека»: темы глобального гражданского общества предоставляют сообществу западных государств, действующему по всему миру, идеологическое оружие для всемирно-экономических и военных «крестовых походов»²⁶. Таким образом, нынешний буржуазный либерализм, утверждая моральную ответственность декларативно, на деле отрещивается от этики как с рационалистических, утилитарных позиций, так и с позиций вульгаризированного социал-дарвинизма в своей фундаментальной теории. «Никто не должен отвечать за неудачи другого. Невезение лежит в самой природе вещей и глупо восставать против него»²⁷: таково в действительности мнение этих «гуманистов» – мастеров камуфляжа от либералов и консерваторов. У буржуазного либерализма есть много общего с нацизмом помимо их непримиримой конфронтации – презрение к тому, кто слабей. Единственная «проблема власть имущих заключается в том, что им трудно внушить народу доктрину, согласно которой богатые должны грабить бедных. Эта проблема пропаганды не решена до сих пор»²⁸.

Но вернемся ко дню сегодняшнему социализма. Современный социализм не за вульгарное уравнилельное равенство и беспощадную классовую борьбу, а, прежде всего, за социальную справедливость, за компенсационную политику в разных сферах жизни общества, направленную на его социальные издержки. «Социализм даст осуществить себя лишь путем сотрудничества низов и верхов, а не путем социализации прибылей, как полагал Маркс, не делавший различий между предприятием и гешефтом. Он осуществится лишь как социализм самого предприятия, основанный на взаимодействии хозяйственного руководства и трудовой отдачи и устанавливающий равновесие между доходами и запросами»²⁹. Новая борьба впереди.

¹ Ойзерман Т.И. Является ли либерализм только идеологией? – 2003. – ihtik.lib.ru

² Пайпс Р. Коммунизм. — М.: «Московская школа политических исследований», 2002. – С.16.

³ Словарь по этике/под ред. И.С. Кона. Изд-е третье. – М.: Изд-во политической литературы, 1975. – С.255.

⁴ Спиноза Б. Политический трактат. – <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000131/>

⁵ Краткий словарь по философии. Изд-е второе/под общ. ред. И.В. Блауберга, И.В. Копнина, И.К. Пантина. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С.262.

⁶ Словарь по этике/под ред. И.С. Кона. Изд-е третье. – М.: Изд-во политической литературы, 1975. – С.255.

⁷ Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? Заметки к одной дискуссии // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* –

Русское издание. – 2004. – № 1, – <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.html>

⁸ *как следует, как положено* (фр.)

⁹ Рормомзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.66-86.

¹⁰ Пайпс Р. Коммунизм. — М.: «Московская школа политических исследований», 2002. – С.18.

¹¹ Завалько Г.А. Иммануэль Валлерстайн. После либерализма // *Философия и общество*. – 2004. – №2. – С. 194.

¹² Новопашин Ю.С. Антикоммунистические революции конца XX века . // *Вопросы истории*. – 2006. – №9. – С.92.

¹³ Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма // *Living Marxism*, vol.4, № 8, 1939. – <http://www.avtonom.org/lib/theory/leftcom/ruhle1.html>

¹⁴ Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. – 1996. Глава I. – <http://www.netda.ru/>

¹⁵ Пайпс Р. Коммунизм. — М.: «Московская школа политических исследований», 2002. – С.38.

¹⁶ Герцен А.И. Избранные философские произведения, в 2-х томах. Т. II. – М., 1946. – С.99.

¹⁷ Оруэлл Дж. 1984: Роман; Скотный двор: Сказка-аллегория. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.208.

¹⁸ Бенуа А. Консервативная «культурная революция» // *Русский журнал*. – 2001. – 8 ноября. – www.russ.ru/politics/20011108-adb.html

¹⁹ Рормомзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.274.

²⁰ Бугалин А. Я себя от Ленина чищу [интервью]/Александр Бугалин, Мария Головановская // *Коммерсантъ – Власть*. – 1998. – №7(259). – С.48-49.

²¹ Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. – 1996. – Глава 2. – <http://www.netda.ru/>

²² Рормомзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.15-29.

²³ Кашников Б.Н. Марксизм как радикальная критика либеральной справедливости // *Вопросы философии*. – 2005. – №6. – 40.

²⁴ *ibid.*

²⁵ Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. – 1996. – Глава 1. – <http://www.netda.ru/>

²⁶ Бек У. Космополитическая глобализация. <http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html>

²⁷ Бенуа А. Хайек: закон джунглей // *Элементы*. – 2000. – №5. – www.arcto.ru

²⁸ Хомский Н. Согласие без согласия: манипуляция общественным мнением // Хомский Н. Прибыль на людях. – М.: Праксис, 2002. – ihtik.lib.ru

²⁹ Moeller van den Bruck A. *Das Dritte Reich*. Hamburg, 1931 (3. Aufl.). S. 300-322.

5. Консерватизм и Реакция

Единственное что требуется для триумфа зла – это чтобы хорошие люди ничего не делали.

Эдмунд Берк

Правая идея включает в себя идеи национализма, элитаризма, этатизма (империализм), корпоративизма, консерватизма и т.д. Начнем с консерватизма. Консерватизм занимает одно из центральных мест в правом движении. Консерватизм — одно из трех, наряду с либерализмом и социализмом, важнейших политических течений современности, эпохи, начавшейся в век Просвещения и продолжающейся до наших дней¹. Таковыми его представляют современные консерваторы. То есть у них другая парадигма идейной борьбы, не включающая фашизм в политическое противоборство.

Почему консерватизм относится к правому движению? Его, как и либерализм можно определить в виде исторического процесса, подобного последнему, а не идеологии. Что касается консерватизма как явления, то вряд ли уместно говорить о его становлении вообще, поскольку таковой во все времена обнаруживал себя в обществе, хотя и не имел своего нынешнего обозначения, т.е. не назывался консерватизмом².

Идеология консерватизма реакционная лишь по одной причине – она против именно социальных реформ, социального прогресса, особенно это касается устоявшихся экономических форм и политического устройства: «цель и легитимность изменений в том, чтобы сохранить или развивать права и свободы существующего политического порядка»³. Этатизм, элитаризм и экономическое господство – основная опора консерватизма. В своей риторике он опирается на традиционализм и патриотизм, но он в корне с ними секулярен, отчужден, отделен. Прежде всего, это связано с тем, что консерватизм, как идеология – элитарное, а не массовое мировоззрение. О консерватизме в целом можно сказать то, что крупнейший канадский философ Чарльз Тейлор сказал о немецком романтизме: его пафос – отстаивание «права особенного» против абстрактного универсализма Просвещения⁴. Для масс характерен больше традиционный взгляд на жизнь или консервативная традиция. Идеология правящего класса, экономических и административных элит, технократов: «мораль господ». Подлинный либерализм – это «восстание рабов в морали». Для консерваторов в первую очередь важен социальный принцип, иерархия общества. Для них национальное не столь важно, они за него не борются, они его эксплуатируют. Поэтому не только социалисты всегда против консерваторов, но и националистические движения также выдвигают свои требования против консерваторов. Консерваторы узурпировали государство и экономику, следовательно, с ними борются и националисты и социалисты. Консерватизм может быть и левым и правым – он не за государство и общество, а за власть (господство) в государстве и обществе, за корпорацию или корпорации, за частный интерес против коллективного. То, что подразумевается под консервативным обществом, можно отождествлять с традиционным обществом, но не с самим консерватизмом и реакцией. Таким образом, традиционализм является тем способом жизни, который присущ людям во все времена и из которого, в силу стечения исторических обстоятельств, на рубеже XVIII-XIX вв. вырос собственно консерватизм. ...на основе традиционалистского образа жизни формируется консервативный образ мышления⁵. То есть нужно различать формирование консервативной традиции в обществе и консервативную реакцию – радикальную деятельность консервативных кругов.

«Консерватизм может быть радикальным и даже «революционным». Однако это не меняет того, что в сущности он был и остается анти- или контрреволюционным течением. ... Исторически консерватизм зарождается как реакция на Просвещение»⁶. Реакция,

как и революция – исторически ситуативные явления (т.е. зависят от исторического момента): первая направлена на укрепление элементов иерархии в сторону дисбаланса; вторая на перестройку, на разрушение отношений системы, на новое ее сбалансирование. Хантингтон полагает, что различные консервативные идеологии отличаются друг от друга иногда существенно, потому что они являются «ситуационными» и зависят от конкретного исторического контекста, в котором они возникают и на который они реагируют⁷. Но общий признак, объединяющий их, и делающий схожими вне зависимости от истории, – это Реакция.

Реакция – практически исключительно, процесс со стороны правящего класса, системы, идеологии. Оправданной может быть лишь Реакция, инспирированная и дающая реальный положительный результат в интересах национального большинства общества, а не отдельных групп. Но в действительности подобное случается редко.

Смысл реакционного элитарного консерватизма – любыми способами сохранить власть одной и той же группы влияния, препятствовать любым, даже объективно назревшим и необходимым изменениям социальной действительности во имя потребностей и амбиций узкой группы людей: «охранительная идеология «возникает из определенной, но повторяющейся исторической ситуации, в которой носители стабильной организации используют консервативную идеологию как защиту»... Подобный упор на ситуативность в ущерб историчности снимает проблему «смерти» консерватизма, ... превращая консерватизм в лишенную ценностной окраски функцию, которая для сохранения существующего порядка готова использовать любые средства»⁸. Такой реакционный элемент – историческая закономерность и он может быть свойственным любой идеологии на излете ее исторической ситуации.

Консерваторы наиболее близки и причастны к Реакции. Несмотря на это некоторые романтики-консерваторы грезили о «консервативной революции». Хотя «Словосочетание «консервативная революция» звучит несколько парадоксально, как «горячий лед». Оно, по необходимости, предполагает революционность либо мышления, либо образа действий. Речь может идти о революции с целью защиты традиционных ценностей. ...Если же ни в идеях, ни в действиях ничего революционного нет, то «консервативная революция» – не более, чем красивая фраза»⁹. Впрочем «консервативной революции» не случилось – ее извратили в спекуляцию восстановления «подлинных традиций», «все будет как при матушке Екатерине».

Консервативная реакция (имперская, олигархическая, монархическая) постоянно деформирует социальный традиционализм, так как весь консерватизм основывается на том, что уже есть в обществе и государстве и их укладе. Реакция – это чрезмерное злоупотребление властью и экономическими рычагами в пользу консервативной прослойки общества. Консерваторы пытаются всеми силами сдерживать прогрессивные тенденции развития общества, особенно, если это касается их частных интересов. Чтобы выяснить, что движет консерваторами *традиция* или *реакция*, достаточно задать простой вопрос, вытекающий из изначальной догматической природы консерватизма как «охранительства», и найти на него ответ: консерваторы – что они сохраняют? О каком традиционализме можно говорить, если консерваторы организуют войны, увеличивают налоги, цинично расходуют социальный ресурс общества, своей алчностью и коррупцией? А для них механизмы коррупции наиболее доступны. Они *подрывают, а не сохраняют* государство и общество, нивелируют и девальвируют государственную иерархию. Реакция дестабилизирует жизнь страны, создает условия разрушения для общества и государства. Мировые войны – яркий пример империалистической консервативной реакции. Это общепризнанный факт. Нынешние консерваторы эксплуатируют наиболее традиционные устои общества, в том числе и либеральные, ради своей главной реакционной химеры – завоевание мирового господства. Для них понятие традиции связано лишь с их частным интересом. Все что не на пользу их частной традиции – не

традиция. Народные традиции порой мешают их частной традиции. Они с легкостью вырубят национальный парк, затопят сотни деревень, отравят чистые озера, растлят обычаи народов ради «прогресса», лишь бы прибыль росла на их счетах. Эти консерваторы озабочены лишь «прогрессом прибыли». «Где кошелек человека, там и его сердце». Сердца множества правых – в борьбе за предельные ставки налогов и отмену налога на прибыль. Никто не спорит, это важное дело. Но выиграет ли человек, обретший весь мир, зато потерявший собственную страну?» – так с тревогой комментирует ориентир нынешнего консерватизма представитель этой идеологии американец П. Бьюкенен. И определяет причину нынешней реакции: «Многие консерваторы примкнули к ереси экономизма – современной версии марксизма, которая гласит, что человек – экономическое животное, что свободная торговля и свободные рынки есть путь к миру, процветанию и счастью, что если мы только сможем установить правильные предельные ставки налогов и отменить налог на прибыль, нас неминуемо ждет рай на земле – индекс Доу-Джонса зашкалит за 36 000 единиц! Но в Америке 1950-х годов подоходный налог для самых богатых граждан превышал 90 процентов, и США той поры, по всем социальным и этическим параметрам, были лучшей страной, нежели нынешняя»¹⁰.

Сегодняшний консерватизм доводит правое движение до максимальной изоляции социальных групп и иерархического превосходства. То есть он преодолевает национализм в массовом выражении – «консерваторы считали национализм «натуралистическим» и регрессивным явлением, чуждым более высокой традиции и концепции Государства»¹¹, также как и большевизм в классовом, и даже государство в иерархическом выражении. Если при империализме и фашизме консерваторы стоят за приоритет главной корпорации – государства над обществом и нацией – большинством, то сегодня при либерализме они закрепляют приоритет частных корпораций, кланов, диаспор – всякого рода элит над обществом, нацией. Status in Statu (государство в государстве) стремится уже к положению Status super (над) Statu. Постепенно формирующийся под маской глобализации реакционный корпоративизм направлен против государства. Корпорации преодолевают национальное, единое, непрерывное – государство. Как это не звучит странно, но радикальные консерваторы от элит борются за равенство с государством в политической и экономической сфере, а сейчас уже и за доминирование. «А как глобализм есть антитеза патриотизма, так и транснациональная корпорация есть антитеза традиции. С ее приспособляемостью и аморальностью эта корпорация не имеет и не может иметь «корней» – она способна действовать в любой системе. С эффективностью как основным принципом деятельности она не нуждается в верности работников и «привязке» к конкретной нации или государству. С биржевыми курсами и капиталовложениями как основами ее существования она готова пожертвовать всем во имя получения прибыли»¹². Буржуазные институты и раньше в 19-20 вв. подавляли порой государство, устанавливая олигархическую или авторитарную форму правления – в чем собственно и заключался классический империализм. Стоять над миром и законом остальных людей. Это индивидуальный либерализм – крайнее своеволие, за счет максимального массового рабства. В нем национализм переходит в корпоративизм социально-экономических отношений групп, элит. Его реакционной идеологической теорией и является империализм – маленькая кучка людей, «верхние десять тысяч» господствует над миром, считаясь лишь с собственной идентичностью, со своей группой. Таким классическим сообществом является, например, семья Ротшильдов. «Династия финансовых магнатов Ротшильдов ведет свое начало со второй половины XVIII века от банкира Майера из Франкфурта-на-Майне. Его потомки вскоре обосновались в Вене (где им был пожалован титул баронов), в Лондоне, Неаполе и Париже. В результате финансовой зависимости от Ротшильдов дворов ряда западноевропейских государств они добились в XIX веке значительного влияния на европейскую политику. Во второй

половине XIX и в начале XX века финансовые дома Ротшильдов в Австрии, Англии и Франции, тесно связанные между собой, играли крупную роль в выпуске государственных займов всех этих стран. Ротшильды играли значительную роль в финансировании интервенции против Советской республики (1918-1920 годы), способствовали утверждению гитлеровского режима в Германии, подавлению национально-революционной борьбы испанского народа (1936-1939 годы) и подготовке второй мировой войны»¹³. Это группа сама в себе – она клан. Клановое образование вне рамок законов общества, но живущее внутри него, за счет него. Она сочетает в себе и кровное родство, и финансовую власть, и независимость. Остальному человечеству предлагается лишь веками заглядывать в рот этим группам, унижаться перед их исключительностью. Стремиться к «последнему человеку».

Консерватизм, особенно реакционный, создает базу противоречий для всех форм либерализма. Радикальный реакционный консерватизм и его высшая стадия империализм – это либерализм элит и государства от общества и его нужд. Это крайне правое течение, наряду с нацизмом и расизмом превосходства, идеологические фобии и мотивацию которых он поддерживает в своей Реакции, доводя их до абсурда. Нацизм и сталинизм – это гипертрофированный Реакцией консервативных элит до тоталитаризма национал-социализм и большевизм. После коллапса их военного противостояния становится ясно, что тоталитарные режимы губительны, разрушительны для обществ и наций. Хотя уже опыт Первой мировой войны давал возможность сделать такие выводы. Ведь империализм был тоже тоталитарным. Один тоталитаризм побеждал другой. И тут же создавал предпосылки для возникновения себе подобного тоталитарного антидвижения, коими и были сталинизм и гитлеризм. В пику им Запад и США называли себя тогда демократическими государствами, хотя о современных либеральных правах и свободах в этих государствах можно было только мечтать. Миграционное законодательство США тех лет ставилось Гитлером как образцовое для любой страны. Повышение производительности труда по «потогонной» системе Тэйлора, расстрелы Сакко и Ванцетти, Либкнехта и Люксембург и еще многих либеральных деятелей также «способствовали» демократизации и либерализации общества. Вся буржуазная демократия и либерализм покоились на костях мировой войны и экономическом господстве буржуазии. Все демократические свободы были лишь подачками и уступками обществу перед лицом возможной социальной революции, которую породили противоречия социальных отношений с Реакцией капитализма – империализмом. За каждую свободу общество заплатило государству и консерваторам (элитам) кровью: «...мечты левых партий нередко использовались правыми консерваторами, такими, как Бисмарк с его государственными пенсиями и медицинским страхованием, или Черчилль с его пособиями безработным: с помощью таких мер они сохраняли старую систему и устраняли от власти левых революционеров»¹⁴. Вот кем и как создавался пресловутый «либерализм». Именно потому, что буржуазный либерализм был плодом жесточайшей борьбы и уступок со стороны империализма, «либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы ещё далеко»¹⁵. Думается, что сегодня и в «сфере сознания» накопилось уже достаточно «мировой скорби» на перспективы победы и вообще существования либерализма, особенно буржуазного.

Империализм по-иезуитски всегда опирается на самые действенные социальные движения, включая их энтузиазм в развитие своей Реакции. Так было с империализмом Наполеона – бонапартизмом, когда энтузиазм революции был поставлен на службу тиранина. Так было и со сталинизмом и гитлеризмом. «Старые правые – это преимущественно закоснелые реакционные консерваторы, живущие идеями прошлого и видящие во всем новом призраки марксизма или масонства. Именно они, по мнению новых правых, дали толчок развитию, дискредитировавшему всю правую идеологию нацизму, и подарили миру реакционные режимы Греции (черные полковники), Латинской Амери-

ки (Пиночет, Стресснер) и пр.»¹⁶. Правящая верхушка просто воспользовалась риторикой и энергией масс, историческим движением и конфронтацией. Также сегодня поступают всяческие элиты и с западным либерализмом и демократией, гипертрофируя и интегрируя их в свой глобализм, желая возродить безраздельное господство капитала на нашей планете.

Одной из наиболее деструктивных форм Реакции стала Прогрессивная Реакция, которая отразилась в гитлеризме и сталинизме. Прогрессивная реакция осуществлялась на базе революционных настроений социума – «когда реакционные концепты накладываются на революционную эмоцию»¹⁷. То есть начинавшая с политизации масс идея и движение во имя прогресса или выхода из кризиса – палингенез идет со временем на компромисс с противниками своих принципов, продолжая использовать энтузиазм масс, ведомых идеализмом революционных идей. Идеология перерождается в идеократию – конформизм. Революция постепенно отдает свою динамику общественных трансформаций Реакции. Та же становится *прогрессивной* и за счет революционной динамики (энтузиазма масс, их идеализма и конформизма) воплощает в действительности самые жуткие и абсурдные реакционные идеалы господства и порабощения. Типичными для такой Реакции являются исторические феномены нацизма и большевизма, с еще более ультраконсервативными своими продолжениями – гитлеризмом и сталинизмом. Идеализм типа «консервативной революции», национализм «фелькиш» пали жертвами идеократической риторики в процессе становления Реакции. «Исторический опыт показывает, что все компромиссы между революцией и контрреволюцией могут служить только последней. Они ведут только к банкротству революционного движения. Любая политика компромиссов – это политика банкротства»¹⁸.

В связи с этими реакционными тенденциями сторонникам консервативных (традиционных) общественных взглядов пришлось по-новому взглянуть на основания консервативной идеологии. «Борьба за сохранение традиционных ценностей, культур и самих западных государств провела новый водораздел между левыми и правыми; эта борьба заставила задуматься над тем, что означает в действительности привычное понятие «консерватизм». Именно здоровый консерватизм должен стать идеологическим мотивом двадцать первого столетия»¹⁹. С идеологической стороны «консервативная революция» и традиционализм как довольно умеренные правые течения являются попыткой освободить общество от декадентских путей развития, т.е. своеобразный либерализм (освобождение) от нынешнего буржуазного либерализма, его движений произвола и вседозволенности, расчленения единства общества. О традиционалистском представлении консерватизма очень определенно выразился Николай Бердяев: «Истинный консерватизм есть борьба вечности с временем, сопротивление нетленности гниению». Надо понять прогрессивным «правым», да и всем остальным, что итогом Второй мировой войны была не победа над нацизмом, Гитлером, Германией, а Хиросима и Нагасаки – дар миру «самой демократичной демократии». С этого момента у человечества появилась диалектическая мощь абсолютного уничтожения жизни. Изменилась геополитика, ее подходы, изменилась карта мира. И именно эти изменения последних 60 лет Новейшей эпохи привели к современным социальным и глобальным противоречиям, а не почившие в бозе призраки Старой эпохи. Люди нарождающегося тысячелетия все тверже и увереннее заявляют: «Этот мир принадлежит нам, нам и только нам. Древние давно в могилах»²⁰. Хватит исторических эксгумаций, пора взглянуть в глаза тех, кто напротив, на их дела, а не на могилы тех, кого уже нет. Старые идеи не всегда плохи, но их сегодня следует избавить от исторического бремени их содержания, от «героизма» их носителей в прошлом, оставить лишь их идейную структуру и сопоставить ее со структурой мировоззрения оппонентов.

Сторонникам «консервативной революции» необходимо осознать в первую очередь, что они должны выступить против «консервативной реакции» с ее современным «ли-

беральным» окрасом – вот в чём революция! А не против социалистов, коммунистов, либералов и т.д. Их карта пока на сегодня в отбое. «Торжествующая свинья» нагло прикрывается любым действующим социальным течением ради своих интересов: демократией, гуманизмом, либерализмом – ей все равно. Сейчас необходимо поддержать не традицию элит, а традицию нации, общества. «Глобальный капиталист» и истинный консерватор – это Каин и Авель нашего времени. Нельзя отрицать нарастающее могущество глобализации. Пятьдесят две из ста наиболее успешно и динамично развивающихся экономических структур мира – это транснациональные корпорации, и сорок восемь – государства»²¹.

Таким образом современное правое движение стремится избавиться от буржуазной реакции, как своего атрибута. «Крах капитализма – это лишь вопрос времени, а глобализация этот крах только ускорит. Будущее мира за солидаризмом, который исповедует принципы народного сообщества и расового братства»²². Избавиться от буржуазной цивилизации. «Когда сегодня говорят о кризисе, речь идет, по сути, о кризисе буржуазного мира: переживают этот кризис и являются объектом распада основы буржуазной цивилизации и буржуазного общества. ...Уже совершившиеся преобразования слишком глубоки, чтобы быть обратимыми. Силы, которые высвобождены или высвобождаются, нельзя будет интегрировать в рамки структур вчерашнего мира. Именно тот факт, что попытки реакции связаны с этими структурами, лишенными какой бы то ни было высшей легитимности, придает силу ниспровергателям. ... традиционные ценности – то, что мы называем традиционными ценностями, – это *не* буржуазные ценности, а их антитеза»²³. Так выглядит попытка правых отделиться от нынешнего правящего класса и его реакции. Вообще от Реакции как таковой. Они начинают тяготеть больше к Традиции в высшем вневременном понимании, хотя и не всегда отчетливо понимают, что Традиция не способна полностью обеспечить решение нынешних социально-экономических противоречий.

Буржуазная империалистическая Реакция, её элитаризм, корпоративизм, милитаризм – стремление к «войне и тирании», к «морали господ» может осквернить любую даже самую гуманную и здравую идею, будь то социализм, национализм, либерализм и пр. Недавняя история 20 века – непрерывное подтверждение этому процессу.

Джек Лондон в 1908 году выпустил в свет фантастический роман «Железная пята». Писатель считал, что уже в ближайшее десятилетие будет установлена страшная власть Железной пяты...Американская олигархия в союзе с такими же олигархиями на других континентах, по мнению Д. Лондона, разгромит рабочее движение, буржуазную демократию. Захлебывающееся в роскоши меньшинство обречет на неслыханные страдания большинство. Писатель, считавший себя оптимистом, полагал, что потребуются по крайней мере три века кровопролитной борьбы, чтобы свергнуть диктатуру Железной пяты²⁴.

В целом Реакция, как левая, так и правая, наиболее последовательно воплотилась в таких идеологических феноменах как, классический империализм и неоимпериализм (реакционный консерватизм), авторитаризм (корпоративный фашизм), сталинизм, нацизм, и на сегодняшний день, в буржуазном либерализме и глобализме.

Триумфальные знамена аристократии и тирании не раз уже поднимались над народами и на века загоняли их в тень своих роскошных полотнищ. Но тем торжественней кажутся триумфы человечества над небожителями. Что может сильнее возбуждать гражданское сознание, чем кровь великих мира сего. В этой полной драматизма социальной истории главное запомнить и левым и правым, что у великой борьбы основной символ равенства – гильотина.

- ¹ Капустин Б. Что такое консерватизм? // Свободная мысль – XXI. – 2004. – №2.
- ² Заусаева Н.А. Проблемы становления политической философии консерватизма в XX в.: опыт США и Германии. – <http://irbis.asu.ru/mmc/melnik/11.ru.shtml>
- ³ Aughey A. The moderate Right // The Nature of the Right. P. 102.
- ⁴ Капустин Б. Что такое консерватизм? // Свободная мысль – XXI. – 2004. – №2.
- ⁵ Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). – СПб.: Алетейя, 2002. – С.13.
- ⁶ Капустин Б. Что такое консерватизм? // Свободная мысль – XXI. – 2004. – №2.
- ⁷ Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии. – 2006. – №2. – С.120.
- ⁸ Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). – СПб.: Алетейя, 2002. – С.9-10.
- ⁹ Иванов А. Консервативная революция в Германии. – <http://www.ateney.ru/biblioteka3.htm>
- ¹⁰ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>
- ¹¹ Эвола Ю. Julius Evola. Il fascismo visto dalla Destra (con note sul III Reich). Settimo Sigillo: Roma, 1989 – Гл. I. – www.nationalism.org
- ¹² Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>
- ¹³ Иванов Ю. Осторожно: сионизм! Очерки по идеологии, организации и практике сионизма. Изд-е второе. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С.170.
- ¹⁴ Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. – 1996. Глава 13. – <http://www.netda.ru/>
- ¹⁵ Фукуяма Ф. Конец истории? – <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>
- ¹⁶ Антоновский Р. Новые правые новой Европы. – <http://www.novopol.ru/article450.html>
- ¹⁷ Райх В. Психология масс и фашизм. – http://www.lib.ru/POLITOLOG/RAJH_W/raiidd.txt
- ¹⁸ Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма // Living Marxism, vol.4, № 8, 1939. – <http://www.avtonom.org/lib/theory/leftcom/ruhe1.html>
- ¹⁹ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>
- ²⁰ Паланик Ч. Бойцовский клуб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С.13.
- ²¹ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>
- ²² Десять вопросов Юргену Ригеру, заданные Петром Кузьмичевым 29 марта 2006 года. – <http://velesova-sloboda.info/misc/kuzmichev-desyat-voprosov-yurgenu-rigeru.html>
- ²³ Эвола Ю. Человек иного типа. – www.nationalism.org
- ²⁴ Яковлев Н.Н. Жало империализма. – М.: «Детская литература», 1971. – С.4.

6. Фашизм

Человеческая история заключается лишь в подъемах и крушениях материальных цивилизаций – одна вавилонская башня вслед за другой.

Джордж Оруэлл

Немецкий исследователь фашизма Бернд Клайнхайнс в очередной попытке объяснить этот социально-исторический феномен приходит к неутешительному выводу: «Все теории о фашизме – и это опять дает каждому множество вариантов – имеют свои силы и слабости. Каждый охватывает определенный аспект фашизма, до сих пор никто не может достаточно в целом объяснять фашизм»¹. Ему вторит и известный правый мыслитель А. Меллер: «В современной истории нет другого феномена, контуры которого были бы столь же расплывчатыми, как контуры фашизма»².

Можно ли про фашизм четко утверждать, что он рожден и абсолютно связан с национализмом?³ Фашизм включает в себя частично концепцию национализма, так как все современные общества образованы и живут на базе национального государства и суверенитета. Поэтому фашизм не вполне «национальное» явление. Его изначальный этатизм противостоит национализму априори, пытается его подчинить: «принцип приоритета государства над народом и нацией проявляется в идейной оппозиции государства «обществу»⁴. Однако либеральные исследователи (Гриффин, Умланд) сегодня всеми силами привязывают, по-видимому, из желания очернить, национализм к фашизму. Дается определение термина фашизма, как «*палингенетического ультра-национализма*»⁵. Их намерение понятно – некоторые стороны фашистского мировоззрения тесно связаны с реакционными воззрениями нынешних либералов и консерваторов в отношении нации и всего «национального». За идеократической привязкой фашизма к национализму, они лелеют новый корпоративный фашизм элит и меньшинств, который через экономическую глобализацию, космополитизацию стремится разрушить и поработить в своих частных интересах крупные институты общества, такие как нации, государства, классы. То есть превратить все остальное человечество в тупое безликое, аморфное, разобщенное индивидуализмом, управляемое стадо. Таков замысел данной инсинуации. Идеологической официозной профессуре всегда было выгодно подстраиваться под элиты, государство, правительство, богатые корпорации и сваливать их ответственность на нацию, народ, общество, массы, большинство. В свою очередь сами «ультраправые» (Эвола) хотят не без оснований окончательно развести фашизм с национализмом, национал-социализмом, нацизмом⁶. Подобная тенденция четкого разграничения идеологических терминов прослеживается с 60-х гг. прошлого столетия. «Чем более детально исследованию подвергали фашизм, национал-социализм, большевизм, тем больше обнаруживалось отличий. Поэтому некоторые авторы даже поставили под вопрос само понятие фашизма. Исследователи большевизма, со своей стороны, начали все жестче разделять сталинский, до- и послесталинский периоды развития советского государства»⁷. Впрочем, из этого принципа классификации одни исследователи пытаются извлечь позитивные аспекты альтернативного ригористскому официозу идеологического свободомыслия, другие ищут источники для дальнейшей дискредитации разных социально-исторических феноменов в пользу современных идеологических стереотипов. В русле всеобщего идеологического пересмотра мы последуем за первыми.

И рассмотрим фашизм, несмотря на его фундаментальную оппозицию государство – народ (общество), как явление элитарное – корпоративное с одной стороны, либо массовое – конфессионально-иерархическое с другой, так как государство, народ, об-

щество суть корпорации – самые крупные. «Разве не удивительно, что с первого дня собрания на площади Святой Гробницы звучит слово «корпорация», которая в ходе революции должна обозначать одно из законодательных и социальных творений, лежащих в основе режима?»⁸ – этот принцип дуче провозгласил как основополагающий в своей доктрине. Он есть идея автаркии групп, т.е. самобытного развития и утверждения разного рода корпораций: от элит, меньшинств, до государства, наций и социального большинства. Алгоритм фашизма – любая группа стремится к самосохранению, развитию и доминированию. Можно провести пока нечеткую грань между реакционным корпоративным фашизмом элит – феноменом империализма, как его рассматривали «коммунисты», и тем, что предлагают нам либералы под соусом «ультранационализма». Вместо таких иезуитских формул, как «автохтонный палингенетический ультранационализм» – проще и объективнее будет использовать термин «массовый» или «социализированный фашизм» и противопоставить его фашизму реакции и элит.

Фашизм в первую очередь является стремлением к монополизму власти со стороны одной корпорации, военной диктатуры, хунты, партии. По преимуществу его становление и правление связано с кризисом правления в государстве, в крушении бывшего порядка, потере обществом ориентации в своих интересах, угрозой существованию общества и государства. А главное, как подтверждает история, это компромисс экономической элиты с агрессивной корпорацией власти. Он может обладать признаками социальной, национальной, религиозной строгости (не абсолютной нетерпимости), вообще идеологической строгостью, связанной, прежде всего с отрицанием конкуренции во власти. Фашизм характеризуется авторитарной формой правления в государстве.

Фашизм в классической советской версии, без обобщений – реакционный консерватизм корпораций: партий, государственной власти, олигархии, с сильным этатизмом или авторитаризмом (культом личности): «Крайним выражением политической реакции является фашизм – террористическая диктатура наиболее реакционных и агрессивных кругов финансовой олигархии»⁹. Он, начиная с 20-х гг. прошлого столетия, является исторической формой позиционирования против коммунизма. Фашизм появляется так первоначально как встречное движение против коммунизма и марксизма, в особенности против социалистической революции в России и ее угрожающем расширении в Западную Европу¹⁰. Но также он за общественный порядок, хотя бы внешний. И именно итальянский фашизм создал у многих либеральных европейских лидеров убеждение, будто эта власть проводит любопытные социальные реформы и способна составить умеренно-революционную альтернативу коммунистической угрозе¹¹.

Дополнительно выдвигается тезис о революционном характере фашизма: «фашизм, слишком легко определяемый как контрреволюция, на самом деле не контрреволюция, а революция, конкурирующая [коммунистической], утверждающей что только она и достойна этого звания... Для фашистов, коммунизм — не разрушительная атака на установленный порядок, а конкурент в борьбе за источник силы»¹². Очень сложно определить, в какой момент он революционный, а в какой контрреволюционный. Попробуем разобраться со всем этим.

Приход фашизма очень часто открыто и негласно поддерживают массы. С чем это связано? Фашизм может быть народным, «массовым» на определенном периоде развития. То есть быть установленным большинством (Поход на Рим). Но это происходит в силу исторического момента – уникального события: кризиса власти. По-видимому, это связано, прежде всего, с традиционной верой социального и национального большинства в свое государство как в опору, как в единственный остающийся в хаосе, пусть и слабый, действующий по инерции институт власти: Люди, видевшие, что они проигрывают в рыночной экономике, рассматривали правительство как положительную силу, позволяющую им участвовать в дележе экономических плодов капитализма¹³. Все стремятся воспользоваться государственным механизмом в трудную минуту. Люди ро-

дились в государстве, в своей стране, воспитывались в ней – «тот, кто хочет осудить и окончательно искоренить фашизм, в то же время вынужден осудить идеи и принципы, присущие не только фашизму, но игравшие значительную роль во многих предшествующих системах. Пришлось бы признать «фашистскими» большинство государств, существовавших с древнейших времен, в основе которых лежал принцип авторитета и иерархии и которые не допускали ничего подобного абсолютной демократии, либерализму или социализму»¹⁴. Невозможно отказаться от некоего единого принципа безопасности и своей собственной исторической национальной идентичности, которым является государство. Но вот злоупотребить этим принципом в частных интересах можно. Энтузиазм масс сплавивал общество в трудные времена, ради порядка, ради выхода из кризиса. Но на смену общему порядку приходил порядок специфический, частный, авторитарный, даже тоталитарный. Иррационализм дальнейшей системы состоит в том, что она постоянно апеллирует к важности этого исторического события и его участников (постоянная ссылка на историю – историческая стагнация, а не перспектива). Но не создает механизма ротации, смены власти посредством тех народных массовых сил, которые установили и поддержали новую власть. Новая власть отрывается от масс, оставляя за собой то первичное право, данное когда-то массами, говорить от имени большинства. Но действует она уже в пользу чисто секулярных, элитарных, конфессиональных и корпоративных интересов. Таким может быть не только фашизм, но и олигархия, монархия, диархия, конфессия и прочие реакционные, как элитаристские, так и массовые движения. «Для всех реакционных идеологий типичен элитаризм, в силу его глубинной аристократичности. В ходе истории все аристократические и милитаристские элитаризмы держались на презрении к слабому»¹⁵.

Фашизм был и массовым и национальным явлением, и авторитарной борьбой элит. Его главный недостаток – отрицание демократии и злоупотребление общими и национальными интересами. Вследствие чего он легко перерастает в культ личности, в консервативную реакцию. Надежды масс не оправдываются. История это наглядно подтверждает. Даже если авторитарные режимы и приводили к выходу из кризиса, как это было в Чили, Испании, Греции, Южной Корее, то после они сильно коррумпировались и приводили общество к стагнации. Фашистские, да и коммунистические режимы, в конце концов, привели общество к колоссальным катастрофам, хотя и не без помощи извне.

Вообще же если посмотреть на структуру феномена, а не на идеологический подтекст, то фашизм представляет собой военизированный уклад государственной и социальной жизни: «фашистское государство попыталось мобилизовать весь народ, при помощи массовых организаций, постоянного потока пропаганды, тщательно продуманных политических ритуалов, с целью эмоционально привязать людей к эпической трансформации страны в динамическую, современную, производительную военную машину... это делалось в духе, далеком от консервативной реакции, в истинно революционном духе»¹⁶. В той или иной степени он присутствует в любой стране, в любом государстве и обществе. Он может быть и ограниченным институтами и корпорациями, может быть и тотальным для всего общества. Все силовые структуры по сути своей фашистские. Фашизм как режим начинается, когда нормы военного порядка, организации и конформизма привносятся в социальную и политическую сферу светского общества. Для фашизма, естественно, характерна авторитарная форма правления (вождизм): иерархическая жесткая конфессиональная структура (партия, хунта). Наиважнейшим вопросом существования фашизма является вектор его интересов: *корпоративный* или *общенациональный* (не националистический). Если доминируют общенациональные интересы решения острых социальных проблем, то наличие фашизма – в данном случае социализированного, особенно в условиях тяжелейших общественных кризисов – оправдано, имеет реальную поддержку масс, большинства. Но корпоративный фашизм

в свою очередь является наиболее реакционной, антиобщественной формой режима – тиранией, особенно в условиях давления империалистической реакции. Доминируют интересы военщины и военных корпораций. Общественный энтузиазм навязывается исподволь. В светских институтах фашизм обретает технократическое содержание. Вводятся в обыденную жизнь основные аспекты военного положения, такие как, например, цензура, слежка, политические репрессии. Национальными и социальными интересами прикрываются интересы корпораций. Всё на службе у Реакции, даже демократия в виде провозглашенной, но неисполняемой формальной договоренности. Если фашизм служит капиталистическим и империалистическим интересам, он не может служить чаяниям рабочих¹⁷.

Как выглядит фашизм в рамках империалистической реакции, более-менее понятно – очевидная контрреволюция. Насколько революционен палингенез – «миф о национальном возрождении путем массовой мобилизации и необходимых для его достижения радикальных преобразований»¹⁸, который автор этой концепции фашизма Р. Гриффин приписывает всем «профашистским» режимам, как чисто националистическое явление? Если рассматривать его шире националистического контекста, хотя в нем и не без этого, как явление общественное, даже цивилизационное, что было с общеевропейским Ренессансом, то, безусловно, палингенез – процесс революционный. То есть это восстановление, возрождение/новое рождение здоровой традиции в противовес закостеневшей реакционной традиции – возврат к развитию общества. Здоровая традиция дает толчок к развитию нового, преодолевает стагнацию реакции. Иными словами, палингенез становится отправным пунктом для нового позитивного мышления, энтузиазма, действия. Именно в этом плане палингенез – революционный феномен. Его следует определить как необходимый источник социализированного фашизма, чуждого корпоративному реакционному фашизму.

Социализированный фашизм, содержащий в себе элементы социально значимого стереотипа нации, отчасти идеалистического (патриотизм), отчасти шовинистического характера (что характерно для эпохи империализма), стремится, прежде всего, к сплоченности. В условиях кризиса он консолидирует массы, наводит порядок, восстанавливает государственные институты и традиционные моральные ценности. Фашистские меры необходимы в тяжелых условиях политической жизни государства («военный коммунизм», военное положение) и они всегда применялись, если страна находилась в хаосе и анархии. Его важным признаком является централизация управления, стремление к этатизму. Социализированный фашизм не что иное, как жесткая государственная политика протекционизма и патернализма общенациональных интересов при политическом или экономическом кризисе ради сохранения целостности страны, общества, государства, нации. Фашистские меры способны уничтожать организованную преступность – исторический факт. Достаточно почитать замечательный роман М. Пьюзо «Сципиец», где он подробно осветил данный аспект фашизма. Этого невозможно было добиться даже при коммунистических режимах, а уж тем более при либерализме – пособнике организованной криминальной формы террора над обществом. Но в стабильном, безопасном от внешних и прочих угроз общественном существовании возможны реакционные перегибы фашизма: когда фашистские меры используются уже для произвола отдельных личностей и корпораций. От этого предостерегают и «новые правые»: «Меры, допустимые на некоторое время в чрезвычайных условиях нельзя увековечивать как закон. Это положение необходимо соблюдать и в авторитарном Государстве правых во избежание «диктаторского» произвола, и его нельзя подменять этическими узами, необходимо неограниченными и гибкими, связывающими непосредственную ответственность с одной стороны (сверху) и доверие и преданность с другой»¹⁹.

На сегодняшний день термин «фашизм», «фашистский» всего лишь оскорбительный ярлык социально-политической полемики, сродни «шовинизму» и пр. Ни одно движение или партия не позиционируют себя как фашистские. В рамках политической борьбы стороны используют какие-либо признаки идей у оппонентов, напоминающие профашистские, чтобы обобщать и отождествлять с ними всю целостную идеологию или политическую программу противников (*pars pro toto*)²⁰. И затем заклинаят общественное мнение, электорат этим тотемом-пугалом: «Бойтесь наших оппонентов, бойтесь фашизма, «Вы хотите, чтобы вернулся Джонс?»²¹. Не обращайтесь внимание на то, что с вами делают ужасные реалии вашей жизни. Бойтесь призраков, не бойтесь реальных страданий».

Безграмотным «антифашистам», лепящим термин «фашизм» ко всему, что им не нравится, следует понять, что фашизм неотделим от идеи государства. Вне идеи государства фашизм не существует. В то же время элемент «ур»-фашизма²² всегда был и будет внутренней конфессионально-иерархической частью любого государственного и корпоративного аппарата. Духовно преодолеть фашизм – значит понять ту часть «вечной истины», которую он сумел усвоить и выразить; а поняв, показать, что эта частица находит свое настоящее место в мировоззрении иного порядка²³.

Давайте выключим фашизм – как лампочку? С социальными явлениями (феноменами) так невозможно: кто-то будет всю жизнь «молиться» на иерархию, на государство и монарха, высшего иерарха. Нельзя недооценивать исторический опыт человечества и отражение в нем человеческой природы как таковой. Уже после войны И.А. Ильин писал следующее: «Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко еще не изжитое. В нём есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость. Но опасности его необходимо продумать до конца»²⁴.

«Ярлыки типа «фашизм», «фашист», «фашистский» пытаются прилепить к различным лицам, организациям, ситуациям, в результате чего сами эти слова утрачивают своё конкретное значение. В современном обществе, где любого, занимающегося политикой, могут обозвать фашистом, это слово уже почти ничего не значит. Само это слово используется для выражения недовольства, причем почти по любому поводу. Именно таким образом содержание политических понятий выветривается, и они отмирают. Совсем не случайно само занятие довольно широким сектором теорий фашизма, их классификация и исторический анализ стали самостоятельной областью современных идеологических исследований»²⁵. Если же разбрасываться ярлыками, что любят делать разбойники пера и мошенники печати, то можно наделить отрицательными свойствами любое понятие. Как вам такие изыски: «рыночный фашизм», «демократический фашизм», «либеральный фашизм», «фашизм прав человека»?.. Таким вот образом демонизированное, признанное общественностью негативным понятие девальвируется само и девальвирует другие: они все становятся расплывчатыми и затертыми. И получается, что в фашизме не остается ничего *по сути*. И ужасного тоже! Серьезные критики и исследователи, поэтому отказались от публицистического охаивания ради научного изучения фашизма. Ненаучные коннотации этого слова («зло», «античеловечность» и т.д.) не играют роли²⁶.

Интересную в этом плане интерпретацию послевоенного фашизма предлагает А. Тарасов в своей статье «Много фашизмов. Весьма нехороших и разных». Тарасов делает неутешительный вывод, сходный с советской версией – «Фашизмов много, и чем дальше, тем они все менее отличимы от «обычного капитализма»²⁷. Он говорит о том, что послевоенный фашизм становится «зависимым»: не более чем политическим методом западных демократий (!), которые его устанавливали в странах «третьего мира» для борьбы с левыми. «Поскольку «зависимый» фашизм зависел от «демократической метрополии», то часто при фашистских режимах соблюдался в той или иной степени

«демократический декорум»: существовали парламент, многопартийная система, проводились «выборы»²⁷. Как это похоже на нынешнюю «управляемую демократию» в России! И далее автор еще более интегрирует фашизм в ткань современности: «Зависимый» фашизм перебрасывал мостик к праволиберальным режимам, движениям и доктринам, «размывая» понятие фашизма и делая его «более приемлемым» для либералов»²⁷... В конце его трактовки создается странное ощущение, что фашизм повсюду, он всем нужен, без него никак нельзя при «господине Купоне».

В русле нынешней какофонии исследований и мнений о фашизме нередко говорится и о том, что «фашизм сумел востребовать религиозно-философские идеи самого высокого порядка, идеи, по сути «лишние» и для марксизма и для либерализма, с их апелляцией к материализму и позитивизму»²⁸. По-видимому, здесь следует искать действительно *революционное* в фашизме – его настойчивое противостояние материализму консерваторов, буржуазных либералов и коммунистов: «фашисты были радикально против индивидуалистского и материалистического духа, этоса капитализма, особенно международного капитализма»²⁹.

Исходя из этимологии и символизма *fascio*, в нем с очевидностью можно узреть некий метафизический феномен, в виде онтологического принципа и процесса объединения, солидаризации. «Мы уже давно маршируем по направлению к магическому нулевому пункту, переступить через который сможет лишь тот, кто обладает другими, невидимыми источниками силы»³⁰. Идет отказ от навязчивости современной буржуазно-либеральной цивилизации и сплочение вокруг источников воли и силы – «*элементарных центров силы*»³¹. Другой вопрос – как, кем и *для чего* (по Ницше)³² он осуществляется. Антифашизм тогда может рассматриваться амбивалентно: с одной стороны, он – процесс разобщения, индивидуализации, с другой – направленный фашизм – солидаризация против враждебной реакционной солидарности, против ее *для чего*. Но готовность к жертве и отказу схожа с фашистской и налицо с обеих сторон. Долговременная вероятность выживания каждого из нас равна нулю³³. Материализм обесценивается непреложными реальными истинами жизни. «Слабость всех либеральных систем состоит в том, что они не могут дать человеку осознание смысла жизни. Мы живем в таком мире, где все возможно, но уже не осталось ничего, что было бы важно»³⁴. Зачем жить? – Пессимизм. Жить – *для чего*: ответное предложение фашизма.

Фашистский стиль оказался практически единственным, схожим с религиями в провозглашении требований высоких нравственных ценностей нематериального, непотребительского характера: «...ритуальный стиль политики фашизма (и нацизма) внушил чувство энтузиазма, которое не способна была создать ни одна обычная партия, дав ощущение коллективной эйфории, принадлежности и единства. Фашизм сработал как религия-заменитель. Миллионы были завербованы этой религией вовсе не в силу каких-то определенных логических причин, но в силу созданного в них субъективного ощущения приподнятости из хаотического, пугающего периода истории в новую эру, благодаря вдохновленности чувством гармонии и цели»³⁵. Эрнст Юнгер призывал к восстанию против бездушной механистической потребительской машины: «Мы возлагаем наши надежды на молодых, которые страдают от жара потому, что в их душах – зелёный гной отвращения. Мы видим, что носители этих душ, как больные, плетутся вдоль рядов кормушек. Мы возлагаем свои надежды на бунт против господства уюта, для чего требуется оружие разрушения, направленное против мира форм, чтобы жизненное пространство для новой иерархии было выметено подчистую»³⁶. Ныне эстафету борьбы с буржуазной цивилизацией продолжают те, кем она жертвует во имя материалистического утилитаризма, те, кто готов пожертвовать собой и этой цивилизацией во имя идеалов величия человеческого духа и достоинства. «Все эти юноши, все эти девушки хотят отдать свою жизнь во имя чего-нибудь. Реклама заставляет их приобретать тряпки и машины, которые им вовсе не нужны. Поколения за поколениями люди

работают на ненавистных работах только для того, чтобы иметь возможность купить то, что им не нужно. На долю нашего поколения не досталось великой войны или великой депрессии, поэтому мы должны сами объявить войну, и война эта будет духовной. Мы начнем революцию, направленную против культуры... Мы должны научить людей свободе, поработив их, и показать им, что такое мужество, испугав их»³⁷. В упомянутом контексте «идей высокого порядка» фашистом *по сути*, без исторической экстраполяции, в сегодняшней действительности можно считать человека, который борется в первую очередь за идею сохранения государства, как основополагающего легитимного института формирующего общество, в противоположность идеям исчезновения и девальвации института государства, таким как глобализация экономики, транснационализм, космополитизация, свободный капитал вместо государства, доминирование международных правительственных организаций.

Фашизм по разнообразию и противоречивости своих признаков представляет собой терминатор среди идеологических феноменов. Он совмещает в себе порой поляризованные признаки социогенетических и биогенетических теорий, реакционность и революционность. С позиции пересмотра (ревизии) – лейтмотива данного очерка – подытожим этот раздел сентенцией одного из ведущих мыслителей «новой правой» Ю. Эволы. «С точки зрения правых фашистская доктрина государства в своих основных чертах, безусловно, заслуживает положительной оценки. Мы оказываемся на орбите здоровой традиционной политической мысли, поэтому сектантская, односторонне очернительская полемика антифашистов должна быть окончательно отвергнута. ... важно понять в чем состояли основные недостатки фашистской системы и какие ошибки были допущены в практической деятельности»³⁸.

¹ Клайнханс Б. Фашизм. – <http://www.shoa.de/content/view/143/96/>

² Меллер А. Фашистский стиль. – www.nationalism.org

³ Широко известен факт расхождения итальянских националистов с фашистами, «голубых рубашек» и «чернорубашечников», именно по идеологическим соображениям.

⁴ Evola J. Il fascismo visto dalla Destra (con note sul III Reich). Settimo Sigillo: Roma, 1989, ч.1, гл. 13. (Перевод с итальянского Виктории Ванюшкиной) – www.nationalism.org

⁵ Умланд. А. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Вопросы философии. – 2006. – №12. – С.68.

⁶ «К тому же стоит отметить, что сами немецкие нацисты не признавали определение «фашизм» как подходящее для нацистской идеологии». См. Умланд. А. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Вопросы философии. – 2006. – №12. – С.68.

⁷ Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? Заметки к одной дискуссии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. – 2004. – №1. – <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.html>

⁸ Муссолини Б. Доктрина фашизма./Пер. с итальянского В. Н. Новикова/Б. Муссолини. – Париж: Изд-во «Возрождение» – «La renaissance», 1938. – OCR Кудрявцев Г.Г.

⁹ Брегель Э.Я. Политическая экономия капитализма. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1968. – С.324.

¹⁰ Клайнханс Б. Фашизм. – <http://www.shoa.de/content/view/143/96/>. См. также Тарасов. А. «Много фашизмов. Весьма нехороших, но разных». // «Новая модель» – 2003, № 2.

¹¹ Эко У. Вечный фашизм // «Пять эссе на темы этики». – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 49-80.

¹² Weber E. «Revolution? Counter-revolution? What revolution», в Walter Laqueur (ed.), *Fascism: A Reader's Guide*, (Penguin, Harmondsworth, 1976), p. 509.

¹³ Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. – 1996. Глава 13. – <http://www.netda.ru/>

¹⁴ Evola J. *Il fascismo visto dalla Destra (con note sul III Reich)*. Settimo Sigillo: Roma, 1989, ч.1, гл. 13. (Перевод с итальянского Виктории Ванюшкиной) – www.nationalism.org

¹⁵ Эко У. Вечный фашизм // «Пять эссе на темы этики». – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 49-80.

¹⁶ Гриффин Р. Отрицание марксистами и либералами революционных регалий фашизма. // «Revolutions and the Revolutionary Tradition in the West 1956-1991». – Routledge, London, 2000 // Константин Л. Метлов – metlov@fzu.cz

¹⁷ Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма // *Living Marxism*, vol.4, № 8, 1939. – <http://www.avtonom.org/lib/theory/leftcom/ruhe1.html>

¹⁸ Гриффин Р. Отрицание марксистами и либералами революционных регалий фашизма. // «Revolutions and the Revolutionary Tradition in the West 1956-1991». – Routledge, London, 2000 // Константин Л. Метлов – metlov@fzu.cz

¹⁹ Evola J. *Il fascismo visto dalla Destra (con note sul III Reich)*. Settimo Sigillo: Roma, 1989, ч.2, гл. 2. (Перевод с итальянского Виктории Ванюшкиной) – www.nationalism.org

²⁰ часть за целое (лат.) – логический оператор аргументации в формальной логике – один из так называемых «advocatus diaboli»: когда незначительный признак явления раздувают до обобщения и отождествления со всем явлением.

²¹ Оруэлл Дж. Скотный двор/Дж. Оруэлл. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.365.

²² Эко У. Вечный фашизм // «Пять эссе на темы этики». – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 49-80.

²³ Мальчевский Н. Каждому – своё. О немецкой философии в период национал-социализма. – <http://russamos.narod.ru/03-last-3.htm>

²⁴ Ильин И.А. Собрание сочинений. Т.2, кн.1. – М.,1993. – С.86.

²⁵ Меллер А. Фашистский стиль. – www.nationalism.org

²⁶ Умланд. А. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультра национализма // *Вопросы философии*. – 2006. – №12. – С.68.

²⁷ Тарасов А. Много фашизмов. Весьма нехороших, но разных. // «Новая модель». – 2003. – №2.

²⁸ Мальчевский Н. Каждому – своё. О немецкой философии в период национал-социализма. – <http://russamos.narod.ru/03-last-3.htm>

²⁹ Гриффин Р. Отрицание марксистами и либералами революционных регалий фашизма. // «Revolutions and the Revolutionary Tradition in the West 1956-1991». – Routledge, London, 2000 // Константин Л. Метлов – metlov@fzu.cz

³⁰ Меллер А. Фашистский стиль. – www.nationalism.org (Эрнст Юнгер)

³¹ Паланик Ч. Бойцовский клуб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С.295.

³² Рачинский Г. Предисловие к русскому изданию // Ницше Ф. Воля к власти. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2003. – С.376.

³³ Ницше Ф. К генеалогии морали. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С.255-256, 266-268.

³⁴ Рорромзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.273.

³⁵ Гриффин Р. Отрицание марксистами и либералами революционных регалий фашизма. // «Revolutions and the Revolutionary Tradition in the West 1956-1991». – Routledge, London, 2000 // Константин Л. Метлов – metlov@fzu.cz

³⁶ Меллер А. Фашистский стиль. – www.nationalism.org

³⁷ Паланик Ч. Бойцовский клуб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С.253.

³⁸ Evola J. Il fascismo visto dalla Destra (con note sul III Reich). Settimo Sigillo: Roma, 1989, ч.1, гл. 1. (Перевод с итальянского Виктории Ванюшкиной) – www.nationalism.org

7. Расизм

*Человек есть то, что он есть, –
дикое животное с могучим инстинк-
том выживания и самосохранения.*

Роберт Хайнлайн

Человеческое существование и развитие в историческом и экзистенциальном смысле содержит три основные составляющие: биологическая, социальная, экономическая. И три важнейших производных: из биологической (расовой и этнической) и социальной (социально-исторической) – психологическая и демографическая, из социальной и экономической – политическая. В дальнейшей своей совокупности они порождают самые разнообразные феномены человеческого бытия. Структуры существования и развития неразрывно связаны друг с другом, взаимозависимы. Их факторы перетекают с одной составляющей на другую, создавая и изменяя систему значимостей. Диспропорции и нарушения во взаимоотношении структур развития и существования ведут к различным кризисам.

Расизм нельзя назвать в общем и целом политическим движением и борьбой. Он всегда был чем-то большим, хотя и служил основой для всякого рода идеологического мировоззрения: как его опора или как его отрицание. Расизм связан в большей степени со стереотипами существования индивидуума, групп, этносов в своих моральных, культурных рамках, в своем способе жизни. Он в основании – борьба биологическая, и только затем политическая. Да, та самая дарвиновская догма плюс субъективная, экзистенциальная ее идентификация в общественном сознании. Коренная база для расистских положений и предрассудков вырастает из дорелигиозных архетипов сознания и далее развивается уже в самые разнообразные исторические формы и идеи. Это мировоззрение отменить невозможно, как и многообразие мира, и стремление к своеобразию и самобытности субъектов жизни. Но в расширенном обществе расизм обретает соответственно и более расширенное содержание: «Расистское понимание человека не может остановиться на простом биологическом уровне, иначе было бы правильным обвинением еврея Троцкого: расизм – это «зоологический материализм»¹.

Современное состояние расистского мировоззрения переживает и ординарные примитивные свои формы: любовь и ненависть к чужому, и существует в виде довольно глубоких научных исследований в сфере антропологии. Немецкий философ Б. Баух справедливо отмечал по этому поводу: «Акцент на расовую идею вовсе не обязательно ведет к натурализму и материализму. Конечно, и эта идея может быть истолкована натуралистически и материалистически, то есть неверно. Но так можно истолковать любую идею»².

Что касается его политической жизни, то расизм существовал и в виде идеологии расового превосходства – нацизм, и в виде государственной и социальной политики – США (до полной демократизации в этой области социальных отношений еще далеко, они представляют собой своеобразие политической системы, как в ретроспективе, так и на современном этапе), и в виде интернационализма, интеграционных биополитических трансформаций – этногенез и становление государств в Латинской Америке и пр.: креолы, метисы, мулаты и т.д. Одно направление отрицало другое, но никогда не могло избавиться от действительной своей биологической основы.

Безрасовое общество на сегодняшний день – невозможно. Какими бы социальными стереотипами не воспитывали бы расовую терпимость, как бы ни преследовали противодействие этим стереотипам – традиционные расовые и этнические архетипы, акцент на индивидуальности и самосознании от индивида до крупных групп будет сохраняться всегда: на планете нет ни одного одинакового живого существа, но есть похожие и отличные. «Как бы сильно того ни желали «ревностные консерваторы», культурная война и расовый вопрос никуда в ближайшее время не исчезнут. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы эти проблемы сохранились. Афроамериканцы и испаноязычные граждане США составляют сегодня четверть населения страны. Все чаще на президентских выборах они голосуют единым блоком. Наши масс-медиа также заинтересованы в сохранении и усугублении расового конфликта. Рейтинги и рекламные деньги требуют «ударных» новостей и материалов, а ничто – кроме войны, конечно, – не привлекает читателя больше, чем описание расовых конфликтов»³.

Расизм как термин в течение Новейшей истории используется по преимуществу с позиций ответной непримиримой нетерпимости. Данный подход к этой теме намерено ангажирован буржуазно-либеральными кругами в чисто пропагандистских целях. Посредством постоянных исторических аналогий и инсинуаций ведется травля и запелляционное отождествление с расизмом таких сфер мировоззрения и исследований, как антропология, этно-плюрализм, расология, расиализм – теория, «согласно которой раса – главная движущая сила истории»⁴, которые занимаются реальными объективными природными и социальными явлениями и их историческими закономерностями. Слово «раса» и «неравенство» – стали «тоталитарным табу» в обществе насильственной уравниловки, социально-экономического неравенства и уничтожения национальных корней, во имя либерального утилитаризма, универсализма и индивидуализма. Явления, стоящие в центре современных проблем человечества, либо замалчиваются, либо предаются тотальному остракизму. В этом плане очевидно нарушаются права человека на свободу слова и свободу совести. Система этих «всеобщих» либеральных ценностей абсолютно не работает в сфере проблем, ею же созданных в последние годы. Либералы подавляли и не учитывали множество противоречий и социальных столкновений послевоенного периода. И теперь, вместо анализа, попыток компромисса, буржуазный либерализм страха ради иудейска выдвигает тотальную цензуру, запрет и политическое преследование, людей, ставших жертвами издержек либерализма и поднявших свой голос на защиту собственных прав. «...Если любое агрессивное поведение «расистское», расизм становится нормальным явлением, так как вражда, ненависть, агрессивность были присущи всем обществам во все времена. Если все расисты, то никто не расист. Столь расширительное толкование расизма делает неприменимыми законы против расизма»⁵. Современная модель общества рухнула. То за что «боролись» либералы (в большей степени за них это делали коммунисты), ими же сегодня и преследуется. Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем⁶.

То, что называют «антирасизмом», в принципе не существует. «Есть расизм, который абсолютизирует Иное, дабы создать Совершенно Иное, с которым никто не может иметь ничего общего. Есть другой, более извращенный расизм, который абсолютизирует Одинаковое и во имя Одинакового отрицает саму идею различий. Иное, таким образом, можно отрицать, уничтожая его отличие, или вообще отрицая, что существует иное. Подход разный, а результат один: уничтожение различий»⁷. Это политика своеобразного либерализма народов. Интернационализм и всякого рода терпимость в социальных отношениях. Такая политика общечеловеческих ценностей развивается в течение последних 60 лет в виде либерализма и демократизации общества. Она считается залогом современного процветания развитых стран, и поэтому эта политика стала доминирующей – государственной политикой многих стран. Многих, но далеко не всех.

Что важно, так это то, что анти-расовая политика была не анти-расовой вовсе, а скорее социальной политикой равенства, частью тотальной либерализации общества, борьбой за права всякого рода меньшинств. То есть не было конкретного расового противостояния (кроме США и ЮАР), в либерализации были заинтересованы все слои общества. Именно потому, что реальные проблемы, возникшие в процессе либеральной интеграции общества, не брались в расчет, стали появляться движения противодействия – нео-движения разного толка. Либерализм пренебрегал идентичностью, самосознанием и стереотипами многих групп во имя своего универсализма. На сегодняшний день меж-этнические и межрасовые конфликты и противоречия, которые накопились за время либерального развития общества, становятся центральной темой внутренней политики большинства стран Запада и прозападно ориентированных сообществ на весь 21 век.

«Антирасизм» также является преследованием и нарушением прав человека на собственную идентичность, самоопределение и суверенитет. Так называемый «антирасизм» отрицает принцип плюрализма в обществе (курение и алкоголизм – морально-этически можно исповедовать, а любовь к своей идентичности почему-то нельзя).

Большинство нео-движений связывали с пережитками нацизма. К этим процессам не хотели относиться серьезно, не смотрели вглубь. На самом деле их появление связано с мощнейшими мировыми миграционными потоками, с послевоенной деколонизацией мира, перераспределением индустриального производства, рынка труда. Произошло грандиозное смещение культурных пространств на Западе: «сегодня сосуществуют цивилизации и культуры, находящиеся на различных стадиях развития... в этот момент сталкиваются различные цивилизации и постепенно вырисовывается образ нового человека. Этот образ прояснится только позже, но его элементы уже здесь, в бурно кипящем котле»⁸. Но вот что странно – после деколонизации мира, в деколонизированных регионах монокультурализм, моноэтнизм, моноконфессионализм стали доминирующими процессами. В Африке в 60-х гг. XX в. после освобождения многочисленных африканских стран от колониальной зависимости бывшим президентом Сенегала Л.С. Сенгору была создана концепция негритюда (расизма наоборот)⁹. Там происходит выхолащивание культурного пространства, и одновременно, эти регионы стали поставщиком мигрантов и культурного смещения для самых культурно развитых центров мира. За примерами далеко ходить не надо – в Чечне живут только чеченцы; Закавказье вышвырнуло всех русских и все русское из своей культуры; на всей территории постсоветского пространства также идет борьба с русской культурой. Что касается зарубежной деколонизации, то Запад ее уже пережил, а негатив спустил на тормозах, ради либерального процесса: просто всех беженцев там нормально, по-человечески приняли, им помогли, чего не скажешь о современной России. На гигантской периферии мира расизм, в классическом его антигуманном понимании, доминирует, хотя его всячески оправдывают тем, что это неразвитый Третий мир.

За последние 60 лет с окончания Новой истории проблемы, связанные с этническими, расовыми, демографическими, миграционными, культурологическими процессами человечества накопились в совершенно новом качестве и содержании. Они по-новому обусловлены – новая ситуация, новый дисбаланс. К концу 1980-х высокий уровень безработицы, увеличившееся количество иммигрантов и преимущественно «неевропейский» характер иммиграции привели к резким изменениям в европейских взглядах в политике¹⁰. Эти противоречия не могут детерминироваться имперским колониализмом, антисемитизмом, нацизмом прошлой эпохи. Они созданы эпохой буржуазного неоконсерватизма и неолиберализма, который также принял знамя интернационализма левых после Второй мировой войны. Но люди, оказавшиеся «по ту сторону», сегодня уже не несут какой-либо «вины» за прошлое – это уже новое поколение, и поэтому их «нетерпимость» к настоящему положению вещей в этой теме вполне обоснована и оправдана – их интересы не учитываются либеральным универсализмом, их мнение уже давно не

спрашивают, даже, наоборот, оно осуждается, но аргументами давно ушедшей эпохи, грехами почивших поколений. Это очевидная антидемократическая дискриминация крупных этнических образований европейской цивилизации в угоду корпораций и меньшинств. С интересами большинства не считаются, а значит принцип демократии и либерализма очевидно извращен, что не удивительно для буржуазной цивилизации в целом.

Отправной точкой этих событий является «демографический взрыв» в середине 20 века в мире. «50-е годы стали переломными в мировом демографическом развитии, определили хронологическую грань в складывании сложной современной демографической ситуации. В 1950 г. численность населения мира составляла 2,5 млрд. человек, примерно десять лет спустя она достигла 3 млрд., в 1976 г. – 4 млрд., а в настоящее время – более 6 млрд. человек»¹¹. При этом продолжающееся с 60-х годов резкое снижение рождаемости в европейских странах поставило многие из них перед угрозой депопуляции. Удельный вес населения Европы в общей численности населения мира стал постепенно сокращаться¹². «Первую половину XX века народы белой расы составляли треть всех людей на Земле. К 1960 году их доля снизилась до четверти населения планеты. Сегодня на них приходится 10% населения Земли и 4% рождающихся детей. Белых народов стало меньше, чем китайцев»¹³. А в России это явление приобрело стремительные формы через одновременное падение рождаемости и увеличение смертности населения, что и создало ситуацию вырождения нации под названием «русский крест». «В России в ноябре 1992 года (впервые с XV века) смертность превысила рождаемость. За 1993-2005 годы ее население сократилось на 11 млн. человек и составило на 1 января 2006 года 142,7 млн. Главная убыль идет за счет русского народа»¹⁴.

На нынешнем этапе истории создаются условия для нового Великого переселения народов, способного уничтожить европейскую цивилизацию подобно Риму. Настоящий современный расизм (вернее было бы уже назвать его расиализмом или этноплюрализмом) имеет совсем другое содержание, в отличие от старого расизма превосходства. «В настоящем расиализме расовый фактор рассматривается как первичный, а не как один из множества других. Более того, подлинный расиализм исходит из причинной, почти механистической взаимосвязи между расой и социально-культурной областью, причем первая определяет вторую. Расиализм отрицает неравенство рас и это принципиально отличает его от расизма»¹⁵. Было бы правильнее рассматривать нынешние расовые проблемы не с позиций превосходства, а с позиций безопасности – национальной и культурной. «Фактором, увеличивающим возможность этнических конфликтов и, соответственно, повышающим роль этнической идентификации, являются миграции»¹⁶ – это очевидный вывод из сложившейся современной ситуации.

Обобщая все вышеизложенное можно сказать, что либеральная прозападная политика создала уникальные условия для развития новой формы расизма – панрасизма. Это ассимилятивный расизм, вернее его новая ипостась. Обычно ассимиляция, натурализация происходит по принципу меньшее вливается в большее. То есть большее образование (нация, суперэтнос) включает в себя меньшие группы, диаспоры, кланы и т.д. Типичным примером является Америка. Ее общество полностью построено на данном принципе, однако своеобразие было создано за счет иерархии этих групп. Новая ассимиляция происходит по принципу многочисленное маленькое растворяет единое большое. Большие группы распадаются до незащитных и безликих индивидов. Маленькие группы не распадаются, наоборот, государство наделяет их правом не распадаться, сохранять своеобразие, а большим группам в этом праве уже отказано. Разного рода меньшинства умудряются обосновывать свою экспансию тем, что они, видите ли, жертвы того или иного большинства в историческом плане, хотя страдали не они, а лишь некоторые из их предков. «Ситуация с гражданскими правами привлекает и адвокатов. Новость о том, что где-то нагрубил чернокожему клиенту или отказались его

обслужить, для адвоката равноценна выигрышному билету лотереи... Расовый рэкет набирает обороты и из проблемы национальной превращается в мировую. В Дурбане, Южная Африка, в сентябре 2000 года проходила под эгидой ООН международная конференция «Мир против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости». Цель конференции: добиться от США официальных извинений за «трансатлантическую работоторговлю» и согласия выплатить десятки миллиардов долларов «репараций» афроамериканцам за совершенные предками нынешних белых граждан США «преступления против человечности»¹⁷. Они требуют себе *привилегированной безопасности* у государств от большинства, которыми оно управляется. Даже требуют компенсации за геноцид и колониальную политику, требуют признать и не оспаривать своей трагедии у общества. Эти требования закрепляются на международном уровне в разного рода декларациях прав меньшинств: *Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 года, Рамочная конвенция о защите прав национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года* и т.д. Уместно спросить, почему нет ни одной декларации прав большинства? Почему все обязаны признавать геноцид евреев как меньшинства в годы Второй мировой войны, но никто не говорит о геноциде русских в то же время. «По нашему убеждению, утверждать, что какой-либо народ, народность, или национальная группа «страдала больше, чем кто-либо на свете на протяжении всей истории человечества», – значит не только намеренно, в угоду низменным националистическим устремлениям извращать факты прошлого, но и сознательно вставать на позиции расизма, лишь вывернутого наизнанку, воспитывать открытую или затаенную неприязнь ко всем и вся сеять рознь»¹⁸. Расистское *превосходство возвышенности* сменилось *моральным жертвенным превосходством* ради привилегий и преимуществ за счет других. Вот чем сейчас занимаются разные диаспоры в Европе. Их представители иезуитски утверждают, что «...в большинстве известных случаев лидирующая роль представителей этнического большинства в интеграции общества сопровождалась отказом от требований прерогатив для себя»¹⁹. А может быть им эту «лидирующую роль» навязали лоббисты от разных продажных элит? Чем подтверждается со стороны большинства отказ от прерогатив для себя? Каков позитивный результат этого отказа? Расовое европейское большинство выставляют дураками с «лидирующей ролью» либо выслушивать бесконечные упреки и требования со стороны мигрантов, которые у себя на родине не хотят работать и отстаивать свои права. Либо получать и терпеть за отказ от прерогатив для себя этническую мафию, сепаратистский шантаж и хамские нападки на традиции этого большинства со стороны этнических меньшинств, желающих со своим первобытным мировоззрением и гонором, иметь достижения развитой нации.

Для иллюстрации этой формы расовой и этнической дискриминации возьмем для начала Францию. Там каждый гражданин – француз, несмотря на национальность. Французы ради идеи равенства отказываются от своей идентичности и своеобразия в пользу всех остальных – не французов, которые в свою очередь сами не отказываются и даже борются за свою идентичность – религиозную, национальную, культурную – при этом, не признавая и отрицая любую французскую самобытность в своей жизни. То есть самих французов, как коренного народа уже не существует. Они влились в суперэтнос с аналогичным названием, растворились в нем, в то время как остальные только де-юре признают себя частью этого суперэтноса, не хотят растворяться в нем. Налицо этническое и расовое лицемерие и дискриминация титульной нации. Что блестяще подтвердилось антифранцузскими погромами в Париже, Марселе и по всей Франции в 2005 году. Каждый француз говорит «я француз» и живет как француз, араб, алжирец, негр тоже говорят «я француз», но жить продолжают как араб, алжирец, негр, считая это своим неотъемлемым правом, требуя от правительства большей заботы к себе именно по причине своей национальной, расовой и религиозной исключительности. Им

настоящие французы не указ и вообще мешают жить. «Здесь с неумолимостью физической закономерности проявилось действие сформулированного еще в 1930-х гг. «закона Хансена», который гласит: «Иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений»... Потомки иммигрантов не хотят мириться с неравенством своих возможностей в стране, где они с рождения должны обладать равными правами с коренным населением. Они не могут реально оценивать ситуацию на своей исторической родине, но им необходим мифологический образ «идеальной прародины» и славных культурных традиций как способ повышения самоуважения и самоутверждения. Эмигранты третьего поколения не стремятся, как их деды и отцы, стать «настоящими французами», многие из них выпячивают свою особенность, опираясь на этнические и религиозные традиции, отвергнутые первым и вторым поколениями»²⁰. Заметим также, что на исторической родине этих мигрантов французы преследуются и за свою культуру и за свою религию – это вроде как издержки колониального прошлого. Там французом быть и опасно, и позорно.

Если же во Франции или Германии кто-то вдруг возмутится пренебрежением к своей отечественной культуре, к своему экономическому положению, к равнодушию со стороны правительства к коренным интересам страны и ее аборигенов – он расист, нацист, фашист. Если кому-то из «обиженных жизнью» иммигрантов не понравится, хотя бы слово, поступок, рисунок, они сразу кидаются яростно, с ненавистью и первобытной нетерпимостью громить сонных бургеров Европы, обвиняя их во всех грехах на свете. А те должны терпеть. Все ради либерализма. Мусульманские общины – будь то турецкая в Германии или алжирская во Франции – не интегрировались в принявшие их культуры и практически ничего для этого не делают²¹. Исламистские погромы в Европе происходят все чаще. Быть французом, немцем, датчанином можно только потихонечку, только по праздникам: таков удел наследников могучих нибелунгов, неукротимых галлов, яростных викингов – уж они-то арабам показали! Их потомки выбирают политическую и этническую эвтаназию – последнюю гуманитарную ценность современной Европы, соглашаясь гуманно отказаться от своей собственной идентичности, быть не хозяевам, а никем в своей стране среди сонма гостей, на родине которых их презирают. Этому даже Иисус Христос не учил.

Нельзя относиться аналогично к людям с другим мировоззрением. «Чтобы на земле восторжествовало равенство, надо сначала очень четко договориться: отнюдь не все люди равны перед богом. И винить их в этом нельзя. А уповать на моментальное перевоспитание даже не глупо, а преступно»²². Они станут «такими же, как все людьми», когда сами начнут думать так, а не лицемерить и клянчить себе привилегий, прикрываясь «общечеловеческими ценностями», и при этом культивировать местечковый изоляционизм, навязывать остальному обществу свой менталитет, стереотипы и обычаи – далеко не «общечеловеческие». «Мир близких людей сужается, а чуждые сообщества, о которых известно немного, становятся все опаснее. Поэтому понятие «чужого» обретает невиданную мощь и силу – не в последнюю очередь потому, что все мы сталкиваемся с вызовами и неопределенностями, которые делают нас чужими»²³.

Проблемы современной иммиграции и иммигрантов возникают вовсе не там, куда они приезжают – там они продолжают, а, прежде всего, в тех странах, откуда они уезжают: «новая волна миграции была отчасти результатом деколонизации, образования новых стран и политики государств, которые поощряли отъезд людей или вынуждали их делать это»²⁴. Вот где источник современного экстремизма: антидемократия и бедность, идеологическая предвзятость, нетерпимость и насилие на периферии. Почему «местным» – принимающей стороне приходится отвечать за провалы политиков стран-доноров миграции, за провал их национального самосознания – они хотели свободу, они её получили, почему мигранты бегут от своего суверенитета? Все издержки и упреки почему-то сыплются на головы принимающей стороны, ни коим образом не со-

образуясь с ее проблемами и культурными устоями. Либеральные правозащитники до сих пор замалчивают и «не обращают внимание» на подлинные причины миграций. Объяснение лежит у них лишь в абстрагированных от людей понятиях экономической науки. А между тем, политические деятели, создавшие у себя невыносимые условия жизни для своих соотечественников ответственности не несут. Этот груз, еще раз повторимся, был переложено полностью на принимающую мигрантов сторону. Зачастую, люди, которые мигрируют в европейскую цивилизацию, едут не только по экономическим соображениям, многие из них преследуются по национальным, религиозным, сексуальным и другим «ксенофобским» признакам у себя на родине. Но отвечать за эту антидемократию приходится европейцам, никто не призывает к ответственности, толерантности государства-доноры мигрантов перед мировым сообществом.

Почему бы «глобальному» человечеству (в лице, например, ООН) не позаботиться о «правах человека» на периферии человечества, а не только находить правозащитные фетиши в столкновении культур? Почему требования в отношении культурности и толерантности должны повышаться к принимающей стороне, а не к приехавшим? «В отношении тех регионов и стран, где царят хаос и насилие, имперские державы должны быть вполне определёнными в своей политике. Если правительства этих стран могут быть низложены мирно, необходимо пользоваться этой возможностью. Если для их отстранения от власти необходимо прибегнуть к военной силе, не следует интересоваться мнением всех и каждого. Нужно восстановить понимание цивилизаторской миссии западного мира и следовать этой миссии. Нужно обратить миграционный поток вспять»²⁵.

Декolonизация, о которой упоминалось выше, была очень жестким, порой жестоким процессом – она в значительной степени искупает предшествующую ей колонизацию. Также ее издержки искупает тот факт, что колонизаторы оставили после себя довольно значительное высококультурное наследие и развитые социальные инфраструктуры (в сравнении с доколониальными), которые во многом обусловили возникновение национального самосознания и идею суверенитета в бывших колониях. В нынешней миграции нет такого прогрессивного культурного посыла. Наоборот, этот процесс очень ретроградный, трибалистский, реакционный и примитивный. Он подрывает идею национального суверенитета современных высокоразвитых культур. И это нагло преподносится как прогрессивный феномен космополитизации и глобализации общества разного рода буржуазно-либеральными идеологами. Причем этому придается абсолютно объективистский, спонтанный, исторически закономерный и правомерный характер. Мол, все само собой происходит, это эволюция. «Право общностей на защиту своего культурного наследия не означает права на защиту своих привилегий... Нам всем нужна борьба за обеспечение мигрантам подлинно равного доступа к экономическим, социальным и (обязательно!) политическим правам в той зоне, куда они мигрировали. Я знаю, что здесь будет грандиозное политическое сопротивление на основе защиты культурной чистоты и накопленного права собственности. В заявлениях государственных деятелей Севера доказывается, что Север не может взять на себя экономическое бремя всего мира. А почему собственно нет? Богатство Севера в очень большой части – результат перекачивания прибавочного продукта с Юга. Именно этот факт в течение нескольких веков вёл нас к кризису системы. Это вопрос не благотворительности, а рациональной перестройки»²⁶. А почему бы собственно европейцам подобно борцам за свободу Африки и т.д. не сопротивляться обратному перекачиванию прибавочного продукта и «рациональной перестройке»? Йорг Хайдер хуже Нельсона Манделлы потому что он белый?

То же самое смешение котлеты с мухами происходит и в России. Для русских этот процесс гораздо тяжелее. Французы, например, всегда были суперэтносом. Франция включает 13 исторических этнических областей: Бургундию, Нормандию, Гасконь и

т.д. Поэтому для французов их название было всегда условным. Для русских же понятие «русский» всегда ассоциировалось с единством одного народа и страны. Единство решало любые противоречия, даже этнические. Даже те, кто не считал русскими и другие народы, все равно не утверждали различия. Идентичность была связана именно с единством. Этническая картина Российской Федерации является достаточно пестрой в расовом аспекте, так как здесь проживают свыше 130 наций, народностей и этнических групп (самый большой этнос – русские – насчитывает 120 млн. человек, самая маленькая этническая группа – керки – около 100 человек). В составе населения России этнологи насчитывают 10 малых рас. Это объясняется тем, что в нашей стране проходит граница между основными ареалами распространения двух больших рас – европеоидной и монголоидной. Процессы расового смешения имеют здесь многовековую историю, поэтому населению России никогда не был свойственен расизм как неприятие представителей какой-либо расы²⁷. Русские вроде бы со всеми жили в мире, но вот пришел мировой либерализм. И все сразу прозрели свою историческую исключительность, уникальность, самосознание и идентичность.

В то же время либеральная отмена национальности как признака идентичности, наделение гражданством всех подряд, отрицание и замалчивание любых проблем, связанных с миграционными процессами, с рынком труда привели коренное население к обезличиванию и бесправию. Они в отличие от меньшинств не имеют права бороться за свое самосознание, за свою идентичность. Почему? Вывод прост – раз их много, они могут стать фашистами. Поэтому их бесправие закономерно. То есть надо тоже стать меньшинством, тогда можно самоопределяться.

Россияне – это все, кто живет в России. Раньше слово «россияне» было синонимом слову «русский». Даже при Советском Союзе в его интернационалистской патетике, национальное самосознание и идентичность самого крупного коренного народа никогда не низводились до такого убогого состояния, как в современной Российской Федерации. Русский человек – был «старшим братом в большой семье народов». Национальное своеобразие, пусть и довольно оригинально, прославлялось. Советский послевоенный интернационализм идеологически выступал главным образом против конфликтов на национальной почве, которых в постсоветской России и на остальном постсоветском пространстве хоть отбавляй. Миллионы беженцев из СНГ, работоторговля, исламистская экспансия, война в Чечне, конфликты в Осетии и других кавказских республиках, политика национальной и культурной исключительности исповедуемая многими субъектами федерации (Татарстан, Башкортостан) свидетельствуют о процветании расизма (этнизма) в Российской Федерации. И погромы были, только их замалчивают.

Почему это расизм, а не национализм? – Потому что очень отчетливо прослеживается именно биологизм этих процессов. «Расизм — это движущая сила национализма... Расовая теория оживляет чувства, которые восходят к донациональным формам общества»²⁸. Все антропологические (включая и расовые) и этнокультурные признаки самого архаичного содержания используются именно для утверждения своей исключительной идентичности, вместо высоких культурных достижений развития нации.

Русским беженцам даже в названии на своей родине отказывают – они русскоязычные. «Здесь слово русский – неполиткорректно»²⁹. Россия окружена чисто националистическими, агрессивными государствами, приезжие из которых требуют от российского правительства уважения их интересов и традиций, обвиняют русских в расизме, нацизме и пр. по малейшему поводу. Многие из мигрантов не бежали от своих соплеменников по политическим причинам. Они приехали сюда жить, зарабатывать. Они ежегодно вывозят миллиарды долларов в свои исторические родины. Но бесхребетная либеральная политика дает им возможность добиться большего – создать Россию без русских. То есть эти люди имеют права получать власть во всех государственных орга-

нах. Для них борьба с «великорусским шовинизмом» это уже не защитная реакция, а агрессивная стратегическая задача. Они все россияне, но ни один из них не русский. Все они против русских. А русские должны смириться с навязываемым им либеральным правительством существованием и влиться всем своим стомиллионным организмом в «дружную» карликовую семью всех остальных россиян. Ничтоже сумняшеся всяческие либеральные доброхоты и правозащитники вдалбливают русским, что иммигранты и этнические меньшинства приносят пользу стране, от них зависит экономический рост государства, а коренное население испокон веков «пьяное и ленивое». То есть 30 млн. иммигрантов и этнических меньшинств кормят 110 млн. русских. Абсурд!

Таков новый ассимилятивный расизм – большое растворяют малым. Идет процесс постепенной эрозии всей европейской цивилизации. Ее шаг за шагом переваривают ферменты чужих цивилизаций в виде всяческих диаспор, кланов, религиозных конфессий. «Многие меньшинства не желают интегрироваться, образуют кланы, и каждый клан выбирает свой район, который становится его центром, часто недоступным: вот мы и имеем средневековый квартал – «контраду».... Клановый дух возрождается также и в среде имущих классов. Которые под впечатлением мифов о природе удаляются от города, в район садов со своими независимыми супермаркетами, давая жизнь другим типам микросоциумов»³⁰. Кстати, слово «раса» с английского переводится как «порода», поэтому расизм можно рассматривать и не только как межэтническое противостояние, но и как классовую борьбу: любой элитаризм и аристократизм, чтящие избранность и родовитость – это своеобразный «социальный расизм».

Мигранты не несут прогресса и развития европейцам. Они лишь потребляют все европейское, хотят собственного развития: политического, потребительского, но не интеллектуального, созидательного. И уже открыто выражают свою неприязнь к дальнейшему развитию европейцев. Но самое главное – они открыто проявляют свою расовую и этническую неприязнь к европейским народам у них же дома и очень агрессивно. Кто этого не замечает в последнее время? Только либеральная и экономическая элита. Их заботит только экономика и собственность, до биологии им дела нет.

Европейская цивилизация теряет свою самобытность и содержание, остаются только названия «француз», «россиянин», «германец», которые по окончании этого процесса будут изуродованы чужими языками до неузнаваемости и, в конце концов, выродятся в фольклорный фантом с уничижительным или юмористическим оттенком: «город наполняется иммигрантами, но лишается своих старых жителей, которые используют его только для работы, а затем бегут в пригороды (все более укрепленные после кровавых событий в Бель-Эр). В Манхэттене скоро будут жить только негры, в Турине – только южане, в то время как на окружающих холмах и равнинах вырастают родовые замки, со всем этикетом добрососедских отношений, взаимным недоверием и торжественными поводами для церемониальных встреч»³¹.

Известный «антирасист» Айзек Азимов в стиле классического расизма рассуждает о необъективности и беспочвенности европейского расового превосходства: «За последние 6 тысяч лет большую часть времени Азия и Африка были, фактически впереди Европы. Передовые цивилизации развивались в Египте, на Ближнем Востоке, в Индии и в Китае, в то время как европейские народы практиковали человеческие жертвы и красили себя синей краской. В будущем вполне может случиться, что другие группы, а не европейцы снова возьмут на себя инициативу»³². И что же даст им такую возможность как не превосходство? Почему европейцы должны уступать и во имя кого? Но «места» во всемирной истории не даются даром – нужно уметь их взять, нужно на деле доказать свое преимущество перед старыми обладателями и новыми претендентами³³. Таким образом, расовый вопрос возвращается на круги своя, где лишь «одна только наследственность достаточно сильна для того, чтобы вступать в борьбу с наследственностью»³⁴.

Все вышеизложенное лишь подтверждает изначальный тезис: Расизм не просто политическое движение. Расизм – это биологический и соответственно культурно-исторический процесс, который в разном виде опосредуется или приспособливается самыми разными идеологиями для определенных социально-экономических и политических целей. Расизм отражает один из наиболее древних и важнейших процессов биосферы – отбор.

Вернемся к идеологическим движениям (феноменам).

¹ Эвола Ю. Паса как революционная идея. – <http://marsjada.ru/359/407/435/438/>

² Zeitschrift für deutsche Kulturphilosophie, Bd. 2 (1935) s.206. // Мальчевский Н. Каждому – своё. О немецкой философии в период национал-социализма. – <http://russamos.narod.ru/03-last-3.htm>

³ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>

⁴ Бенуа А. Что такое расизм? – <http://velesova-sloboda.info/antrop/benua-что-такое-rasizm.html>

⁵ ibid.

⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С.93.

⁷ Бенуа А. Что такое расизм? – <http://velesova-sloboda.info/antrop/benua-что-такое-rasizm.html>

⁸ Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 260.

⁹ Садохин А.П. Этнология: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С.103.

¹⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.309.

¹¹ Шелестов Д.К. Историческая демография. – М.: Высш. Шк., 1987. – С.145.

¹² ibid. С.144.

¹³ Голубчиков Ю. Русский народ убывает // «Природа и человек» («Свет»). – 2007. – №3. – С.4.

¹⁴ ibid.

¹⁵ Бенуа А. Что такое расизм? – <http://velesova-sloboda.info/antrop/benua-что-такое-rasizm.html>

¹⁶ Волкогонова О. Этническая идентификация и искушение национализмом/О. Волкогонова, И. Татаренко. – <http://www.philosophy.ru/library/volk/ident.html>

¹⁷ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>

¹⁸ Иванов Ю. Осторожно: сионизм! // Ю. Иванов. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С.27.

¹⁹ Паин Э.А. Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества // Общественные науки и современность. – 2006. – №6. – С.27.

²⁰ ibid.С.24.

²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.311.

²² Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. – М.: Издательство «Известия», 1980. – С.238.

²³ Ulrich Beck. The Cosmopolitan Vision. Cambridge (UK); Malden (Ma.): Polity Press: 2006, IX + 201pp. – p. 110. // Иноземцев В.Л. Ульрих Бек. Космополитический взгляд. // Вопросы философии – 2006. – №11. – С.182.

²⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.308.

²⁵ Иноземцев В.Л. Бремя белого человека // Независимая газета. – 2003. – 25 ноября.

²⁶ Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003. – С.250.

²⁷ Садохин А.П. Этнология: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С.101.

²⁸ Эвола Ю. Раса как революционная идея. – <http://marsjada.ru/359/407/435/438/>

²⁹ Фраза из песни К. Кинчева (Альбом «Изгой», 2006 год).

³⁰ Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 262.

³¹ *ibid.* С.262-263.

³² Азимов А. Расы и народы/А. Азимов, У. Бойд. – М.: «Центрополиграф», 2005. – С.194.

³³ Устрялов Н.С. К вопросу о русском империализме // Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России», No15, 15 (28) октября 1916 года, сс.1-5. – http://thelib.ru/books/ustryalov_nikolay/k_voprosu_o_russkom_imperializme_1916-read.html

³⁴ Лебон Г. Психология народов и масс // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С.48.

8. Национализм

Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь.

Федор Достоевский

Даже после того, как либерализм объявляется прогосударственной идеологией, что если прямо говорить парадоксально, либерализм как исторический процесс продолжается. Борьба за свободу, права, возможности и лучшее место под солнцем все еще актуальна для большей части человечества. Человек для того и рождается, чтобы бороться за себя, за все, что ему дорого. Так уж сложилось, что все ценности человек усваивает у своей семьи, общества, которое его окружает, страны в которой он живет. Мы все заложники традиционализма – он основа любой человеческой идентификации. Люди никогда не смогут отказаться от всего человеческого, слишком человеческого, что в них есть. Они борются лишь с тем, что им мешает жить. Поэтому либеральный процесс, разнонаправленный и ограниченный условиями необходимого преодоления. Из-за традиционализма все идеологические течения синтезируют внутри себя разные признаки друг друга, даже если идеологии разновекторные: ни одна из них не отменяет государство, общество, институты полностью, только частично. Все полезное и непротиворечивое сохраняется, либо видоизменяется под тезисы идеологии. Атеизм в СССР был антирелигией, но в то же время его содержание оставалось религиозным – без него он был бы абсолютно бессмысленным. В нацистской Германии христианство попиралось язычеством, но сама религия не отрицалась, а даже наоборот.

В любом обществе всегда воспитывается патриотизм – космополиты (универсальные люди, граждане мира) пока еще меньшинство в любом обществе, и сами против того, чтобы массы шли в этом направлении (аристократизм, элитаризм). «Слово «национализм» восходит к словам *natus, nata* (то есть «родной сын», «родная дочь»), а эти последние указывают на природное, естественно рожденное как таковое. Национализм в качестве принципа мироустройства подразумевает органически сложившийся, естественный политический порядок, в состав которого входят сообщества сородичей, людей одного и того же рода. Другими словами, национализм – это народолюбие, или говоря точнее, народное самолюбие. Национализм дополняет патриотизм таким образом, что рядом с любовью к Отечеству становится любовь народа к самому себе. Рождение

наций связано с материнским началом, тогда как патриотизм – с наследуемой от отцов землей, с правом собственности и имущества, с верховенством на определенной территории и с суверенитетом этой территории»¹. Патриотизм – идейная основа национальной свободы и суверенитета, почитание предков и их традиций. Он воспитывает стремление к независимости, к национальному самосознанию, самоидентификации. От патриотизма и человеку, и массам очень трудно оторваться. Традиционализм и патриотизм – естественные формы национализма. Национализм и даже шовинизм были основой национально-освободительного движения и государственного строительства в течение многих веков. То есть национальное было тесно связано с либеральным: «...в сравнительно короткий период от французской революции до первой или даже второй мировой войны идея нации реально играла определяющую роль в истории Европы в тесной связи с демократическими идеологиями (такую же роль при тех же предпосылках, т.е. при том же антитрадиционном, модернизаторском распаде, играет сейчас эта идея среди неевропейских народов, находящихся на пути эмансипации)»².

Национализм как идеологический феномен обозначается в Американской революции 1776 г. и далее проявляется, как и все остальные прогрессивные идеи с Великой французской революции. Возникновение современных национальных государств связано с идеями свободы, равенства и братства, провозглашенными Великой французской революцией 1789 г.³ Ее лозунг «Свобода, равенство, братство» выглядел изначально еще более радикально и, несомненно, включал в себя национализм: «Единство, неделимость Республики, свобода, равенство, братство или смерть».

XIX век в Европе и Латинской Америке стал эпохой национальных государств. Идея национального государства отметила этот период столь же выразительно, как и индустриализация... Освободительный процесс современных наций был долог и сложен. Нации обретали самостоятельность и самоопределение, идя на жертвы и самоотречение. Идея национального самоопределения в конечном счете изменила политический облик Старого и Нового Света⁴.

Национализм, таким образом, может быть на определенных этапах развития и существования идеологической идентификации либерализмом – национальным либерализмом: «Требования создания национальных государств и политику национального объединения нельзя воспринимать вне связи с духовными и политическими течениями эпохи – либерализмом, демократией и социализмом... Принцип национального государства отчетливо осуществился в рамках политического либерализма»⁵.

Национализм – объективное, научно-обоснованное социальное явление. Его содержанием и чертами занимаются такие сферы знания, как этнология, экономическая география, антропология, геополитика. По данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, в середине 90-х гг. XX в. более 70% военных конфликтов по всей планете были межэтническими⁶. Стоит призадуматься, что такое национализм и почему он так важен. Вообще историческая наука занимается по большей части рассмотрением становления, развития и упадка разнообразных цивилизаций, национальных государств: т.е. ее подход – националистический. Межнациональными отношениями занимается напрямую история дипломатии. Еще очень много разных наук и сфер знания затрагивают национальные вопросы, изучают их структуру и динамику. Последнее десятилетие ознаменовалось феноменальным ростом национализма и его изучения⁷. Наша социальная жизнь буквально пропитана национализмом. Мы говорим: национальный напиток, народная песня, национальная кухня, национальный обычай, национальное самосознание, национальные интересы, национальный суверенитет. И никто при этом не испытывает каких-либо отрицательных эмоций, не кричит «квас долой, только кола!». «В годы советской власти термин «национализм» имел, скорее, публицистическое, нежели научное, значение и отрицательное наполнение. Последствия этого ощутимы и сейчас: если за рубежом накоплено большое количество кон-

цепций национализма, то на постсоветском пространстве этот термин по-прежнему обладает статусом «пасынка» и во многом имеет негативный семантический оттенок»⁸. Пора уже и нам переходить от ангажированной публицистической эмоции к научным исследованиям и оценкам, как это делают во всем цивилизованном мире.

В современную эпоху нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств. Ею обозначаются отношения между государствами и их подданными, а также между одними государствами и другими⁹. Пока что на сегодняшний день развитые государства, живущие при «либерализме и демократии», до сих пор не отказались от принципов национальной политики, от концепций национального государства, суверенитета и национальных интересов. Совет *Национальной* Безопасности США в 1948 г. прямо определяет суть своей политики как национальной: «...национальные задачи постоянны и не должны изменяться в зависимости от того, находится ли страна в ситуации войны или мира; к их достижению следует постоянно стремиться, смотря по обстоятельствам, как невоенными, так и военными средствами. Этот подход был лучше всего сформулирован Клаузевицем: «Война есть продолжение политики другими средствами»¹⁰. Неправда ли очень жесткая националистическая позиция для такой демократической и либеральной страны как Соединенные Штаты? Европейский Союз также сохраняет все национальные особенности своих участников – границы не стерты и не забыты, кроме денег ничего универсального и глобального. По мнению У. Бека, даже самые смелые предложения по реформированию мирового порядка строились до последнего времени на методологической основе, обычно применявшейся к национальным государствам¹¹. И вообще вся система международных отношений после Второй мировой войны построена на принципе *национального суверенитета и невмешательства*. Даже если концепция национального суверенного государства в процессе социальной эволюции уступит какой-либо новой прогрессивной общественной форме, последняя не будет жизнеспособной без учета традиционных, патриархальных обычаев и стереотипов национального и религиозного толка.

Единственным и важнейшим аргументом в пользу национализма является то, что подлинный национализм стремится к непрерывности, суверенитету, целостности и будущности существования собственного государства. В самой своей сути национализм есть гомогенизирующий, дифференцирующий или классифицирующий дискурс, или приведения к однородности: он адресует свой призыв людям, которых предположительно что-то объединяет друг с другом, противопоставляя их тем людям, которых, опять же предположительно, ничто не связывает между собой¹². Никто не против национализма, направленного на борьбу с внешним агрессивным врагом. Его воспитывают с детства, вдалбливают в головы людей готовность к борьбе с врагом.

Национальная идентичность – тотем против любых разрушительных влияний как извне, так и внутри государства. Только национальное самосознание дает возможность сохранять своеобразие цивилизации и культуры. С внешним врагом в условиях существования самых разных независимых национальных государств в мире все понятно. Что есть для государства его самый главный внутренний враг? Поняв это, можно избавиться от всей реакционной эскалации и исторических негативных комплиций.

Если непредвзято рассматривать национализм, как это делают современные западные исследователи, то идея нации необязательно развивается до расовой чистоты и превосходства, до шовинистического абсурда изоляционизма нации. В ней могут быть важными и вполне здравыми аспектами отношения нация-государство, нация-элита: классовая борьба – ошибочно полагать, что классовая борьба не «национальная»: «...идея борьбы классов является национальной не только «по форме», что признавал также и Маркс, но и «по содержанию»¹³.

Основы национализма таковы – национальная традиция, патриотизм, суверенитет (против которого нынче страстно борются глобалисты и космополиты), солидарность и единство нации (США в годы Депрессии). Национализм имеет в своем бытовании во все не одни лишь отношения между народами – отношения по сути внешние, но в большей степени отражает антиномию отношений между народом (нацией) и властью (государством). Национализм весь пропитан идеей естественной демократии. Национализм, именно в качестве любви к своему народу, явился тем материнским лоном, из которого вышло самостоятельное демократическое движение¹⁴. Как безусловное историческое свидетельство этому утверждению звучат тезисы Декларации представителей Соединенных Штатов Америки принятой единогласно Конгрессом 4 июля 1776 года: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем очевидными правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых. Если же данная форма правительства становится губительной для этой цели, то народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью...И мы, действительно, видим на деле, что люди скорее готовы терпеть зло до последней возможности, чем восстановить свои права, отменив правительственные формы, к которым они привыкли. Но когда длинный ряд злоупотреблений и узурпаций, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает намерение предать этот народ во власть неограниченного деспотизма, то он не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство и на будущее вверить свою безопасность другой охране»¹⁵. Приведенный здесь довольно большой отрывок Декларации еще раз призывает вспомнить – с нации начинается свобода.

Главный внутренний враг любого государства, общества, нации – коррупция. Коррупция – это чрезмерное и злоупотребительское преобладание частных, корпоративных – чуждых государственным и общественным – интересов в структуре коренных жизненно важных институтов государства, экономических и социальных отношений. Коррупция явление масштабное, а не массовое. Она разнонаправлена в силу частных, корпоративных интересов, которые стремятся к своей либерализации и эмансипации по отношению к государству и наличному обществу. Иными словами, коррупция – дело групп со своими специфическими признаками: корпоративными, этническими, функциональными. Опасность коррупции состоит, прежде всего, в том, что она разрушает наличное общество, его социальные и государственные институты, его историзм и традиционализм, не для развития всего общества, а лишь для собственной выгоды. Выдающийся английский просветитель XVIII века Дж. Пристли ставит исключительный по значимости для нации и ее свободы вопрос: «И почему на человека, который извлекает выгоду из своего положения короля или правителя, нарушая свободу и законы своей страны, следует смотреть иначе, чем на чужеземного завоевателя?»¹⁶. В обществе существуют силы противодействия коррупции: оппозиционные ей группы и массы. Но самая мощная масса – национальное большинство. Именно это большинство всегда заинтересовано в сохранении целостности самих общественных институтов и государства, их исторического содержания в силу воспитанного традиционализма и патриотизма. Также против коррупции направлена сама система общих, для всех важных, необходимых интересов стабильности общества и его культуры. Общество может согласиться лишь с частичными и необходимыми изменениями в силу исторического момента. В целом как социальное, так и национальное большинство может поддержать даже крупные и болезненные изменения, но не полное разрушение традиционных институтов и собственного государства, да еще в угоду чужой наживе. Многие ксенофо-

бии – реакция на коррупцию и навязывание властями противоестественного, угнетающего порядка биологическому большинству социального организма. Порок целостности – этатизм. Порок частности – коррупция. Начиная с Локка отпор этим порокам дает сформулированный просветителями важнейший принцип национализма и гражданского общества, вызывающий зубовой скрежет у всех реакционеров: «Если такие должностные лица злоупотребляют оказанным им доверием, народ обладает правом сместить их и, следовательно, наказать»¹⁷.

Где же национализм становится реакционным? «В развитии национальных государств в XIX в. обнаружили две опасные тенденции. С одной стороны, идеологический ригоризм и великодержавная политика государств, акцентируя национальное сознание, до крайности разжигали националистические и шовинистические настроения. С другой стороны, борьба за право наций на самоопределение превращалась в свою противоположность, когда народы, добиваясь собственной свободы, угнетали другие народы и национальные меньшинства, стремясь их ассимилировать»¹⁸. Его реакцию легко идентифицировать в истории, когда он полностью отождествлялся непосредственно с идеологией государства, т.е. был основным способом жизни государства и общества: Нацистская Германия, разного рода авторитарные режимы, в далеком прошлом монархический и аристократический реакционный (захватнический) национализм. Вся его реакция до Первой мировой войны связывалась в основном с внешним врагом. Однако, как показано выше, помимо отношений «нация – нация», национализм проявляется и в оппозиции «нация – государство», где он становится выразителем и защитником интересов основного населения этого государства против коррупции, злоупотребления и предательства власти. В данном аспекте он позитивен и революционен, как и в деле защиты родины от иноземных захватчиков.

Итак, национализм развивается в двух плоскостях: горизонтальной – «нация – нация», вертикальной – «нация – государство». Но современные агрессивные интеграционные тенденции все чаще сливают воедино оба вектора национальных отношений. «Мировая политика стала мировой внутренней политикой, лишаящей национальную политику границ и основ... Режим соблюдения прав человека превращает раздробленный на национальные государства мир в лишенное границ властное пространство «всемирной внутренней политики», в котором «чужие» государства, а также неправительственные организации могут вмешиваться во «внутреннюю политику» других стран и изменять их властные структуры и основы легитимации власти»¹⁹. Таким становится мир в процессе глобализации. Но «чужой», однако, не перестал быть «чужим» и враждебным: его цели агрессивны и необязательно прогрессивны. То есть при глобализации развитие осуществляется в пользу «чужого». С древнейших времен, внешний враг – это, прежде всего представитель другого народа. С появлением крупных суперэтнических культур и индустриальных национальных государств, да и вообще после всяческих захватов и переделов мира люди стали жить со своими бывшими внешними врагами в одном общем государстве. И уже в этом государстве идет борьба за доминирование, но не территориальное, а экономическое, политическое и социальное – в сфере прав, имущества, культурных стандартов. Здесь государство становится закрытой ареной, общество – обращенной на себя массой. Внешний враг остается внешним по отношению к субъекту, но не к государству. Трудно все проявления внутренней социальной борьбы назвать национальными, однако, некоторые из них заведомо так определяются исходя из исторических аналогий такой борьбы: антисемитизм, религиозные войны, гражданские войны, сегрегации, апартеид. В такого рода борьбе очень много экономических и классовых аспектов. То есть национализм, о чем уже говорилось, приобрел все черты классовой, и прочей социальной борьбы – он уже социально-экономическое явление. Народы, кланы, нации, как и любые экономические, административные, социальные корпорации борются за доминирование в социальной иерар-

хии государства, утверждая в нем свою идентификацию, как главную любимыми способами, накопленными историей. «Таким образом, нация – это аспект политического и символического/идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувства. В течение многих веков она являлась важным элементом системы социальной классификации... в прошлом, как нам напоминает, в частности, историк Эрик Хобсбаум, она имела и много других значений: это понятие использовалось применительно к гильдиям, корпорациям, союзам в стенах старинных университетов, феодальным условиям, массам людей и группам, основанным на явно общей культуре и истории»²⁰.

Безусловно, у национализма могут проявляться и отрицательные тенденции в исторической ситуации. Национализм – «болезнь», когда мир и все хорошо. Но в суровые времена для наций и государств другого идейного рецепта не существует. Тогда он не болезнь, а лекарство – «Родина мать зовет».

В минуту смертельной опасности для государства и общества включаются все исторические, культурные, национальные защитные механизмы для сохранения нации и ее суверенного государства. То есть складываются условия существования общества, не просто опасные, а полностью разрушающие и уничтожающие это общество как целостную культуру и суверенный субъект. В такие разрушительные факторы входит не только война. Многие культуры и народы гибли, по словам исследователей совершенно по «непонятым» причинам. Содом и Гоморра погибли из-за безнравственности, Рим из-за мира, Хазария из-за отсутствия собственного национального самосознания, Советский Союз из-за нехватки потребительских товаров и т.д. Причины были неоднозначными: природные катастрофы, переселения, болезни, кровавые войны, политические интриги, геноцид, даже алкоголизм, уничтожение бизонов. Скажем прямо, что основным удар по русскому народу в последние годы нанес не экономический кризис, а провозглашенная с посылки западных «экспертов» *деидеологизация* страны. Русский народ вымирает, прежде всего, из-за утраты идентичности и единства – соотношения себя с историей, со своей исторической миссией. Нет национальной идеи, нет духовных ориентиров. Потребительская экономика и рациональное схематическое право их не дает. Морали нет, все исчислимо, все оплевано. В этой ситуации справедливым будет высказывание Гвидо фон Листа о выживании наций: «В борьбе за существование остается победителем тот народ, который развивается, сохраняя нравственную силу. С исчезновением морали теряется и высокий уровень духовного и интеллектуального развития, чему можно найти множество примеров в истории»²¹. Наиболее устойчивой формой сохранения народов, наций оказалось национальное самосознание, культурная идентификация собственного своеобразия, внутренняя родовая сплоченность, стремление к суверенитету и независимости: все что непосредственно связано с национализмом, патриотизмом, а следовательно и с национализмом. Можно сделать очевидный вывод, что национализм и националисты оправдывают свое существование, как категория самосохранения любого общества и государства. Любой реакционизм порождается лишь злоупотреблением и извращением подлинных и жизненно важных принципов существования государства и общества.

Уместно будет также вспомнить об отношении к национализму в недавнем коммунистическом прошлом. Взгляды на него остались еще с тоталитарной советской эпохи. Было бы вполне закономерным пересмотреть их, как это было сделано с идеями построения светлого будущего, с ролью партии, «диктатурой пролетариата» и другими советскими символами: нам уже объяснили, что это все «зло». Среди них почему-то затерялся оппонент национализма – интернационализм. По буржуазной мерке про «зло» получится, что интернационализм, как и коммунизм в целом, угрожал всему миру и был весьма кровавым феноменом в годы Гражданской войны в России. Разве не пытался советский режим на протяжении 70 лет искоренить террором национализм, историческую память и почитание религии?²² Он был полностью направлен на разру-

шение традиций народов России, против их национального самосознания. Национальные традиции запрещались как пережиток и суеверие, доходило до абсурда – запрещали новогоднюю елку (!). В СССР целые поколения отчуждались от этих ценностей. В 30-е гг. – массовые процессы над «буржуазными националистами», затем – выселение целых народов, позднее – многочисленные ошибки в национальной политике вследствие, что этнические различия в конечном итоге должны исчезнуть, привели к этническому обеднению не только отдельных людей, но и целых народов²³. Об этом необходимо говорить сегодня.

Интернационализм был направлен против «великорусского имперского шовинизма». И его красный террор впечатляет и затмевает полностью этот «великорусский шовинизм».

Ситуация становления интернационализма и нацизма – противоположных друг другу радикальных феноменов национального уровня – аналогична, как и с тоталитаризмом. Те же причины – экономические, социальные кризисы, те же круги активистов – низшие слои среднего класса. Те же феномены ущербного национализма. Разные качества субъектов, разные направленности этнической ненависти: в первом случае одна большая нация с «комплексом неполноценности» против национальных меньшинств, в другом случае куча несостоявшихся малых народов со своими «комплексом неполноценности» против национального большинства. И те, и другие могут привести неопровержимые примеры притеснения по отношению к себе со стороны оппонента. Но если нацизм заклеил позором немцев, то интернационализм остался без виновных, потому что нанес чудовищный удар по всем национальным культурам, в том числе и по тем, из которых была основная масса выходцев революционеров-интернационалистов. Уничтожение религий, памятников культуры, сокращение народов Крайнего Севера (чего при «великорусском шовинизме» не наблюдалось), выселения целых народов – все это делалось от имени «дружной семьи народов».

Судя по жертвам, можно смело говорить, что и интернационализм и нацизм одинаково вредны для «национального». «Близость тоталитарных режимов, вне зависимости от того, исповедовали они интернационализм и коммунизм или расизм и национализм, нашла выражение в восхищении, которое лидеры этих режимов питали друг к другу... Мао Цзэдун, коммунист настолько радикальный, что и Советский Союз представлялся ему отступником от истинной веры, попав на пике культурной революции под огонь критики за уничтожение многих товарищей-коммунистов, отвечал: «Вспомните вторую мировую войну, жестокость Гитлера. Чем больше жестокости, тем сильнее революционный энтузиазм»²⁴.

Помимо интернационализма новым ярким противником национализма выступает сегодня космополитизм, как идеология космополитизации – эволюции, трансформации обществ в безнациональные орды, с наднациональными правительствами в процессе экономической глобализации. Наиболее приверженным мессией этой идеологической мифологемы стал все тот же прожженный гангстер пера, профессор Ульрих Бек. По его мнению: «Реальная сила государств парализуется противоположным влиянием неолиберализма и национализма... С национальных позиций международное сотрудничество и интеграция выглядят неизбежным злом, «игрой с нулевым результатом» между национальным и международным. Что будет позволено другим? А что нам? Чем больше разрешается другим, тем более ограниченными окажутся наши возможности. С космополитических же позиций данная взаимозависимость выступает «игрой с позитивным результатом»: чем больше получают другие, тем большего достигаем и мы»²⁵. Поэтому он призывает к построению *космополитического государства* на принципе *индифферентности государства к признаку национальности*, далее предлагает по аналогии отделения государства от церкви – *отделение государства от нации*²⁵. «Новая политика начинается с прохождения национального «звукового барьера»²⁶, ради «игры с пози-

тивным результатом», как это происходит в случае, например, постнационального «общеευропейского» суверенитета»²⁵. Реализация подобных измышлений кабинетных теоретиков вроде У. Бека в действительности приводит к чудовищным результатам. В соответствии с этой сатанинской логикой государство в России отделилось от нации, передав часть суверенитета, которым оно обязано русской нации, в распоряжение самого разного рода наднациональным корпорациям типа МФ и ВТО. После прохождения национального «звукового барьера», русская нация вымирает со «сверхзвуковой скоростью» – почти миллион человек в год. «Всего численность русского народа на пространстве бывшего СССР уменьшилась со 145,0 до 133,4 млн. человек, то есть русских к 2002 году стало на 11,6 млн. меньше... Если суммировать убыль россиян в России (11 млн.) с убылью русских за пределами России (7,6 млн.), то общие потери русского народа составят к сегодняшнему дню не менее 17-18 млн. человек... В целом вырисовываются беспрецедентные в истории масштабы исчезновения народа в мирное время»²⁶. Реакционный идеологический конструкт космополитизма по У. Беку, внедренный в живую политическую ткань и общественные институты, таким образом, заменяет сегодня Треблинки и Бергенбельзены ради «позитивного результата» разного рода элит, корпораций и меньшинств за счет физической гибели целых наций.

Вторят такого рода позиции и отечественные исследователи. «Неприятие «транснационализма» (и, как следствие, оживление национализма) проявляется сильнее всего в сознании отставших в своем развитии народов: «врастание» в глобальную техногенную цивилизацию воспринимается ими как экономическая и культурная экспансия более развитых соседей, навязывание чуждого образа жизни. Нечто подобное происходит и в сегодняшней России»²⁷. Подобные выводы просвещенных интеллектуалов в отношении национализма, во-первых, намекают, что нация, открывшая человечеству Космос – «отставшая в своем развитии», а во-вторых, упускают из вида экономическую и культурную экспансию *менее развитых соседей*, навязывающих чуждый россиянам образ жизни.

Беда западных и наших шишколобых книжников в том, что они не ощутили на своей шкуре и капли негативного воздействия, изучаемых и прогнозируемых ими социальных феноменов и явлений. Не испытав зло современного мира в его беспощадном натурализме, они с невероятной легкостью болтунов предрекают и вершат судьбы миллионов, решая что есть правильно, а что нет. Что ж, достойным ответом на эти ангажированные теории будет мысль Меллера ван ден Брука, выдающегося представителя «консервативной революции»: «Реакционер слишком далек от реальных проблем, он не в состоянии понять, что наш путь – это великое противостояние народов Востока в их борьбе с Западом, народов, ставших на путь социализма, в их борьбе с теми, кто исповедует либеральные ценности... Мы не должны идти тем путем, который нам предлагает либеральный Запад: индивидууму мы обязаны противопоставить общность нации, распаду и атомизации народа – его единение»²⁸. Подобный взгляд националиста вполне прогрессивен и современен, в нем нет ничего отсталого.

Разная степень эскалации и разнообразие интересов социальной борьбы порождает всякого рода идеологические конструкции национализма, как впрочем, и других идеологий. Национализм имеет мало цельных, до конца законченных идейных направлений. Он всегда был частью, моральной основой, набором стереотипов монархического и национально-освободительного толка, деталью реакционных нападок. Но не целым, законченной идеологией, даже в своих максимальных ипостасях. Поэтому обвинения в национализме человека за его традиционализм и чувство национального достоинства, которое воспитывается в любом народе с детства, являются не менее агрессивной и противоестественной политикой против личности. Националистом, патриотом быть нормально. Все остальное – политическое жонглерство, эскалация конфликтов, аргументы дискуссии. Большинство тех, кто занимается исследованиями межнациональных

отношений, проблемами миграций, демографией, идентичностью непременно используют националистический подход в своей работе, даже если и выступают против нации. Нигилизм нации, стремление к уничтожению различий может повлечь в будущем реальные огромные человеческие жертвы. И не решит проблемы различий. Потому что возникновение, каких бы то ни было различий, а тем более национальных – биологическая закономерность. Старые различия исчезнут лишь при возникновении новых.

Понятен современный либерализм, его непримиримая позиция на национализм. «Национальное» противоречит духу тотальной либеральной универсализации общества под одну рыночную утилитарную гребенку. Плох он и для консерваторов и фашистов: первые видят в нации угрозу для элиты, вторые опасность для государственной автаркии.

Однако представитель традиционного большинства, нации, крупной исторической культуры не может жить без национальной идеи, оставаться полноценным человеком. Это психофизиологический факт. Согласно современной теории аффилиации, каждому человеку в той или иной степени присуща потребность принадлежности к группе²⁹. Космополитами, как и представителями сексуальных меньшинств, могут быть далеко не все – меньшинство. Небольшая группа людей может жить без корней, присасываться к чужой культуре и питаться ее соками, быть всеядными.

Современная колоссальная биологическая депопуляция европейских народов (в особенности русского) и масштабные неуправляемые миграционные процессы, дестабилизирующие культурный уклад европейцев и зачастую способствующие их исчезновению, дают им право на национализм. «Быть или не быть вот в чем вопрос».

Национализм – неотъемлемая черта любого народа, его жизненная субстанция и необходимость. Покажите народ без национализма и тогда докажете обратное, что народ, нация могут жить без национализма. Без национализма народа не существует – он растворяется в других. Энергия, действительно делающая мир тем, что он есть, порождается чувствами – национальной гордости, преклонением перед вождем, религиозной верой, воинственным пылом, словом, эмоциями, от которых либерально настроенные интеллигенты отмахиваются бездумно, как от пережитка, искоренив этот пережиток в самих себе настолько, что ими утрачена всякая способность к действию³⁰.

В историческом плане мы рассмотрим и сравним два действительно проработанных, основанных на национализме идеологических феномена: национал-социализм и нацизм.

¹ Оберлерхер Р. Национализм и демократия // «Русское самосознание» выпуск 7 // Staatsbriefe 1997. – №8 – S.9-11. – <http://www.portalus.ru>

² Эвола Ю. Человек иного типа. – www.nationalism.org

³ Харенберг Б. Эпоха национальных государств. // Харенберг Б. Хроника человечества, 1996 – С.668.

⁴ Харенберг Б. Эпоха национальных государств. // Харенберг Б. Хроника человечества, 1996 – С.668.

⁵ *ibid.*

⁶ Садохин А.П. Этнология: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С.226.

⁷ Смит Э. Национализм и модернизм. Предисловие к книге. – www.politizdat.ru

⁸ Чернявская Ю.В. Национализм: свойство, функция или социокультурный проект? – <http://julia.tut.by/culturology/>

⁹ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм». – ihtik.lib.ru

¹⁰ Директива Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года из сборника Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., Containment: Documents on

American Policy and Strategy, 1945-1950 NSC 20/1 (pages 173-203). – <http://intellectual.org.ua/Inform11.htm>

¹¹ Иноземцев В.Л. Ульрих Бек. Космополитический взгляд // Вопросы философии. – 2006. – №11. – С.183.

¹² Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм». – ihtik.lib.ru

¹³ Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931 (3. Aufl.). S. 300-322.

¹⁴ Оберлерхер Р. Национализм и демократия // «Русское самосознание» выпуск 7 // Staatsbriefe 1997. – №8 – S.9-11. – <http://www.portalus.ru>

¹⁵ Американские просветители. Том 2. – М.: «Мысль», 1969. – С.27-28.

¹⁶ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы. // Английские материалисты XVIII в. Том 3. – М.: «Мысль», 1968. – С.25.

¹⁷ *ibid.* С.18.

¹⁸ Харенберг Б. Эпоха национальных государств. // Харенберг Б. Хроника человечества, 1996 – С.669.

¹⁹ Бек У. Космополитическая глобализация. <http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html>

²⁰ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм». – ihtik.lib.ru

²¹ Лист Гвидо фон. Тайна рун. – М.: София, Гелиос, 2001. – 144с.

²² Рормозер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.46.

²³ Садохин А.П. Этнология: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С.231.

²⁴ Пайпс Р. Коммунизм. — М.: «Московская школа политических исследований», 2002. – С.132.

²⁵ Бек У. Трансформация политики и государства // Свободная мысль XXI. – 2004. – №7.

²⁶ Голубчиков Ю. Русский народ убывает // «Природа и человек» («Свет»). – 2007. – №3. – С.4.

²⁷ Волкогонова О. Этническая идентификация и искушение национализмом/О. Волкогонова, И. Татаренко. – <http://www.philosophy.ru/library/volk/ident.html>

²⁸ Ригер Ю. Германия и Россия – взгляд немецкого националиста. – <http://velesova-sloboda.info/geo/riger-germaniya-i-rossiya.html>

²⁹ Волкогонова О. Этническая идентификация и искушение национализмом/О. Волкогонова, И. Татаренко. – <http://www.philosophy.ru/library/volk/ident.html>

³⁰ Оруэлл Д. Уэллс, Гитлер и Всемирное государство // Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. – М.: «Прогресс», 1989. – С.237.

9. Нацизм и Национал-социализм

«...И вначале, и теперь мы должны признать, никто не знал, то ли национал-социализм это что-то хорошее, но имеющее плохие побочные эффекты. Или нечто злое, но имеющее какие-то хорошие стороны».

Иоханес Зан (Нацизм.

Предостережение

Истории. Фильм ВВС)

Исследуя движения правого националистического толка, следует с самого начала установить тезис об отделении феномена нацизма от национал-социализма. Это очень важно как с исторической, так и с идеологической точки зрения. Именно с этой пози-

ции начинается определение современного нашей эпохе содержания позитивной правой идеи вне рамок правой консервативной буржуазной Реакции. Слово «нацизм» считается сокращением от слова «национал-социализм». Произошло от сокращенного же обозначения сторонников НСДАП «наци» – так их называли противники: коммунисты и социал-демократы. Но простое ли это сокращение или же в нем заложен важный семантический подтекст, отражающий реальное изменение в содержании и практике идеологии национал-социализма? И действительно, термин «нацизм» не содержит в себе понятие «социализм». Политические противники Гитлера были в основном сторонниками социализма, и для них было важно размежевать идею социализма от одиозного курса вождя национал-социалистов. «Самым удачным оказалось появившееся в марксистской прессе словечко «нацисты», которое с одной стороны было похоже на гитлеровский термин (Наци), но при этом носило пренебрежительный оттенок»¹. Но не состоялся ли отказ от социализма и со стороны верхушки третьего рейха после прихода Гитлера к власти? Не случилась ли некая трансформация идеологии национал-социализма в нечто, что уже им не являлось по существу, а стало по форме и содержанию тем, чем стало – «нацизмом»?

Джордж Моссе рассматривает национал-социализм, пришедший к власти, еще до начала войны, поскольку она накладывает свой отпечаток на многие его идеи и действия, придавая им преувеличенное значение². Подобный подход к проблеме помогает объективно разобраться в развитии и трансформациях идеологии национал-социализма. Безусловно, что национал-социализм и до войны был довольно радикальным. Но одно дело расовая гигиена, евгеника – далеко не только немецкое увлечение тех лет, антисемитизм – ограничение прав евреев и прочих инородцев, их выселение – весьма распространенная тогда во всем мире буржуазная теория, политическая борьба с коммунизмом, Аншлюс, что не слишком уж и осуждалось, а порой и одобрялось, ставилось даже в пример другим. Еще в середине тридцатых годов Уинстон Черчилль говорил, что народ, получивший в час трудных испытаний в дар такого человека как Гитлер, благословен Господом Богом³. И совсем другое дело – «лагеря смерти», реваншистский «блицкриг», «война на уничтожение», теория «недочеловеков», и как следствие многомиллионные жертвы мировой мясорубки. Подход Моссе приводит нас к гипотетическому выводу, что если бы Германия ограничилась только преобразованиями довоенной поры, которые не были направлены на *германскую агрессию*, то национал-социализм остался бы самим собой, а не деформировался бы в нацизм. Однако история не терпит сослагательного наклонения. Амбиции Гитлера и его оппортунизм с империалистической буржуазией похоронили здравые идеи национал-социализма, на десятилетия выставили его на лобное место перманентной гражданской казни. Настало время подробнее вникнуть в эволюцию этого идеологического феномена.

Национал-социалистическому движению был присущ довольно жесткий внутренний фракционизм. «Национал-социализм, мы видим, бывает разный: левый и правый. Левый делает ударение на слове «социализм» и тянется к СССР; правый – гитлеровский, расистский – дружит с капиталистами. Левые и правые борются и сотрудничают. В броуновском движении перетекают друг к другу коммунисты, левые и правые нацисты, национал-большевики. К 1930 году радикальные движения в Германии оказываются разделенными на два лагеря: расово-националистический (правое крыло НСДАП и их союзники из правых партий) и социалистический (коммунисты, национал-большевики и левое крыло НСДАП)»⁴. Ситуация аналогична «партийной драме» в Советском Союзе, когда левацкий большевизм уступил в «дискуссии» жесткому реакционному сталинизму. Национал-социализм был извращен подобно тому, как ленинский большевизм (хотя предпосылки были) исказился в тоталитарном режиме Сталина. Поэтому будет вполне правильным и логичным обозначить нацизм как отдельный от предыдущего и последующего национал-социалистического движения политический

феномен, отождествить его с гитлеризмом, также как это было сделано большинством исследователей со сталинизмом по отношению к коммунистическому движению на определенном этапе.

Ранний и оппозиционный курсу Гитлера национал-социализм содержит в себе много универсализма и социалистических идей, в то время как «немецкий нацизм был уникален»⁵; «нацизм – это специфически немецкий феномен»⁶, как, например, близкий ему по содержанию сионизм – «идеология, разветвленная система организаций и политическая практика крупной еврейской буржуазии»⁷. Эту идею подтверждают исследователи нацизма времен Второй мировой Майкл Сейерс и Альберт Канн. Они пишут: «Вначале фюрер был одержим идеей «германизации» Америки... нацификацией всех лиц германского происхождения, проживавших за пределами «третьей империи»⁸. Причем, по их словам, вождь пренебрег советом создавать организации профашистского типа. Но и после того, как эта мера была пущена в дело с чисто прагматических позиций, ее эффект был значительно ниже чем от нацификации.

Многие политические движения в историческом процессе приобрели сильные индивидуалистические черты – *уникальность* персонального, топонимического, этнонимического характера: маккартизм, сталинизм, маоизм, итальянский фашизм. Вряд ли их опыт возможно повторить во всем его своеобразии – невозможно их оторвать от исторических событий. В то время как национал-социализм несет в себе более расширенное понимание, хотя и не настолько универсальное, как либерализм, социализм, консерватизм и т.д.

Сегодня «правые» исследователи убедительно доказали, что многие национал-социалисты, консервативные революционеры Германии, националисты, то есть те, кого относят к правому лагерю, были в прямой оппозиции нацистскому курсу, жестоко преследовались режимом. Еще до прихода гитлеризма к власти образовалась сильная оппозиция в стане национал-социалистов во главе с Отто Штрассером. «...Мы – социалисты, Гитлер же перешел на терминологию капиталистов... Если вы хотите сохранить капиталистический режим, – заявил Штрассер, – то вы не имеете права говорить о социализме...» Летом 1930 г. Отто Штрассер основал Боевой союз революционных национал-социалистов, который стал известен под названием «Черный фронт». Он издавал антигитлеровские листовки и памфлеты, печатал газеты, распространял компрометирующие материалы о Гитлере и других видных наци»⁹. И в правление Гитлера борьба правых с ним продолжилась. В Третьем Рейхе действительно опасные для Гитлера заговоры замыслились немецкими правыми, от Канариса до Штауфенбергера¹⁰.

Говоря о довоенном прошлом и о дне сегодняшнем, не следует забывать, что тогда была совершенно иная система мироустройства – империалистическая система передела мира или колониализм. «Уже первая мировая война с ее тотальной мобилизацией и высокоразвитой технологией уничтожения людей показала, на каком хрупком основании до сих пор базировалась европейская цивилизация. Не зря многими современниками эта война расценивалась как «мировая катастрофа». Все три движения, о которых мы говорим, – большевизм, итальянский фашизм, национал-социализм – обязаны своим возвышением именно этой войне»¹¹. Основные исторические мотивации этого мироустройства и привели к великой драме в двух актах (Мировые войны). И далеко не со всем злом, можно отождествлять нацизм, национал-социализм и коммунизм той поры. По другую сторону были далеко не поборники мира, а мощные агрессивные реакционные империалистические державы: у каждой был свой план *Передела мира*, своя экспансионистская политика. «...самые «либеральные» европейские общества были нелиберальны, поскольку верили в законность империализма, то есть в право одной нации господствовать над другими нациями, не считаясь с тем, желают ли эти нации, чтобы над ними господствовали. Оправдание империализму у каждой нации было своё...»¹². И именно империалистические агрессивные методы как социальной политики внутри

этих держав, так и геополитики послужили причиной становления мощных протестных оппозиционных идеологий коммунизма (большевизма), национал-социализма. Гитлеровский нацизм пришел к оппортунизму с империализмом той поры. Поэтому политика нацизма Гитлера (гитлеризма) была не какой-то особенной, а вполне типичной и обыденной для той эпохи. В этом плане *нацизм* оправдывал особую роль германского народа, также как монархия Великобритании, как президентская республика Франции (на самом деле на ту пору «олигархическая монархия») оправдывала колониальные захваты заморских земель. Подобную геополитическую тенденцию можно четко проследить у всех европейских держав и США (доктрина Монро), начиная с Великих географических открытий и заканчивая эпохой империализма 19-20-х вв. «Будем искренни и честны! Будем объективны! Разве империализм – специфическое свойство только германской политики и державы согласия не выступают под знаменем империализма? Разве «воля к мощи», «воля к расширению» не свойственна современной Англии? Вспомним англо-бурскую войну. Вспомним английскую политику в Египте, в Азии... Империализм невозможен без воинствующего мирозерцания, без постоянной заботы о внешнем могуществе»¹³. Нацизм был просто последним на тот момент реакционным имперским планом Новой истории в этом многовековом Переделе мира. Его отличительной чертой стал выход за рамки династизма и в данном аспекте внешняя политика нацизма сближается с политикой тогдашних США и Франции.

Во внутренней политике нацизма тоже нельзя найти чего-либо нового, нигде ранее не существовавшего в истории. Она была продолжением внешней, но на родной территории и отражала реакционную политику национального эгоцентризма, свойственную тогдашнему Западу, и Германскому национализму, в частности. Все те же древние «Divide et impera» – лучший метод управления разноплеменным государством – разжигание национальной розни между народностями; излюбленный метод империализма. На эту германскую политику также ложился тяжелый груз поражения в первом акте империалистического безумия. «Важный урок прошлого состоит, в частности, в том, что фашизм и национал-социализм были результатом краха либеральных систем... Политика меняет свой облик, когда наступает такая ситуация, как в Веймаре в 1932 г., и государство перестает быть субъектом, правомочным и способным осуществлять окончательные решения, обязательные для всех, как это было раньше в духе Гоббса. Такая ситуация продолжалась на протяжении почти всего XX века»¹⁴. Версальский униженный мир на многие годы лишил немцев возможности говорить с внешним миром на равных, «а гитлеровское безумие нашего времени – это паутина мифа, в котором немецкое Эго пытается противостоять Версалью. Ни один человек не рассуждает здраво, когда его самолюбие жестоко задето, и те, кто умышленно унижают нацию, должны быть благодарны только сами себе, если она становится нацией безумных»¹⁵. Отсюда появилась необходимость изыскать внутренние резервы реабилитации и консолидации нации в борьбе за свое против чужого господства – дополнительного внутреннего врага. В Германии ими стали евреи, в Советской России – кулаки, подкулачники и т.д. Примеров схожих с политикой нацизма, хоть отбавляй: геноцид ирландцев в Великобритании, сегрегация и вытеснение с земли коренных народов в США, Австралии, ЮАР, геноцид армян в Турции. Из более ранних времен западной политики одна инквизиция чего только стоит. Все это происходило в период довоенного империализма и колониализма, и ничем не отличалось от политики нацизма. Тогда нынешние либеральные ценности были еще в стадии становления и не занимали видного места в политике западных держав. Классический либерализм реализовывался через социальную и национально-освободительную борьбу: революции 1848 г., Парижская коммуна, борьба за независимость на Южном Американском континенте, против Турецкого ига в Юго-восточной Европе, позднее забастовочное движение, которое беспощадно расстреливали за вполне мирные требования. Подобное отношение к геополитическим и

внутренним проблемам в немалой степени оправдывает позицию А. Гитлера в этих вопросах, если судить объективно без эмоций, не с позиций, измученных горем войны победителей. Не успели отгреметь выстрелы Второй мировой, как Франция тут же вернулась с войной на индокитайский полуостров, Великобритания втянулась в борьбу за Суэцкий канал, даже Бельгия и Голландия не чурались колониальных войн. Отголоски этой геополитики звучным эхом гремели в течение всего послевоенного, «либерального» мироустройства Новейшей истории.

Нацизм, трансформируясь в крайнюю реакционную идеологию 20-30-х гг. опирался на мелкобуржуазное мировоззрение. Психологическую ситуацию той «переходной поры» от национал-социализма к гитлеровскому нацизму лучше всего описал Э. Фромм: «... определенные социально-экономические изменения (особенно упадок среднего класса и возрастание роли монополистического капитала) произвели глубокое психологическое воздействие. Это воздействие было усилено и приведено в систему политической идеологией, сыгравшей в этом отношении такую же роль, как и религиозные идеологии XVI века. Нацизм психологически возродил нижние слои среднего класса и в то же время способствовал разрушению их прежних социально-экономических позиций. Нацизм мобилизовал эмоциональную энергию этих слоев и превратил ее в мощную силу, борющуюся за экономические и политические цели германского империализма»¹⁶. Немалую роль в становлении нацизма сыграла буржуазная антикоммунистическая истерия.

По этим причинам нацисты не слишком досаждали капиталистической системе. Также можно отметить, что идеологические воззрения немецких либеральных философов и социологов, если они не были коммунистами или оппозицией, не подвергались тотальной проверке на лояльность, как это было в Советском Союзе. В годы правления Гитлера в концепцию нацизма часто вписывались либеральные принципы. «Государство – только средство... Пока в центре внимания было государство, народ был только объектом государственной деятельности. В нашем государстве народ стал субъектом»¹⁷. Таков и один из основных тезисов «Либерального манифеста». «Интересно заметить, что в связи с этой вульгаризацией дарвинизма «социалист» Гитлер отстаивает либеральный принцип неограниченной конкуренции»¹⁸.

Вообще при нынешних настойчивых попытках сравнивать и увязывать нацизм с большевизмом, много общего от советской тенденции сравнивать нацизм с капитализмом. Общим местом в отождествлении являлся культ личности. Но для эпохи мирового экономического кризиса стереотип харизматического лидера был вполне приемлем и в «западных демократиях». Рузвельт правил Соединенными Штатами столько же, сколько Гитлер Германией. И его «Новый курс» на «государство всеобщего благоденствия» был весьма жестким, авторитарным, через активное внедрение государственно-монополистических методов регулирования экономики. В чем-то сходной с культом личности можно считать эпоху «железной леди», когда она безжалостно расправлялась с профсоюзами угольщиков, громила аргентинцев у Фолклендских островов, открыто поддерживала диктатуру Пиночета и всяческий антикоммунизм. Если отвлечься от империалистической реакции Гитлера: милитаризма, реваншизма, расизма – от нацизма как такового, то национал-социалистическая структура общества была более плюралистичной, нежели советский строй. Партийно-государственная корпорация Германии в отличие от ВКП(б) допускала вполне мирное существование института Церкви, частных финансово-промышленных корпораций и вообще частной собственности и конкуренции, враги общества были четко определены. «Точности ради все же следует упомянуть довольно важные институты, сохранившие хотя бы формальную независимость, – церковь, бюрократия, отдельные экономические организации и армия»¹⁹. Большевизм в свою очередь исключал практически любую корпорацию, церковь, собственность, конкуренцию кроме государственной, врагом мог стать любой человек – атмосфера

страха и террора была тотальной. Речь уже не идет о свободе мысли, слова и передвижений: «немецкая философия 30-40-х годов (по крайней мере, весьма заметная часть этой философии) оставалась философией и тогда, когда была существенно созвучна идеологии национал-социализма; лояльность и даже приверженность к этой идеологии не означала для большинства немецких философов утраты своего философского лица, понижения уровня своего философского творчества – всего того, что было неизбежно для русских философов в период господства коммунистической идеологии»²⁰. Довоенную Германию таким образом нельзя назвать до конца тоталитарной.

Нацизм отошел от принципов национал-социализма, как сталинизм от ленинизма – в сторону консервативной контрреволюционной реакции. «Нацизм начал свой разрушительный путь. Небывалый белый террор против людей и социализма проходит под маской социализма. Для этого, его пропаганде пришлось возвести революционный фасад с отделкой Парижской Коммуны»²¹. Volks-элемент сменился расовой теорией превосходства, были преданы и надежды «консервативной революции» правых: «...идеи «революционных консерваторов», в том числе их мечта об органической народной общности, перерастающая в обожествление собственного народа, или стремление к слиянию мирской и религиозной сфер, ведущее к попыткам построить «царство Божие» на земле, были подхвачены нацизмом и по-своему воплощены в практике «тысячелетнего рейха»²². Социализм был фактически полностью отвергнут: было разгромлено профсоюзное движение. На всех заводах, фабриках и в учреждениях были ликвидированы рабочие советы, отменены право на забастовки и заключение коллективных договоров²³. Естественно, что идея превосходства – *массовый элитаризм*²⁴, полностью нивелировала и социалистическую идею равенства. Наиболее существенной социальной мерой стало решение проблемы безработицы, но в милитаристском ключе. На первый план вышел элитаризм и имперские реваншистские амбиции. Германский национализм эксплуатировался в целях тотального конформизма и в интересах крупных банкиров и промышленников, как местных, так и зарубежных. Подъем немецкого духа гарантировал их инвестиции. Нацисты могли готовить свои авантюры, зная, что на их стороне – поддержка влиятельных экономических групп западного мира²⁵. Война по-прежнему считалась лучшим методом наживы. «Для большинства немцев война, когда они о ней думали, сочеталась с соблазнительными перспективами, какие она им сулила, полную уверенность в незначительности неприятностей, каких они могли опасаться ... Больше того, эта война доставила многим немцам материальные блага, более сытую жизнь»²⁶.

Чрезмерно оправдывать Гитлера и нацистскую верхушку нет смысла. Они совершили много ошибок, они привели свой народ к новому, еще более жестокому поражению и позору. Гитлер предал идеологию национал-социализма ради имперского реакционного культа личности в сговоре с милитаристами-консерваторами. Также как когда-то ради войны Наполеон предал идеи революции, также как его оппонент Сталин уничтожил ленинский НЭП. Нацизм высветил опасности, которые могут скрываться за фасадом консерватизма (а современный консерватизм очень уязвим в отношении экстремальных взглядов, хотя и отвергает их)²⁷. И если бы Запад действительно тогда был бы либеральным, а либерализм был бы господствующим мировоззрением, то драмы Мировой войны можно было бы избежать. Буржуазный либерализм, под видом мира, разрядки, гуманной отдушины – «...дорогу, которую сорок пять лет назад избрала Западная Европа»²⁸ – пришел пожинать лавры на руины чужой смертоносной битвы – империализма, коммунизма, фашизма. «Вот, смотрите, что получилось – война и тирания» – стоя над схваткой, вещал и продолжает до сих пор заклинать социум буржуазный либерализм. Но, что могло бы получиться у большевизма и национал-социализма, если бы не постоянно действующая агрессивная реакционная политика империализма, направленная на войну и передел мира, актуальность которой не утрачена и поныне?

Ирак, Сербия, Афганистан, Ливан: войны и передел мира под эгидой идеи либерализма и демократии.

Вывод: нацизм – это злокачественное реакционное перерождение идеологии национал-социализма, обусловленное культом вождя, сговором с крупной буржуазией (оппортунизм), теорией расового превосходства. «Но дело, прежде всего в том, чтобы мы сами верно поняли, продумали и прочувствовали дух национал-социалистического движения. Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству. Травля против него естественна, когда она идет от Коминтерна; и противоестественна, когда она идет из небошевистских стран. Дух национал-социализма не сводится к «расизму». Он не сводится и к отрицанию. Он выдвигает положительные и творческие задачи»²⁹.

Итак, начнем с чистого листа. Национал-социализм – это, прежде всего, правый, традиционалистский взгляд на социализм. Национал-социализм – наиболее левое крыло правых взглядов. Он за построение более социального государства, но без утраты национальной идентичности, за приоритет нации в жизни страны. Уже в 30-е гг. по этому поводу левый национал-социалист О. Штрассер, о котором мы упоминали выше, считал, что из марксизма следует вычесть идею «диктатуры пролетариата», «утопический коммунизм» и «пролетарский интернационализм». Вместо этого Германия должна построить особый немецкий социализм, основанный на солидарности всей нации, справедливости и народном единстве. «Немецкий социализм» считал необходимым сочетать личную ответственность, независимость и творческую свободу с чувством принадлежности единой общине, к трудовому рабоче-крестьянскому и производительному коллективу³⁰

Джордж Моссе, определяющий национал-социализм в большей степени как культурную революцию, заметил очень важный антибуржуазный социальный аспект, идеал этой доктрины, дающий именно ей революционную перспективу социальной трансформации общества. В мире, созданном под воздействием индустриализации, личность была отчуждена не только от общества, но и от собственного природного разума³¹. Идея национал-социализма сочетать в себе традиционные устои общества и социальные преобразования стала попыткой положить конец отчуждению человека от современного общества. Подобную концепцию не содержал в себе большевистский социализм, полностью отдававший личность на попечение коллективизма и конформизма – в них он решал проблему отчуждения. Гитлер же затоптал этот росток надежд обывателей своими радикальными амбициями. Национал-социализм в нынешнем понимании – это уже не реакционный нацизм или корпоративный фашизм, где царят примат государства над нацией, имперские замашки Реакции над интересами всего общества, культ вождя над культом народа (демократии), аристократизм возвышенности над возвышенностью единства, истории и культуры всего общества, народа, личности. «Поэтому правы те, кто делает различие между доктриной национал-социализма и итальянским фашизмом, так как в фашистской доктрине, несмотря на то, что в Италии не существовало традиции аналогичной прусской (как мы уже видели), тем не менее признавался приоритет Государства перед «нацией» и «народом»³². Это будет уже подлинный национал-социализм без «войны и тирании», национал-демократия, где своеобразие личности, народа, нации не будет умиляться ради уравниловки своеобразием меньшинств, корпораций, элит. «Национал» – лишь защита против тотальной универсализации народов в виде масс, толпы, быдла, за национальную культуру и своеобразие великих народов, великих культур. Малые культуры имеют равное право на существование с крупными, но не могут сравниваться с ними по значимости для целостности государства, страны, общества. Недопустимо нахальное морализаторское вторжение общественного в личную жизнь. В этой области принципом должна стать свобода, непосредственно связанная с ответственностью, и еще в большей степени, с приоритетом

принципов «высшей морали» перед конформистскими принципами «мелкой морали»³³. «Социализм» – означает консолидированное решение самых болезненных и жизненно важных проблем общества: нищета, безработица, преступность, коррупция власти. Все ответственные и сопричастны, и все – государство, корпорации, общество, индивид – на равных обязаны решать эти проблемы. На равных не означает равную долю участия в этом процессе: если у кого-то больше прав и финансов, его ответственность пропорционально с этим потенциалом возрастает, его доля должна увеличиться.

Типичным примером действующей общественно-политической модели национал-социализма является «шведская модель социализма». Кое-кто, однако, не преминул отметить, что многие элементы и институты шведского государства никак не вяжутся с социализмом: в Швеции существует монархия, развитый частный финансовый капитал. Одним словом, делается вывод, что там не социализм, а развитый социал-капитализм³⁴. В среде умеренности и аккуратности всеми силами пытаются абсолютно изжить идею о каком бы то ни было социализме. Естественно, что «шведская модель» имеет мало общего с советским социализмом. Но рассмотрим ее с точки зрения перспективного национал-социализма, о котором сказано выше. «Шведская модель» практически его олицетворяет. В Швеции, мононациональном государстве, где национальное большинство – шведы, было построено очень развитое социальное государство, политика которого полностью направлена на национальные интересы, и которое управляется исключительно шведами. Шведы отказались в своем национал-социализме от «войны» – Швеция уже более ста с лишним лет как объявила нейтралитет, и «тирании» – шведский национал-социализм не отрицает демократию – правящая там уже 80 лет партия социал-демократическая, которая ограничивает её рамками национальных интересов: для шведов демократия – это не «всеократия» или «равнократия», а именно «власть народа» Швеции. Шведское государство практически не вмешивается в частную жизнь и собственность – «шведский социализм работает на базе рыночной экономики: 95% наших предприятий – частные. Государственный сектор производства крайне незначителен – меньше, чем в Италии или во Франции. Но зато есть крупный сектор, которым распоряжается государство: социальное обеспечение, здравоохранение и образование. Все это требует больших затрат, потому и налоги, включая социальные отчисления, в Швеции достаточно высоки – примерно 60% валовой продукции»³⁵. Буржуазные фарисеи припомнят, конечно же, что коммунисты уже пытались строить «социализм в отдельно взятой стране». Однако им можно возразить, что большевики не строили «социализм для отдельно взятой страны и народа», как это было сделано в Швеции, и чем как раз должен заниматься национал-социализм: этим он будет отличаться от советской модели. Ведь СССР был для коммунистов-интернационалистов лишь плацдармом «мировой революции».

Кстати, в какой-то мере национал-социалистическим можно считать и Китай (коммунизма там пока не построили). Ведь Китай является также мононациональным государством – 97% населения принадлежат к основной народности хань, идеология – «коммунистическая», в большей мере социалистическая, направленная на построение социально справедливого государства. Китай – довольно замкнутое общество с имперскими традициями, его политика на сегодняшний день целиком и полностью опирается на внутренние национальные интересы китайского народа.

¹ Румянцев Д. «Вопросы терминологии или Националисты, нацисты и все, все, все...»

² Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.5.

³ Рорромзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.118.

- ⁴ Горбунова А. Отто Штрассер. Гитлер и Я // «Критическая Масса» 2005, №3-4 // Красные в НСДАП. Пер. с нем. С. Чарного; предисл. А. Севера. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. 318 с.
- ⁵ Эко У. Вечный фашизм // «Пять эссе на темы этики». – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 49-80
- ⁶ Лаку-Лабарт Ф. Нацистский миф. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – С.23.
- ⁷ Иванов Ю. Осторожно: сионизм! Очерки по идеологии, организации и практике сионизма. Изд-е второе. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С.4.
- ⁸ Сейерс М. Тайная война против Америки/М. Сейерс, А. Кан. – М.: Гос. издательство иностранной литературы, 1947. – С.145-153.
- ⁹ Нацисты против Гитлера // Штрассер О. Гитлер и я. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 384 с.
- ¹⁰ Бенуа А. Загадка Гитлера. – <http://velesova-sloboda.info/right/benua-zagadka-gitlera.html>
- ¹¹ Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? Заметки к одной дискуссии // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* – Русское издание. – 2004. – № 1. – <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.html>
- ¹² Фукуяма Ф. Конец истории? – <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>
- ¹³ Устрялов Н.С. К вопросу о русском империализме // Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России», No15, 15 (28) октября 1916 года, сс.1-5. – http://thelib.ru/books/ustryalov_nikolay/k_voprosu_o_russkom_imperializme_1916-read.html
- ¹⁴ Рормозер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.66, 86-104.
- ¹⁵ Рассел Б. Происхождение фашизма. – <http://kaa.cust.ramtel.ru:9671/library/book/81014>
- ¹⁶ Фромм Э. Психология нацизма. Отрывок из книги «Бегство от свободы». – <http://psyho.ru/books/psyho/book8.htm>
- ¹⁷ Вайдман И. Принцип единоличного руководства в системе управления // Индустриферлаг Шпет унд Линде. – Берлин, 1936 г. // *Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению* под ред. В.Б. Авдеева. Серия «Библиотека расовой мысли»/Перев. с нем. А.М. Иванова/. – <http://velesova-sloboda.info/philosophy/vaydeman-printsip-edinlichnogo-rukovodstva.html>
- ¹⁸ Фромм Э. Психология нацизма. Отрывок из книги «Бегство от свободы». – <http://psyho.ru/books/psyho/book8.htm>
- ¹⁹ Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.8.
- ²⁰ Мальчевский Н. Каждому – своё. О немецкой философии в период национал-социализма. – <http://russamos.narod.ru/03-last-3.htm>
- ²¹ Ernst Bloch, «Inventory of a Revolutionary Facade», *The Heritage of our Time* (Polity, Cambridge, 1991), p. 64.
- ²² Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии (К истории возникновения понятия и его ранних интерпретаций) // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Выпуск 2. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. С. 121-127.
- ²³ Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.6.
- ²⁴ Эко У. Вечный фашизм // «Пять эссе на темы этики». – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 49-80.
- ²⁵ Безыменский Л. Разгаданные загадки Третьего рейха. 1933-1941. – М.: Издательство Агентства печати Новости, 1981. – С.40. (Книга подробно освещает вопрос сношений и поддержки нацизма крупным капиталом)

²⁶ Филлипов И.Ф. Записки о Третьем Рейхе. – М.: «Международные отношения», 1966. – С.88.

²⁷ Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.32.

²⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? – <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>

²⁹ Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух. // Возрождение. – Париж, 1933. – 17 мая.

³⁰ Мюдри Т. Отто Штрассер, отвергнутый пророк Германии // «Элементы» №8, 2000. – www.arcto.ru

³¹ Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.5-32.

³² Evola J. Il fascismo visto dalla Destra (con note sul III Reich). Settimo Sigillo: Roma, 1989, ч.2, гл. 3. (Перевод с итальянского Виктории Ванюшкиной) – www.nationalism.org

³³ *ibid.* ч.1, гл. 13.

³⁴ Зубко М. Шведская модель справедливости // Парламентская газета. – 2003. – №80. – 30 апреля. – <http://www.pnp.ru/archive/12090734.html>

³⁵ Секреты шведского социализма // Аргументы и факты. – 2000. – №6 (1007) – 9 февраля.

Заключение

Сейчас в нашем распоряжении много всевозможной исторической и идеологической информации. Мы можем по своему усмотрению выбирать себе историю и мировоззрение. Но не это важно сегодня. А важно научиться выбирать и выбрать своё будущее. И чтобы никто не мешал нам этого делать. Не существует той реальности, в которой человек был рождён и с которой он всегда должен был мириться¹.

Коммунисты, фашисты, либералы – это, в общем-то, не столько люди, а исторический и реальный архетип, с которым связано живое сознание: он заключен в книгах, в памяти поколений. Современнику надо задать себе такой вопрос, какое отношение имеют идеологические феномены вроде фашизма, коммунизма или нацизма, к современной ситуации? Требуется ли сохранение традиций общества – консерватизм? Или же жесткое восстановление и укрепление государственной власти и порядка – фашизм. Национализм подразумевает становление, возрождение и сбережение нации, ее суверенитета, идентичности. Самые разнообразные формы социализма и отчасти фашизм предлагают *трансформацию* мира, уклада жизни общества после либерализма и капитализма, как в материальном, так и в духовном плане. В свою очередь все реакционные идеологии *деформируют* мир под себя, свои интересы: тогда миру становится необходимым либерализм – *освобождение* от реакции. Следует отвлечься от чужих навязчивых нотаций и задуматься о том, что сегодня представляет собой «зло», в чем кризис конца века, в чем нуждается социум и индивидуум.

Почему же порой тиранические идеи поддерживаются массами? По всей видимости, это либо ответная жестокая реакция на предыдущую тиранию, либо желание выхода из фазы хаоса. Кризиса, когда «верхи» уже совсем не могут и не хотят мочь. Люди стремятся нарушить привычный порядок вещей, когда этот порядок угрожает их существованию². Исторический момент становления, наряду с корпоративным принципом (династизм и nepoтизм) и демократическим принципом (выбор, референдум, парламентаризм) является механизмом оформления и последовательного существования политической системы и её иерархического принципа. Сегодня все теории – либерализм, демократия, коммунизм, консерватизм и т.д. – практически рухнули, и в дело вступил

исторический момент – необходимость почти биологического уровня. Будет либо национально-освободительная борьба, либо чисто социальная, либо Реакция, либо тоталитаризм. «Никакие исторические, социологические, юридические и прочие теории никогда не докажут «объективной невозможности» или «бессмысленности» революционных выступлений, в том числе и далеко не мирных. Что же еще остается униженным и оскорбленным, если ничего не дали цивилизованные формы борьбы против того или иного антинародного, эксплуататорского режима? Режим, множащий своей политикой нищету и бесправие тружеников города и села, не желающего противодействовать стремительно углубляющемуся социальному неравенству, защищающего интересы лишь олигархической и бюрократической верхушки»³.

Идеологии и их идеологические социальные феномены никогда в чистом виде не реализовывались. Всегда политический процесс обуславливался социальными наслоениями традиционного характера, либо оппонентскими тенденциями. Тогда идеологии приходилось либо отрицать оппозицию и идти на реакцию, либо идти на компромисс, а, значит, на синкретизм и синтез.

Часто идеологии становятся несчастными жертвами идеократии – власти их эксплуатируют для обмана общества, а оппозиция нещадно критикует их. В обоих случаях идеология, превращаясь в лжедоктрину, дискредитируется в историческом плане. Идеология становится ширмой псевдократии, когда ее изначальные принципы не имеют ничего общего с тем, что получилось под ее вывеской. У идей остаются лишь судьи, но нет исповедника, чтобы отпустить им грехи. Осуждению подлежит единственно та мысль, которая обдуманно (или не подумав как следует, поддавшись эмоциям) встает на службу идеологии и прячется за ее спиной или же стремится воспользоваться ее могуществом⁴.

Идеологии, как идеологические феномены и мифологемы тесно переплетаются друг с другом в сознании людей и калейдоскопе исторических событий.

Все ли плохо в нацизме или коммунизме? А все ли хорошо в либерализме? «Если бы функционировали коммунизм и, быть может, даже фашизм, то либерализм давно был бы похоронен. Аргументы, выдвинутые против либерализма еще в XIX веке, почти не потеряли своей значимости»⁵. Люди воспринимали многие позиции этих идеологий как добро, пользу для себя, соглашаясь с их издержками и противоречиями, с проблемами, связанными с их воплощением. Они верили в их рациональность. Почему же не отказаться от исторических ошибок и воплощать только положительный опыт идей? Отказаться от отрицательного опыта и его догм. Следовать «доброму» в этих идеях. Простые люди видели национал-социализм глазами Л. Рифеншталь, большевизм – глазами Эйзенштейна и Пырьева, американскую мечту глазами Голливуда. Многим из них не было дела до апологетики этих идей. Они жаждали лишь осуществления своих иллюзий. Что-то воплотилось, что-то было повергнуто жизнью в крах и позор. Национал-социализм, большевизм, либерализм, фашизм, демократия и проч. не реализовались в том позитивном понимании, которого от них ожидали и ждут. «В XX веке не только потерпели крушение коллективистские формы идеологии и политики – фашизм и социализм. На пути к своему краху находится также и либерализм. Пройдет еще какое-то время, пока мы осознаем, что до коллапса либерализма нас отделяет не такая уж большая дистанция. Чувство триумфа по поводу поражения социализма прошло, поскольку событие это лишь ускорило кризис либерализма и сделало его еще более очевидным. Модель государства благосостояния переживает процесс эрозии так же, как и другие идеологии, выросшие на почве Просвещения и Французской революции»⁶. Конец ли это истории? Нет, скорее идет смена веков. Идеи требуют своего возрождения и воплощения.

«Война и тирания» – вот основные фетиши остракизма любой идеологии со стороны современного гуманистического менталитета. Если идеология не исповедует откры-

то этих идей и целей, то она абсолютно легитимна, социально оправдана, как бы она не называлась. Общие идеи не в ответе за частные амбиции.

«Конец истории» в современном обществе вовсе не реален, лишь в силу того, что нет дальнейшего идеологического развития. Все идеологии только определились как таковые в 19-20 вв., с точки зрения науки и философии. То есть были определены их принципы, содержание, цели. Была обоснована критика всех идеологий. Но ныне еще далеко до реализации в реальной исторической ситуации всех социальных теорий и феноменов. Ни демократия, ни права человека, ни свободы разного толка так и не были осуществлены в своих законченных, гармоничных с многогранной жизнью общества, институциональных состояниях. В истории ничто не доказало своего превосходства: республика – монархия, романтизм – классицизм, либерализм – авторитаризм, реализм – абстракционизм, иррационализм – интеллектуализм, – все общественные институты, равно как и философские течения, вполне стоят друг друга⁷.

Нынешние идеологи либерализма слишком уж стараются отправить человечество в безыдейную постисторию. Они недооценивают силу и живучесть идеологических феноменов. Ничто не мешает существовать идее монархизма, как строя, порядка, режима от начала государств до сих пор. Ничто не мешает жить и развиваться христианству и другим религиям, как естественным моральным (духовно-нравственным) феноменам. Идеология демократии также имеет многотысячелетнюю историю. Демократия лишь спустя 2,5 тысячи лет начала обретать черты всеобщего социального характера⁸. И многое из задуманного в прошлые 3-4 столетия, от Ренессанса, Классицизма и Просвещения, так и не реализовалось. Увы, но таковы вечные вздохи либералов «программа либерализма нигде до конца не реализовалась» – казалось бы, что ей мешает? Ведь она такая мудрая, правильная, сильная. И вот ушлые западные теоретики уже принялись хоронить духовный материал двух столетий, хотя он еще исторически даже не развернулся: «все устарело», «ничего уже не будет» – брюзжат они усталые и утомленные этим вечным уговариванием своего бессилия. Позитивистские идеологии еще только начались. Либерализму, социализму и прочим «измам» нет еще и 500 лет. Можно не сомневаться, что их история успешно продолжится. Безвременье, «конец истории» – это лишь короткий миг остановки, зстоя перед новым, бешеным штурмом вечности – «новые силы ищут новые образцы коллективной жизни и открывают для себя, что не смогут навязать их, если не прибегнут к борьбе»⁹. Человечеству лишь надо встряхнуться от жуткого пессимистического засонья.

Вполне возможно, что «конец истории» станет реальным лишь с концом Цивилизации Государства. А пока впереди – борьба.

¹ Меллер А. Фашистский стиль. – www.nationalism.org

² Десять вопросов Юргену Ригеру, заданные Петром Кузьмичевым 29 марта 2006 года. – <http://velesova-sloboda.info/misc/kuzmichev-desyat-voprosov-yurgenu-rigeru.html>

³ Новопашин Ю.С. Антикommунистические революции конца XX века. // Вопросы истории. – 2006. – №9. – С.96.

⁴ Лаку-Лабарт Ф. Нацистский миф. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – С.26.

⁵ Рормомзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.66.

⁶ *ibid.* С.273.

⁷ Сиоран. Испытание существованием. – М.: Республика; Палимпсест, 2003. – С.140.

⁸ В данной работе демократия намеренно не рассматривалась. Этот феномен требует специального глубокого рассмотрения в силу чрезвычайного многообразия мнений на его счет. «Нам известны и подлинно народные (в Афинах) формы демократии, и аристократические (в Риме), и тоталитарные (в древней Спарте), и демократии классовых диктатур (буржуазной и пролетарской), и партийной (в советский период) и т.д. и т.п.» [Кравченко И.И. 2006, С.14]. Вот несколько взглядов на демократию, иллюстрири-

рующих разнообразие в понимании этого феномена: «Я вполне убежден в том, что большинство аристократий первоначально было демократиями» (Б. Спиноза); «...если демократия обозначает «не загонять народ на задворки государства», то автор этих строк может определить фашизм как «организованную, централизованную и авторитарную демократию» (Б. Муссолини); «Демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия решений, при котором отдельные индивиды обретают власть принимать решения в результате конкурентной борьбы за голоса людей» (И. Шумпетер); сравните напоследок демократические взгляды либерала Шумпетера с еще одним видением демократии – «Сравните с этим истинно германскую демократию, заключающуюся в свободном выборе вождя с обязательностью для последнего – взять на себя личную ответственность за свои действия. Тут нет места для голосования большинства по отдельным вопросам, тут надо наметить лишь одно лицо, которое потом отвечает за свои решения всем своим имуществом и жизнью».

⁹ Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 264.

© Заднепровский Б., 2007 г.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).